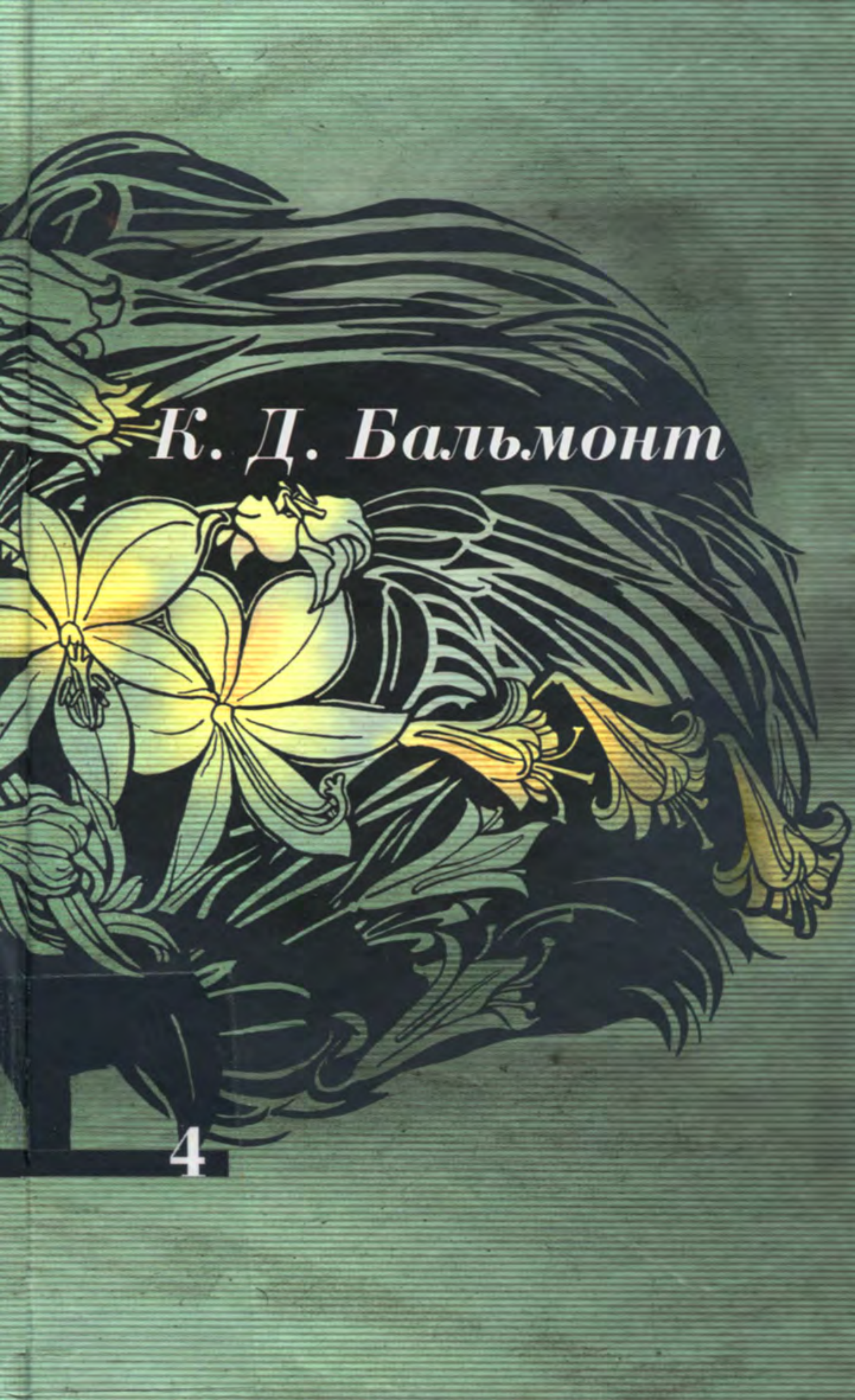

К. Д. Бальмонт
4

Константин Дмитриевич
Бальмонт
Собрание сочинений в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
ТОМ 4

В раздвинутой дали.
Поэма о России

Гимны, песни
и замыслы древних

Испанские народные
песни

Марево

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б21

Оформление художника
Е. БЕРЕЗИНА

Бальмонт К. Д.

Б21 Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: В раздвинутые дали: Поэма о России; Гимны, песни и замыслы древних; Марево. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-904656-86-7 (т. 4)
ISBN 978-5-904656-82-9

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист и переводчик, виднейший представитель Серебряного века. Именно с него начался русский символизм.

Стихи Бальмонта удивительно музыкальны, недаром его называли «Паганини русского стиха». Его поэзия пронизана романтичностью, духовностью, красотой. Она свободна от условностей, любовь и жизнь воспеваются даже в такие страшные годы как 1905 или 1914.

Собрание сочинений Константина Дмитриевича — изысканная коллекция самых значительных и самых красивых творений метра русской поэзии, принесших ему российскую и мировую славу. Произведения, включенные в Собрание сочинений, дают самое полное представление о всех гранях творчества Бальмонта — волшебника слова.

Уникальными являются первые три тома — в них без сокращений воспроизведено «Полное собрание стихов К. Бальмонта в 10 томах», изданное в 1904—14 гг. В пятый и шестой тома вошли прозаические произведения Бальмонта, очерки, заметки, впечатления и мысли. Заключительный том Собрания сочинений включает в себя лучшие образцы его художественных — поэтических и прозаических — переводов.

В четвертый том собрания вошли поэма «В раздвинутой дали», «Гимны, песни и замыслы древних», «Испанские народные песни» и «Марево».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-904656-86-7 (т. 4)
ISBN 978-5-904656-82-9

В РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ

Поэма о России

УЙТИ ТУДА

Уйти туда, где бьются струи.
В знакомый брег,
Где знал впервые поцелуи
И первый снег,
Где в первый раз взошел подснежник
На крутоем,
Где, под ногой хрустя, валежник
Пропел стихом.
Где звук жужжанья первой мухи,
В конце зимы,
Как луч в дивующемся слухе,
Разъял все тьмы.
Где ярким сном былинной были
Нам громы вдруг
Молниеносно тучу взрыли,
Как черный луг
Из тучевого луга книзу,
Решив: «Пора!»,
Метнули злата в Божью ризу
И серебра.
Уйти — уйти — уйти — в забвенье.
В тот вспев святой,
Уйти туда — хоть на мгновенье,
Хотя мечтой.

ХОЧУ

Хочу густого духа
Сосны, берез и елей.
Хочу, чтоб пели глухо
Взвывания мятелей.
Пастух пространств небесных,
О, ветер далей Русских,
Как здесь устал я в тесных
Чертах запашек узких.
Давно душа устала
Не видеть, как цветками
Дрема владеет ало
Безмерными лугами.
Пойти по косогору,
Рекою многоводной,
Молиться водам, бору,
Земле, ни с чем несходной.
Узнай все страны в мире,
Измерь пути морские,
Но нет вольней и шире,
Но нет нежней — России.
Все славы — мне погудки.
В них душно мне и вязко.
Родныя незабудки —
Единственная сказка.
Ребячьи мне игрушки —
Красоты, что не наши.
Напев родной кукушки —
Вино бездонной чаши.
Уютной, ветхой няни
Поет жужжанье прялки.
Цветут в лесном тумане
Ночныя нам фиалки.
От Севера до Юга,
С Востока до Заката —
Икона пашни, луга,
Церковкость аромата.
Пасхальной ночи верба —
Раскрывшаяся тайна,

Восстанье из ущерба
Для жизни, что безкрайна.
Лишь тот, кто знал морозы
И вьюжное круженье,
Войдет в такия грозы,
Где громы — откровенье.
Лишь нами — нами — нами
Постигнуто в пустыне,
Как петь колоколами
От века и доныне.
Кто жаждет благолепий,
В чьем сердце звучны хоры,
Тому — от Бога — степи,
Ему — леса и горы.
Хочу моей долины
И волей сердца знаю,
Что путь мой соколиный —
К Единственному Краю.

ЗНАК

Как знак, Олег свой щит прибил к вратам Царь-Града.
Пусть на мгновения простерты в прахе мы,
Наш самый жаркий луч храним в снегах зимы,
И наш июльский луг — цветная пышность сада.

Судьба сковала цепь. Мертвящая ограда
Стеснила весь наш край глухой стеной тюрьмы.
Но Солнце медное плывет из черной тьмы,
Чтоб брызнуть золотом, как час решит: «Так надо!»

Трехцветным знаменем овеян Океан,
Где льды пловучие и белые медведи,
Мы Море теплое причтем к своей победе.

Так решено в веках. Нам будет миг тот дан.
Нам говорит герой, весь кованый из меди,
Что Имя Русское — глубинный талисман.

БУБЕН

В медный бубен ударяя,
Звонко сокола он пел.
«Птица-пламя, птица-злая,
Птица-Солнце, сокол смел.

Он в горячем перелете
Сразу небо пресечет.
С ним добыча на охоте —
В полный месяц — полный счет

Месяц — срезанная щепка —
Счет добычи без него.
Бьет он метко, бьет он крепко,
Не пропустит никого.

Он не долго ведал руку,
Призакрытый клобучком.
Знает меткую науку —
Громом падать над врагом.

Заяц рябью метит тропы,
Путь для цапли — вышина,
Ветер — в беге антилопы,
От него им смерть — одна.

Голубь гулил-тикал-токал,
Млел — что синь на ярлыке.
Чуть мелькнул мой белый сокол,
Голубь — вот в моей руке.

Не продам я птицу эту,
Дорожишься, путник, зря.
Он был послан Баязету,
В выкуп Франкскаго царя.

Кубла-Хан перелукавил
С ним — три тысячи лисиц.
Сам Персидский шах восславил
Хватку-молнию меж птиц.

Впился в Индии он с маху
В крепковыю кабану.
Ты даешь мне денег? Праху?
Лучше я продам жену».

Так Киргиз напев сугубый
Вдруг нашел, чтоб мне пропеть.
И, смеясь, белели зубы,
Златом в бубне рдела медь.

Зыком в небе многотрубно
Вскликнул голос журавлей,
Звуки песни, всплески бубна
Воскрылялись все светлей.

Зависть к дикому Киргизу
Я учуял, весь горя,
В час как в огненную ризу
Облеклась в степи заря.

РУСЬ

В сердце чувство древней были,
Быта, бывшаго века,
Звон лесного родника,
Трепет вьющих воскрылий,
Достиженья без усилий.
Силой зрящаго зрачка,
Силой радованья воле.
Лес мне выкорчевать, что ли?
Весь? Дремучий? Древний? Что ж!
Мне для хлеба нужно поле.
Лес — богатство. Лес — хорош.
Да простор получше, вдвое.
Нужно поле мне ржаное
И надречный строй станиц.
Степь нужна для лета птиц.
Отодвину вечевое
И немотное, лесное

Царство белок и куниц.
Я хочу не тропок тесных,
Не однех лесных криниц,
Это мне давно знакомо —
Повсеместно быть как дома
И нигде не быть в дому,
В доме — в гробе. Жить ли в склепе?
Этот жребий слишком строг.
Я люблю разбег дорог.
Манит степь? А я за степи!
На утесистый отрог.
Кличет друга гулкий рог.
А когда мой зов не брата
И не друга пробудил, —
А когда орла орлята
Воплем кличут к мере сил,
Ринусь я на супостата,
Он ли, я ли, но со ската
Путь — до пропастных могил.
И широко, и богато
Раскрывается простор.
Синь, синее дальних гор,
Даль, воздушней, зеленее,
Чем ветвистая затея,
Что засеял гулкий бор.
Тоже чащи, но иныя,
Пеной венчаны, сквозныя,
Изумрудный блеск и хор,
Вал за валом, клонят выи
И заводят разговор,
Говорят, что, кто в просторе
Сердцем все завоевал,
Должен день свой бросить в Море,
Ночью в сердце примет вал.
Так, я — Русь. И все я знаю.
Русский в чем же не бывал?
Как от края неба к краю,
Разрезая бирюзу.
Мчится молния в грозу,
Я у самаго Царь-Града

На вратах прибил свой щит.
Но того ли Руссу надо?
Он не этим знаменит.
Впивши сглаз и клич пространства,
Крылья сокола легки, —
Брал я рубище в убранство,
Мерил сердцем постоянство
Покаянья и тоски,
Власть — в себя простор вместившей —
В крестном знаменьи застывшей,
Укротившейся руки.
Знаю я, побывши в гуле,
За седьмой чужой горой,
Как сбирать в единый улей
Розных пчел мохнатый рой, —
Как, подпав под вражьи ковы,
Заглянув далеко в даль,
Опрокинуть рок суровый
Волей верною как сталь.
Да, я Русский. Знаю иго,
Что сцепляет триста лет.
Знаю мощь такого мига,
Что, когда душой пропет,
Сразу тьмы и рабства нет.
Верю: Мне предначертанье —
Все изведать до конца.
Через пропасти страданья
К свету Божьяго лица.
Полной чашей своеволье
Я во времени испил.
Час бежит. Мой час — бездолье.
Крепкий час мой — богомолье,
Накопленье новых сил.
И еще в прозрачном взоре
Есть упор и крепь стропил.
И еще увидят вскоре
Горы в каменном уборе,
Поле, степь и лес, и Море,
Мрак ли, свет ли победил.

ПОДВИЖНИК РУСИ

В глухом лесу, звеня, сосна,
Что выше и прямее ели,
Всегда победно зелена,
В ней знак свирели и кудели.

В смиренном цвете умудрен,
Небеснаго прозренья вежды,
Среди цветов провидец — лен,
Он ткач заветной нам одежды.

Среди бессмертных в славе рек,
Гудит в час вещим звоном Волга.
И вечен древлий древосек,
Верховнаго свершитель долга.

Смолистых свежих стружек дух,
Непререкаемое знанье,
Он Божий зрак и Божий слух,
Благословение — дерзанья.

Исповедальная свеча,
Его — как звук кадила — слово,
Что пламень праваго меча —
Свершенья Божьяго основа.

Россия — Русь. И, если рок
Велел, чтоб налегла верига,
Судьбинный выполнив урок,
Пробей пролом в твердыне ига.

Из тихой бездны ветер мча,
Воссоздадим родныя клети,
И наша да горит свеча
В Господней мгле тысячелетий.

Великой Русской Пасхи свет —
От Неба принятое слово.
Святого Сергия завет
В руке Димитрия Донского!

КОЛОКОЛ

...Повеление положи и не мимо идет...
Требник

Голос Господень в единой твердыне,
Гулом качается древле и ныне,
Возглас взрастающих великолепий,
Слышный и в темном подземном вертепе.

Кедры ли горные радостным звонам
Тайно не вняли в безгласьи зеленом?
Море ли синее, взбегами вала,
Гулам разгудным, гремя, не внимало?

Вечно неверные, шаткие люди
Не засвечались ли в праздничном гуде?
Возгласам мерным, далеко звучащим,
Птицы внимали по стихнувшим чащам.

Колокол вылит из меди, из красной,
В ней серебра есть зазвон сладкогласный,
Слиты металлы в нем, воли в нем слиты
Все в нем копейки в свой час имениты.

Имя даятеля, пусть сокровенно,
Именем Бога гудит неизменно,
Благовест гулкий, звучащая чаша,
Дух наш, и путь наш, и Родина наша!

КРЕПЬ ГОРЬКАЯ

Я серею. Пыльная. Не злая.
Все же доброй быть мне не дано.
Брызни мною в хмель, — и я шальная,
Отравляя хлебное вино.

Путники тоскуют в бездорожьи,
Я качаюсь молча на степи.

Друг до друга молвят дети Божьи: —
«Трудно жить. А ты, брат, потерпи».

На степях безрадостно расту я.
Дуя, ветер свищет: «Не неволь!»
Солончак мерцает, зло колдуя,
Земь; но сушь, и выцветает соль.

Слышала я слово от шайтана,
Будто я в расцвете хороша.
Пчелы не со мною утром рано,
Меду я не выдыхну, дыша.

Слышала я клич: «Сарынь на кичку!»
Хохот. Гик. Ватаги буйной гул.
Видела, как птичку-невеличку
Беркут, хан орлов, скогтив, сглонул.

А потом, с гортанным зычным словом,
Половчанин беркута убил,
И стрелу пером тем беркутовым
Оперил к разгрому Русских сил.

И погнали связанных в неволю,
Спотыкались в путах мал и стар.
И росла по Дикому я Полю,
Через степь смотрела на пожар.

Что вчера? Что завтра? Я не знаю.
В сор один все мысли сплетены.
Я во сне, без меры и без краю,
Вопли пытки в рокоте зурны.

Чуть Луна ущербленной горбушкой
Глянет, — Сатанинский кончен пир.
Где-то лес. Весна с лесной опушкой.
Степь и крышка неба — весь мой мир.

Конь проскачет. Ржанье пронесется.
Вьется, бьется, к листьям жмется пыль.

Как же Божьим деревом зовется
То же, что зовется чернобыль?

Путника хочу предостеречь я: —
Божий ратник, шествуй в мир святынь.
В горьком — крепь. И крепость есть злоречья.
Но меня не трогай. Я полынь.

РУСЬ

Русь, Россия,
Все морския,
Все лесныя чары в ней.
Полевыя,
Луговыя,
И степныя. Ты о ней
Говори,
Не умолкая,
Вплоть до мая целый год.
Русь такая,
Что, сверкая,
Всякий счет перетечет.
Мы упали,
Не из стали.
Путь кончали — как рабы.
Мы устали
От печали,
Мы в опале у Судьбы.
Ну же, ну же,
В сильном муже
Нужно крепче нить крутить.
С тетивою,
С луком, к бою,
Ткань укрою в златобить.
Лук каленый,
Конь ядреный,
Он попоной облечен.
Знает скоком
Быть в далеком,

Знает видеть вещий сон.
Чаша быта,
Знаменита,
Вся разбита на куски.
Жив громило,
Наша сила
Блеск замглила, — угольки.
Ну и что же?
Вышний Боже,
Как похожи явь и сон.
В веке старом
Тем же ярым
Я пожаром был сожжен.
Ах, верига
Плена, ига,
Эта книга тяжела.
Не кляну я: —
Мысль, тоскуя,
Эту летопись прочла.
Там над Калкой
Час был жалкой,
Я фиалкой стал в лесах.
Жил взростая,
Расцветая.
Сила злая? Где ты? Прах.
Были Ляхи,
Были в страхе
Все размахи сил моих.
Ну, из Польши
Что же больше
К нам придет? Лишь звонкий стих.
И от Сены
Брызги пены
В наши стены путь вели.
Бита карта
Бонапарта.
Кто пылинка, тот в пыли.
Русский, кто ты?
Русь, русло ты,

Улей, соты, мед густой.
Не весталка,
Срыв и балка,
И русалка над водой.
Ах, русалий
Смех из дали
Мы узнали так давно.
Вновь заманим,
Затуманим
Всей Судьбы веретено.
Сердце славит,
Не лукавит,
Сердце плавит в нас руду.
Час похмелью.
Мы мятелью
Разнесем свою беду.
Русь, Россия,
Ты — стихия
Перебора вечных сил.
Час износишь,
Клочья сбросишь
И попросишь ты — кадил,
Это — было.
Власть кадила
Освятила златокруг.
Смолкнут стоны,
Перезвоны
Поплывут в зеленый луг.
Эй, степные!
Эй, лесные!
Будет выи вам сгибать.
Сине-Море
В гулком хоре
Вторит: «Вольным — благодать!»

БЫЛЬ

Перелет орла над степью в вышине,
Мысль упорная в сознаньи там на дне.

Перескок копыт по степи и ковыль,
Взор Петра и бег Мазепы, это — быль.

Ветвь лихая от распиленнаго пня,
Красный пламень убиенья и огня,
Слово Курбскаго — и Грознаго костыль,
Взгляд слуги в царевы очи, это — быль.

Не убивший оземь, жизнь прикрывший снег,
Славянином пораженный Печенег,
До Царь-Града — Руси Южной всклик и пыль,
Мудрость Ольги, щит Олега, это — быль.

Чем я дальше от сегодняшняго дня,
Тем полней завет свершенья для меня.
Чем я ближе к корню Русских наших дней,
Зов Славянскаго дерзанья мне слышней.

Звук сегодня — лишь машин незрячий рык,
Но поет и светит Русский мне язык.
Обнял он просторы двух материков,
Он исторгнет Край мой Отчий из оков.

Верю в озимь, ей не страшен лед и снег,
В звонкий бубен, в щит свой сталью бьет Олег.
Я увижу там в безкрайности ковыль,
Воля сердца претворяет мысли — в быль.

РУСЬ

...Нет, так любить, как Русская душа всем, что ни есть в тебе — а... Нет, так любить никто не может.

Гоголь. Тарас Бульба

Теперь, когда родимый свет погас
За синими далекими холмами,
Ты — знаменем неколебимым с нами,
Провидящий безтрепетный Тарас.

Ты знал, что к нам придет предельный час,
Глумятся недоверки в нашем Храме,
Но грозы Русский дух крепят громами,
И молча мы из молний ткем наш сказ.

В нас голос зова: «Помни о России!»
И клич, где скрытый пламень: «Будь готов!»
Тарасов след. Костры сторожевые.

Придет наш час. Погнутся вражьи выи.
И, волю слив с волной колоколов,
Россия — с нами — станет — Русь — впервые.

ЗАВЕТ ПРАЩУРОВ

Копье, стрела, чекан, секира,
    Булатный меч,
Как хороши вы в утре мира
    И первых встреч.
Назвавши вас, я вижу зверя,
    Чей грозен вой,
И человек, свой дух с ним меря
    Взнес облик свой.
Воспомня вас, я вижу поле,
    Из края в край,
И две ликующия воли.
    Живи. Играй.
Умей сразить единорога,
    Возьми свое.
С Белбогом ты, на Чернобога
    Наметь копье.
Умей на стан метнуться станом,
    Как лес телег.
И что Татары с гордым Ханом?
    Что Печенег?
Они лишь снились нам когда-то,
    Во мгле веков,
Чтоб наша кровь была богата
    Отвагой снов.

А если волей Чернобога
Ты знаешь плен,
Крепись, хоти и мысли строго,
Уйди из стен.
Читай в ночи к созвездьям мира
Молитвы вслух.
Служила пращурам секира,
Тебе — твой дух,
Коль в бурях ты упорен, смелый,
Душа твоя —
Отсюда — жалящия стрелы,
И свист копья.
Стоокой мысли бей чеканом
Слепую тьму, —
Проснешься снова с днем румяным
В своем дому.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

На взмахе камня всадник медный
Приподнял резвый взмах коня,
И смотрит в небо лик победный,
В нем солнце будущаго дня.

Мы знали много поражений,
Предельную растрату сил;
Но наш исконный взрывный гений
Из бездны к выси нас взносил.

Рука, которая умела
Держать такие повода,
Велит глядеть нам в пропасть смело
И знать, что нас ведет Звезда.

Четыре конския копыта
На взмахе камня — нам завет,
Что будет вся беда избыта,
Что вспыхнет, брызнув, пламецвет.

И жду. Да вспрянет конь летучий,
Топча извивную змею.
Да узрю светлою над кручей
В лучах Избранницу мою.

К КАЗАКАМ

Казаки, хранители Юга,
Властители вольных степей,
Душой до казацкаго круга
Иду с челобиткой моей.

Казак — полновольная воля,
Казак — некрушимая крепь,
Его забаюкала, холя,
Вся южная Русская степь.

Содружеству — святость закона,
Содруга нигде не покинь,
Цветущаго Тихаго Дона
Веселая, вольная синь.

Казак — безоглядная доля,
Днепровский о брег водомет,
Чрез долгое Дикое Поле
Всей конскою мощью полет.

Во имя Родимаго Края,
И Веры, чья цельность строга,
Орлов длиннокрылая стая,
Орлиный налет на врага.

Не чужды мне ваши пределы,
Явите мне правду и суд,
Бесстрашным был ратником, смелый,
Мой прадед, херсонец, Балмут.

Я с зовом казаки к вам, с зовом,
Услышьте зовущий напев,

Из дома с разрушенным кровом
Унес я негаснущий гнев.

Наш Край — под пятой иноверца,
Зажжен нечестивый пожар, —
Зачем же до вражьяго сердца
Орлиный не рухнет удар?

Бесовския сильны твердыни,
Но в нас он, Отцовский наш Край,
Господь не иссяк и доныне,
Кто любит Россию, дерзай.

Довольно нам чуждаго праха,
Готовьте могучий размах: —
Кто держится чарою страха,
Метните в них губящий страх!

ВЕНЦЕНОСНАЯ

Венценосная тень предо мной проходила во сне,
И, венец пронося, прошептала, что жемчуг тот мне.
Для меня — в жемчугах и в огне золотой ободок,
Только нужно свершить три свершенья в короткий мне срок.
И одно — чтоб до полночи целый мне мир облететь,
Превращая повсюду в червонное золото медь.
И другое — чтоб я до зари, до вторых петухов,
Ожерелье спаял — все из лунных серебряных слов,
И последнее, третье — чтоб к третьим я был петухам
На заре сам зарей — и тогда с нею вступим мы в храм.
Подарить мне все царство свое обещалась она
И колодец, где мудрость — без грани и счастье — без дна.
Венценосная тень подарить мне хотела — себя,
И нельзя было сердцу глядеть на нее — не любя.
В сердце вспыхнул обжог, напряженная сладость тоски,
Засновали кругом и сложились в ковер огоньки.
На летучем ковре я сквозь мраки весь мир облетел,
Всюду медь стала золотом, мир — золотой стал предел.
Расспросив соловьев, на черте соловьиных садов,

Я спаял ожерелье из лунных серебряных слов.
Стала легче дышать напряжением сжатая грудь,
Среброкованный Серп из-за гор показался чуть-чуть.
И как первый петух возвестил мне двенадцатый час,
Я весь мир заковал в золотой, в огнеблещущий сказ.
И как слышалось пенье предзорных вторых петухов,
Я качал ожерелье из лунных серебряных слов
И уж только хотел — до зари — я сверкнуть как заря,
От морей до морей загудела печаль, говоря...
Закачалась тоска, как дремучий безвыходный лес,
Золотой ободок, мне маячивший в далях, исчез.
И набатом послышался третьих тут вспев петухов,
Разорвалось мое ожерелье серебряных слов.
Растопилось все золото, брызнув к небесным краям:
И багряная медь потекла по закраинам ям.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Из всех нам разсказов желанней и слаще
О первой любви рассказ.
В ней звук небывалый и свет настоящий,
Колодец бездонный единственных глаз.
Из всех многозвездных сверканий и гроздий
Вечернюю — первую — любим звезду.
Кузнец, чьи — для Святок алмазные гвозди,
Декабрь наш — двенадцатый месяц в году.
Чтоб вникнуть в скрижали
Гаданий и снов,
В ночи мы избрали,
Издревле, из дали,
Двенадцать часов,
России, чьи мощны и чащи, и реки,
Чьи горы небесный прорезали свод,
Вещанье навеки —
Двенадцатый год,
Что Рим мне! Что Галлы! Что рьяная Спарта!
Свечой мы копеечной были сильней.
В игре тут была ворожебная карта.
Россия — Москва — приняла Бонапарта

Такой безоглядностью ярых огней,
Что побыл в Москве — и закончен был в ней.
Пыланьем того рокового пожара,
Тем вскрытием льда, всеразлитием сил,
Как Божьим напитком, наполнилась чара,
Которую Пушкин ребенком испил,
И в отроке пламень так жгуче был явен,
Что, чуть просвирелил он первый свой вздох,
Как сонный мгновенно проснулся Державин,
Почуяв, что снова с Россиею Бог.
Сгорели. Воскресли. И было так надо.
И снова. Но где же из пепла исход?
Когда опрокинем на воинства Ада
Двенадцатый год?

НАД ЗЫБЬЮ НЕЗЫБЛЕМОЕ

Шумит, шуршит и шелестит
Шипучий вал, свой бег свершая.
Шершав шатучей влаги вид,
Вода морей, она чужая.
Не пролепечет ручейком
Ту сказку воркотливой няни,
В которой с чудом ты знаком,
Вступая в мир по светлой грани.
В воде морей и нет реки,
Хоть в Море все впадают реки.
А как шуршат нам тростники,
Когда полюбим мы — навеки,
Навеки милое лицо
Любовью расцветет в апреле,
И от души к душе кольцо
Перескользнет под стон свирели.
Но эта летопись была
В родной глуши лесного края,
Где гуд густой колокола
Качают, в помыслы вливая.
Где в каждый день наш входит звон,
Ласкает Божья близость храма,

И лики темные икон
        Овиты дымкой фимиама.
Но эта летопись цвела
        В краю, где в зимний сон тягучий
Внезапно входит вздох тепла,
        Под мартовской лиловой тучей.
Где Благовещенье, — как дух
        В полутелесной оболочке, —
От сердца к сердцу шепчет вслух:
        «Дарите синие цветочки».
Где с выси солнечных зыбей
        Нисходит тайна без названья, —
Где не стреляют голубей,
        А нежно чтут их воркованье.
Но эта летопись была, —
        Ее не предадим ущербу! —
Там, где, христосуясь, пчела
        Целует золотую вербу.
И вот чужой мне Океан,
        Хоть мною Океан любимый,
Ведет меня от южных стран
        В родные северные дымы.
И я, смотря на пенный вал,
        Молюсь, да вспрянет же Россия,
Чтоб конь Георгия заржал,
        Топча поверженнаго Змия!

РАБОТНИЦА

...В пустыни Иоанна Крестителя Твоего дивиим медом воспитати благоизволил еси...

Требник

Познав, что дни проходят строго,
А не полетом мотылька,
Лишенный отчаго порога,
Внимаю, как гласят века: —
Одна работница у Бога,
Что тайну поняла цветка.

Пчела с прозрачным легким звоном,
Пока в дыму кузнец кует,
Не меньше трудится по склонам,
Своим трудам теряет счет,
И по обителям зеленым
Душистый собирает мед.

Жужжит причастница расцвета,
Летит лобзальница цветка,
Вся в хлопотах весну и лето,
Ей жизнь трудна, ей жизнь легка,
И полный сот, богатство это,
У ней берет моя рука.

О, вестник — ангелу соседний,
Живи, пчела, летай, звучи.
Твой дар другой, твой воск — с обедней,
И Солнце льет в него лучи.
Мы провожаем в путь последний —
Гореньем восковой свечи.

ЗИМНЯЯ

И в яви, и во сне,
  Я бусинки качаю,
В оснеженной стране,
  Где всюду ветер с краю.
Здесь всюду белый вид,
  Лишь с синеватым оком
Ворона пролетит
  В безмолвии глубоком.
Да в снеге сея знак,
  Ко мне проскачет близко,
Ведет свой след беляк, —
  От зайца рукописка.
Мелькнет вдали мужик,
  Вон розвальни, савраска.
И снова — дикий лик,
  Одна лесная сказка.

На восемь долгих лун
    Из облачной утробы
Доносится бурун
    И громоздит сугробы.
И в поздний час, и в рань,
    Среди ветров сугубых,
Везде деревья, глянь,
    В пушистых, белых шубах.
Но оттепель была
    Почти что здесь неделю,
Я бусинки сплела,
    Их в ветре колыбелю.
Ты думаешь, я кто?
    Волшебница какая?
Царевна ли? Не то.
    Моя судьба иная.
Весь белый мой покров.
    Старинной ели детка,
Боярышня лесов,
    Лишь зимняя я ветка.

НЕЖУЖЖАЩИЯ

Сонмы летящих, какая в вас нега,
Воздухом спетый танцующий стих.
Белыя пчелы с далекаго брега
Облачных рек и озер снеговых.

Если б вы были в гремучем июле,
Вы бы сомчались стезей грозовой.
Ныне безгласный вас выпустил улей
Веющий, реющий, тающий рой.

ВЫСОКИЯ СУДЬБЫ

    Высокия звезды,
    Высокия судьбы,
С дорогой на тысячи лет.

И каждый пробег их
Ликующий праздник,
В лучистое пламя одет.
Не им ли молились
На башнях высоких,
Смотря в голубой небосклон,
Чтецы звездословья,
Которыми славен
Нетленный в веках Вавилон.
Не их ли узором
В бессмертном Египте
И вязью согласных их строк,
В Луксоре, в Карнаке,
В святилищах вещих,
Горит храмовой потолок.
Не ими ли спеты,
Под гусли Давида,
Такие столетьям псалмы,
Что вот и сегодня,
Под звон колокольный,
Их хором воспомнили мы.
О Страшном, что ходит
Один по высотам,
В гореньи нездешней красы,
Вещал богоизбранный
Иов и пытку
На зведные бросил весы.
Высокия судьбы
Разведал в созвездьях,
Любовник пустынь, Бедуин,
Летя на арабском
Коне за самумом
В просторе песчаных равнин.
Самумом промчался,
Но в тысяче царств он
Взнесенную вскинул мечеть,
И в ночь правоверным
Поют муэззины,
Их голос — призывная медь.
А если ты духом
Морской и воздушный,

Спеши пересечь Океан, —
Везде звездочетов
Родных ты приметишь
Всемирно раскинутый стан.
В краях, где агавы
Цветут величавы,
Над гладью лагунной воды,
Громадой стоят
Пирамидные храмы
Во славу Вечерней Звезды.
И если ты хочешь
Безплотных свиданий
В обители лунных невест, —
Дойди до оплотов,
Где кондор верховный,
Где Южный возносится Крест.
И если ты хочешь
Священных сказаний
О звездных зачатьях, — читай,
Взглянув на великий
Подсолнечник мира,
Венчанный драконом Китай.
И если ты станешь
У чуждаго брега,
У края гремучей воды, —
Припомни свой Север,
С единым недвижным
Престолом Полярной Звезды.
И в час прорицаний,
В час полночи вещей,
Свой дух в среброткани одень.
К пределам желанным
Помчит тебя быстро
Твой северный Звездный Олень.

ИВА

Чуть-чуть под ветром качалась ива,
Пчела жужжала и налету,

Замедлясь, мед свой пила счастливо,
Затем что ива была в цвету.

Потом Июль был. Горели тучи.
Был громоносный над миром час.
И ветер пьяно пропел шатучий,
Что и плакучей — удел есть пляс.

Потом, как клином вверху летели,
Серея, гуси и журавли,
Я срезал ветку, и звук свирели
Пропел, что счастье мы все сожгли.

Пожар по лесу разлился жгучий,
И строил ветер свой посвист-свист.
А ветви ивы чредой плакучей
Роняли в воду текучий лист.

И дымный, зимний, весь хрусткий воздух
Велел на тело надеть тулуп.
Для тех, кто сеял, у печки роздых,
А кто не сеял — голодный зуб.

И вились вьюги, мелись мятели,
Весь мир был белый разъятый зев.
Оцепенелый, я из свирели,
Как нить кудели, крутил напев.

А в свежем марте дохнули предки
Таким уютным родным теплом.
И опушились на вербе ветки,
И в прорубь неба собрался гром.

Копил он силу и нес апрелю
Из молний пояс для новых дней.
Смотрю в окно я. Смотрю. Свирелю.
Учись у Солнца смотреть ясней.

Как свежи в песне все переливы,
«Христос Воскресе!» всем говорю.
Пчела целует цветочек ивы,
А я целую мою зарю.

НАДПИСЬ НА КОРЕ ПЛАТАНА

Платан, закатный брат чинара,
Что ведал всполох наших дней,
Когда была полнее чара
И кахетинское пьяней.
Ты в Капбретоне знаменито
Простер шатром свою листву.
Но помню дальняго джигита
И мыслью о моем живу.
Мое — кинжал, копье и пушки,
Набег, где пленник мой — Шамиль,
И на Кавказе — юный Пушкин,
Чей каждый возглас — наша быль.
Мое — над Пятигорском тучи
И котловина диких гор,
Певучий Лермонтов над кручей,
Поэта — с Небом разговор.
Мое — средь сумрачных ущелий,
Гость Солнца в Грузии, я — сам,
Моя любовь, Тамар Канчели,
Чье имя отдаю векам.
Мое — от моря и до моря
Луга, поля, и лес, и степь,
И в перезвоне, в переборе,
Та молвь, где в каждом звуке лепь.
О, Русский колокол и вече,
Сквозь бронзу серебра полет.
В пустыне я — лишь всклик Предтечи,
Но Божий Сын к тебе идет.

КОЛОКОЛЬЧИК

Чашей малою качаясь, говоря с самим собой,
Нежно впил глоточек неба колокольчик голубой.
Он качнет свой взор налево, сам направо посмотрев,
На земле намек на небо, колыбелится напев.
А с бубенчиками дружен, серебра зазыв живой,
Колокольчик тройки мчится по дороге столбовой.

Говорунчик, гормотунчик, под крутой дугою сказ,
Двум сердцам, чей путь в бескрайность, напевает:
«В добрый час».
Что законы? Перезвоны легче пуха ковыля.
Что родные? Два живые, двое — небо и земля.
И уж как он, колокольчик, сам с побегом столь знаком,
Бьется в звонкую преграду говорливым язычком.
Коренник — как бык могучий, шея в мыле, пламя взгляд,
А встряхнутся пристяжныя, — и бубенчики звенят.
И пером павлиньим веет, млеет шапка ямщика.
Как бывает, что минута так сладимо глубока?
В двух сердцах — один созвучный колокольчик-перебой.
Взор «Люблю!» во взор излился. Колокольчик, дальше пой.
Шире. Дальше. Глубже. Выше. Пой. Не думай ни о чем.
Солнце степь — всю степь — рассекло — как мечом — одним
лучом.
Скрылись в солнце. И, качаясь, говорит с самим собой —
«Жив я, впив глоточек неба!» — колокольчик голубой.

НЕЖНАЯ ТАЙНА

Моей солнечной Нинике

Как не любить тебя? В горнице сердца, где все — сребробить,
Все — златоткань, мне желанно любимую тайну хранить.

Нежная тайна открылась мне в песне, звеневшей — тоской.
Берег цветах был, но сердце хотело на берег другой.

Нежная тайна, и в зиму, и в стужу, светла и жива.
Вдруг засияет в серебряной иве, расцветшей едва.

В вербной субботе свечой пред иконой взнесет свой закон,
Взоры потупит — и вдруг в колокольный схоронится звон.

Ласточкой быстрой, летя, прощебечет о счастьи гнезда;
Тучкою к тучке прижмется, примкнется, плывет череда.

Тихо скользнет в голубой колокольчик, лазурный качнет,
Звонкия пчелы, возьмите веселый — здесь в россыпи — мед.

Нежная тайна в березовой роще раскрылась в весне.
Тонкое жало в душе задрожало, скользнуло по мне.

Тонкий был очерк той девушки ясной, которой я ждал.
С птицами были, и хмельно испили хрустальный бокал.

Где же ты? Где же? Все реже и реже встаешь ты в судьбе.
Все мои мысли и все мое сердце — одной лишь тебе.

Что ж все теснее, короче те ночи в жерле черноты,
Где златоюной, под пенье, под струны, мне видишься ты?

Где же зарницы? Прилив огневицы? Играющий гром?
Серп Новолунний на Море дорогу пролил серебром.

Так ли дойду я, любя и тоскуя, до милой моей?
Где же дорога, ведущая строго к сверканию дней?

Дрогнули Спящей Царевны ресницы. О, жажда в крови.
Сила родная, от края до края восстань. Позови!

ЗАРУБЕЖНЫМ БРАТЬЯМ

Россия в Русском сердце — всюду,
Будь мы в раю или в аду.
Прими изгнанье — как беду,
Но воле верь своей и чуду.
Наш путь — к родному изумруду,
В свой час я в сад родной войду.
Пусть боль грозит мне отовсюду,
Пусть в грозной пропасти я буду, —
И в ней мне Бог дарит звезду.

С НОВЫМ ГОДОМ

От сентября до сентября
Мой старый год и год мой новый.
От своевольнаго царя

Иной ваш счет. А я не зря
От сентября до сентября
Свиваю нить моей основы,
    В листе мне золотом конец,
    В опавших листьях мне начало.
    В багряной осени — венец.
    Я отдыхаю, мудрый жнец.
    И чу, синица, мой певец,
    Хрустальным звоном зазвучала.
Бродяга-ветер у ворот,
Но крепко заперты амбары.
Зерно к зерну — вернейший счет
Того, что было, что придет.
В знак году новому — не лед,
Зерно дает мне год мой старый.
    Святыня ржи, овес, ячмень
    И россыпь желтая пшеницы —
    Мой годовой свершенный день,
    Мой старый год — немая сень
    Над замиреньем деревень
    И улетающия птицы.
По льду люблю я быстрый бег,
Порошу первую и сани.
Но старый год мой, полный нег,
Пред тем как выбелить свой снег
И долгий мне сковать ночлег,
Являет весь размах сверканий.
    Последним годовым огнем
    Леса он превращает в терем.
    Заморским сыплет янтарем
    И в землю брошенным зерном,
    Его мы озимью зовем
    И ей мы в перезимье верим.
В знак году новому горя,
Он яблок дал мне в кладовую.
В них благовонная заря.
Ранет. Антоновка. Не зря,
Я славлю злато сентября,
В багряности благовествую.

Рубин анисовки красив.
Кусни. Тут прямо — губы в губы.
Арабка. Восковой налив.
Фонарик, диво между див.
От яблок я душист и жив.
Я не Адам. Мой рай — сугубый.
Огонь и в поле, и в избе, —
Поет о сентябре былина.
Но есть ущерб в его судьбе,
И кем-то молвлено в журьбе: —
Одна есть ягода в тебе,
И та — лишь горькая рябина.
Кто это молвил, очень прав,
Но речь его скользнула с краю.
Находчив деревенский нрав.
И, для продления забав,
С огнистым горькое смешав,
Рябиновку я наливаю,
Итак, вы видите, не зря
Здесь ходит стих мой скороходом.
Но что ж? Не рознь календаря,
А дух един — для нас заря.
Тесней. И, жизнь боготворя,
Воскликнем дружно: С Новым Годом!

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Первый весенний дождь,
Звон-перезвон по листам,
Воздух березовых рощ,
Строится новый храм.
Если мне майский жук
Гудную песню споет,
Сладость в том тайных наук,
Песни созвучной взлет.
Если, как мельник мукой. —
Вдруг я увижу, — пчела
Вся увалялась пыльцой,
В сердце растает мгла.

Если под крышей моей,
В домике тесном, в ночи,
Ласточка нянчит детей,
Грусти скажу: «Молчи».
И махаон на укроп
Сядет, крылами дрожа,
Вмиг я постигну, что гроб
Это не смерть, — межа.
В куколке ты подожди,
Милый, покинувший нас, —
Если ты умер, иди
В радостный, в вечный час.
Если не умер, молю,
Время разлуки продли, —
Верь моему кораблю,
Буду не век вдали.
Птицы от Юга летят
Снова на Север родной,
Солнцем наполнен мой взгляд,
Будь для меня Луной.

СОЛНЕЧНЫЯ ЗАРУБКИ

В день Сретенья зимы с весною
Под снегом вздрогнула земля,
И, волю струнному дав строю,
Бродил я срывною горою,
Весну грядущую хваля.
«Люблю! Как птица я с тобою!»
Я пел второго февраля.

А в день за песнею девятый
День Власья праздновали мы.
И дух мой, звуками богатый,
Смеялся, вольный и крылатый,
При виде странной кутерьмы: —
Слуга зимы — мороз рогатый,
Но сшиб наш Власий рог с зимы.

А там пойдет на Евдокию,
    А там и жаворонки к нам.
Я говорю: Не верьте Змию.
Верь в Солнечную Литургию,
    Весна лучом резнет по льдам,
И вешнюю вернет Россию
    Неизменяющим сынам.

В день Благовещенья нам зори
    Протянут свечи с высоты.
И на коне, как снег, Егорий,
В лугах, в лесах, на склонах взгорий,
    Засветит новые цветы.
Россия, расцветешь ли вскоре?
    Хочу, чтоб вся запела ты.

АУ

От постели к окну,
Чтобы слушать весну.
Как она за окном
Говорит соловьем.
«Кто со мной? Кто со мной?»
Среброкованный звук.
Со стозвучной весной
Знаешь смысл потайной
Всех тончайших наук.
«Кто со мной? Кто со мной?»
Ходы светов волной,
Ходы рыб в глубине,
Клады счастья на дне.
Звезд певучий узор.
И на всех, кто в бреду,
От лазури — убор,
От созведий — печать.
Вот сейчас я пойду
На «Ау!» отвечать.
Где мне встать в череду?
Где я радость найду?

Но кричит коростель: —
«Уходи-ка в постель!
Разве долю мою
И свою ты сравнишь?
Я тревожу всю тишь.
Я бегу и пою.
Ты лежишь и грустишь!»

ЗАКЛЯТЫЙ ДОМ

Стропила, кровля, гребень, скат,
Чердак, весь дом, в подпольи клад.
Из труб к высотам голубым,
И днем, и ночью, всходит дым.
В покоях зыбкая игра
И золота и серебра.
Во всем строении размах.
Но в лик его заложен страх.
Немыя окна высоки,
На них резные петушки.
На кровле, утомляя слух,
Железный вертится петух.
Чуть ветер к кровле припадет,
Как будто лед разрежет лед.
Чуть ветер сделает загиб,
От петуха железный скрип.
Ворота вечно заперты.
В саду колючие кусты.
Вкруг сада — кольчатый забор,
Узлистых змей сплошной узор.
В аллеях — только медный бук,
И каждый сук — как выгиб рук.
Сквозь темень листьев — крови след.
Дерев зеленых в саде нет.
В конюшнях кони. Тихо там.
Лишь слышно ржанье по ночам.
Всю ночь там в конском скоке двор,
И топот, бег во весь опор.
Но, чуть придет рассветный час,
Малейший звук затих, погас.

За целый день лишь черный дым
Живет, всходя столбом густым.
За целый день, как молвь старух,
Железный скрип, скребет петух.
А ночью вновь, из края в край,
И конский храп, и песий лай.
Кто строил этот странный дом?
И кто живет, безумный, в нем?
В ночи по лестницам шаги,
К врагам спускаются враги.
Врага выслеживает враг,
Лукав цепляющийся шаг.
Крадутся, ждут, идут, следят,
И в остром взгляде тонет взгляд.
Придет ли в жуткий дом восход,
Законный Солнца оборот?
Придет ли в царство странных бед
Неукоснительный рассвет?
Средь обезумленных палат
Заговорит ли тайный клад?
Ворота вскроют ли простор?
Змеиный рухнет ли забор?
Как вдоль дорог, при свете дня
Прозрачен стук копыт коня.
Как правда жизни хороша,
Когда к душе идет душа.
И в медном буке, нет, не кровь,
А пурпур может вспыхнуть вновь.
И дуб, вещая, в свой черед,
Зеленым шумом запоет.

СТЕПНОЙ ОРЕЛ

Степной орел присел на холмик, над ходом в землю — путь сурка.
Угрюм и зол. Все слишком близко. Он любит видеть свысока.

Смотреть привык он из далекой, спокойно-синей высоты.
А тут лишь пыль да трав зачахших горбом глядящие кусты.

Скрутившись, перекати-поле взметнется тут, подпрыгнет там.
Как будто узел змей иссохших за ветром мчится по пятам.

Была весна и было лето. Шумел прилет несчетных птиц.
Довольно он напился крови. Проворно падал сверху ниц.

Кому даны такия крылья, и зоркий взор, и острый клюв,
Тот в пасть вонзает когти с маху, с высот на нижнее взглянув.

Была весна и было лето. Цвела вся степь и вся земля.
Но Солнце выжгло все просторы, спалило море ковыля.

Недвижно-мрачен беркут серый. Не царский кус — степной байбак.
Мелькнет свистун и тотчас в нору, завидя орлий грозный зрак.

Не царский кус — пустая пташка, что вынырнет с своим «Чивит»,
И в никуда из ниоткуда летучей мышью улетит.

Но вот, на миг коснувшись пыли, он вспомнил вдруг свой нрав орла.
Раздвинул беркут тень излучин, раскрыл два мощныя крыла.

Гортанный клекот. Свист полета. И орлий дух горит светлей,
Наметив летом треугольник плывущих в небе журавлей.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь гулкий Париж и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.
А там на черте бочагов незабудки
И в чаде давнишний алкаемый клад.

Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в пряном цветеньи болотныя травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здесь в близком и в точном расчисленный разум,
Чуть глянут провалы, он шепчет: Засыпь.
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах зловещая выпь.

Здесь вежливо холодны к Бесу и к Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом там.

Я РУССКИЙ

Я Русский, я русый, я рыжий.
Под Солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я Русский, я рыжий, я русый.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарныя бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я Русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий рассвет.

ДОДНЕВНЫЙ ЗНАК

Волнуй себя, яри себя, свирепь,
Напрасная сумятица столицы, —
Тебя сильней полет единой птицы,
В чьих крыльях власть, и страсть, и мощь, и крепь.

Ковыль свою качает благолепь,
Прилетных журавлей кричат станицы, —
И дух читает вещия страницы
Из книги, называющейся степь.

Тускнеет мысль в задымленном вертепе.
В безбрежном — для души додневный знак.
Под крышей все не то и все не так.

В ограде — в аде. В душном доме — в склепе.
В безгранном разверзает дух свой зрак.
И вот плывет. За голубыя степи.

ПРЕДЕЛЬНОЕ

Травы расцветали,
Травы отцветали,
Травы доцвели.
В ветре закрутились,
Скомкались в пыли.

На степи дордевшей,
Тускло пожелтевшей,
Посвист ветровой: —
«Ты ли это, ты ли,
Смех и радость пыли,
Стебель неживой?»

Круглое сцепленье,
Лепь и шорох тленья,
Те же сны не те.
Миг предельный в доле,
Перекати-поле,
Пляшет в пустоте.

С ТИХИМ ВЕЧЕРОМ

С тихим вечером в разладе...
Аглая Гамаюн

С тихим вечером в разладе
Как душою быть могу,
Если я в вечернем саде —
На заветном берегу?

День уходит — как предтеча.
С отсеченной головой,
Что до Ангельскаго Веча
В бездну бездн — идет живой,
Самый Ирод в жутком чуде
Вдруг утратил все слова: —
На округлом рдяном блюде
Крестоносца голова.
От нея уходят в Вечность
Златокрасные лучи.
Ночь готовит звездомлечность.
Ты — гляди. И ты — молчи.
Саломея! Саломея!
Жадной пляске только час.
Только миг соблазнам Змея,
Крепче ткется звездный сказ.
Тихий вечер — с Вечным в ладе,
Клонит цветик чашу ниц.
Ходит ветер по ограде,
Как дремота вдоль ресниц.
Но иные есть ночные,
Ввысь глядящие цветы,
Что восходят неземные
До нездешней высоты.
Вон их взбеги, спорь не спорь я,
Спорь не спорь ты, говоря,
От излучин лукоморья
До криницы, где заря.
Листья, ветви, чащи, кущи,
Дремной чары перелет.
Громной силы в темной гуще
Ночью молния испьет.
Опрокинулось — что было
В многоцветных нитях дня.
Тайновидческая сила,
Не покинь теперь меня.
Тучек легкия кочевья
Впили красный виноград.
Вплоть до звезд растут деревья,
Стал земной небесным сад,

Вечер к Полночи взнесенный!
О, Предтеча вдалеке,
С головою отсеченной
В звездоблещущей руке!

ОБЕТОВАНИЕ

Сомкни усталыя ресницы,
На то, что было, не смотри.
Закрыв глаза, читай страницы,
Что светят ярко там внутри.

Из бездны ада мы бежали,
И Море бьет о чуждый брег.
Но заключили мы скрижали
В недосягаемый ковчег.

Храни нетронутость святыни,
Которой перемены нет.
И знай — от века и доныне
Нам светит негасимый свет.

Когда ж ягненок с волком рядом
Пойдут одну зарю встречать,
Вдруг разомкнется нам над кладом
Теперь сомкнутая печать.

ОБЛАКО

Мне снилось высокое облако,
Над ширью равнины загрезившей,
Оно разросталось, взлелеяно
Дыханьем раскидистых гор.
Объемом плавучаго острова
Оно возносилось округлое,
Руно возросло белоснежное,
Грозы подвенечный убор.

Мне снилось лиловое облако,
Готовое тешиться брызгами.
Над ширью равнины проснувшейся
Обрушился взрывами гром.
И вылилось целое озеро,
И капли алмазныя прыгали,
И таяла ткань белорунная,
Грозы опрокинутый дом.

Мне снилось разъятое облако,
Пронзенное гордою радугой,
Над ширью равнины ликующей,
Над четкими гранями гор.
Возженье молитвы пред образом,
Дороги цветистыя радуги,
Светильники с душами дружные,
Земли и небес договор.

ТРИНАДЦАТЬ

Леониду Тульпе

В тайге, где дико все и хмуро,
Я видел раз на утре дней,
Над быстрым зеркалом Амура.
Тринадцать белых лебедей.

О, нет, их не тринадцать было,
Их было ровно двадцать шесть,
Когда небесная есть сила,
И зеркало земное есть.

Все, перваго сопровождая
И соблюдая свой черед,
Свершала дружная их стая
Свой торжествующий полет.

Тринадцать цепью белокрылой
Летело в синей вышине,

Тринадцать белокрылых плыло
На сребровлажной быстрине.

Так два стремленья в крае диком
Умчалось с кликом в даль и ширь,
А Солнце в пламени великом
Озолотило всю Сибирь.

Теперь, когда навек окончен
Мой жизненный июльский зной,
Я четко знаю, как утончен
Летящих душ полет двойной.

ЗИМА

В чертог Зимы со знаком Козерога
Вступило Солнце. Выпит летний мед.
Полет саней. Вся бархатна дорога.
Теченье рек замкнулось в звонкий лед.

Кора дерев, охваченная стужей,
Как дверь тюрьмы, туга и заперта.
Дом занесен. В нем долог час досужий.
В узорах окон звездный знак креста.

В трубе — орган. В нем ветром нелюдимым
Размерно сложен сумрачный хорал.
Дух солнечный восходит синим дымом,
Костер стодневный жарко запылал.

В березе белой солнечная сила
Запряталась, чтоб нас зимой согреть.
И пламя в печке пляшет цветокрыло,
Текучую переливая медь.

ДРЕМОТА

Задремал мой единственный сад,
Он не шепчет под снегом густым.

Только вьюга вперед и назад
Здесь ведет снегодышащий дым.
        Ты куда же стремишься, метель?
        Зачинаешь, чтоб вечно кончать.
        Ты для ткани какой же кудель
        Раскрутила — скрутила — опять?
Я по дому один прохожу,
Все предметы стоят в забытьи.
От бессмертных полей на межу
Смотрят в прошлое мысли мои.
        Высоко — далеко — небосинь,
        Широко — широчайший простор.
        Занавеску в душе отодвинь,
        Рассвети мыслевнутренний взор.
Ты не сделал с собой ничего,
Что бы сердцем не сделал опять.
Отчего же кругом так мертво
И на всем снеговая печать?
        Только дымно мерцает свеча,
        Содвигая дрожащую тень.
        Только знаю, что жизнь горяча
        И что в Вечность проходишь ступень.
Отчего же, весь снежный, мороз
Наковал многольдяность преград?
Нет ответа на жгучий вопрос.
Задремал мой таинственный сад.

СОННАЯ ОДУРЬ

Что там в затишьи зеленых зыбей?
Между стеблями горящий клочок.
Зелье колдуньино, дикий репей,
        Ведьмин зрачок.
Все задремало. В лесах полутьма.
Только не дремлет Хозяин вверху.
Млеет под пнями кошачья дрема.
        Росы на мху.
Сон да дрема на кого не живет?
Только бессонны зеницы совы.

Правит седая бесшумный полет
Сверху травы.
Правит, направит, приметит, возьмет.
Сонная одурь. Весь сон не испит.
В синей стрельчатке скопляется мед,
Влит и разлит.
Ломок камыш. Серебрится излом.
Чаша кувшинки в ночи заперта.
Лес затянулся зеленым стеклом.
Дым от куста.
Где это деется? В сердце ль? Во сне ль?
Кто это? Что это кроет огнем?
Зовом приснившимся кличет свирель: —
«Вместе уснем?»
Дышет дрема. Обступил полумрак.
Срок восполняется. Зреет черед.
Ведьмино зелье. Колдующий зрак.
Видит. Возьмет.

ОДНОЙ

Чую, сердце так много любило,
Это сердце терзалось так много,
Что и в нем умаляется сила
И не знаю, дойду ли до Бога.
Мне одно с полнотой не безвестно,
Что до Чернаго нет мне дороги,
Мне и в юности было с ним тесно,
И в степях размышлял я о Боге.
Гайдамак необузданной мысли,
Я метался по Дикому Полю.
Но в лазури лампады повисли,
В безрассудную глянули долю.
До какой бы ни мчался я грани
На какое б ни ринулся место,
Мне Звезда засвечалась в тумане,
Весь я помнил, что видит Невеста.
Отшумели, как в сказке, погони,
Больше нет мне вспененнаго бега.

Где мои распаленные кони?
У какого далекаго брега?
        По желанным пройду ли я странам?
        Под пророческим буду ли Древом?
        По моим задремавшим курганам
        Только ветер летает с напевом,
И вращенье созвездий небесных
Подтверждает с небеснаго ската,
Что в скитаньях моих повсеместных
Лишь к Одной я желаю возврата.

ОСЕНЬ

Я кликнул в поле. Глухое поле
Перекликалось со мной на воле.
А в выси мчались, своей долиной,
Полет гусиный и журавлиный.

Там кто-то сильный, ударя в бубны,
Раскинул свисты и голос трубный.
И кто-то светлый раздвинул тучи,
Чтоб треугольник принять летучий,

Кричали птицы к своим пустыням,
Прощаясь с летом, серея в синем.
А я остался в осенней доле,
На сжатом, смятом, бесплодном поле.

МНЕ ХОЧЕТСЯ

Мне хочется расцветов полусонных,
При перебеге косвенных зарниц.
Мне хочется свиданья звуков звонных,
Идущих от невидимых звонниц.

Чтоб звук души, идя в тиши к другому,
Был светом-пересветом хрусталей.

Чтоб в сердце забаюкал я истому,
Заслыша бег-напев коростелей.

Чтоб в памяти, в сверкающем затоне,
В подводных далях шли навстречу сны,
Чтоб в голубых куреньях благовоний
Всходила мысль до лунной вышины.

ГЛУБЖЕ

В белом ландыше венчальном светловольный аромат.
Первовесть, зачарованье, в душу ластящийся лад.

Хмельный сказ в нем влился древле с зачинаньем и концом.
Сердце взятое невесты, в белом платье, под венцом.

Скрипки тонкие запевы, всполох ветра в ветках ив,
От истомы до истомы глубью льющийся отлив.

В ждущей чаше свет медвяный, нежно-бледно-золотой.
Перезвон благословенья, льется благовест густой.

Благовонье глубже, гуще — дух фиалки, тайна в ней
Преломившихся, ушедших, задремавших в грезе, дней.

Страстной схимницы томленье. Глубже-глубже прячет вздох.
Инокиня пред иконой. Ладан сердца видит Бог.

ТРИ ТЕРЕМА

Три терема были у нас златоверхие,
В одном расцвечается Солнце багряное,
В другом зазеркалился Месяц серебряный,
По третьему зерна из звезд.
Где легкия санки с полозьями звонкими?
Куда с колокольчиком скрылись бубенчики?
До этого царства дорога обрывная,
И гулкий обрушился мост.

Один только путь сохранен необманчивый,
Смотреть по-орлиному в Солнце багряное,
Смотреть по-русалочьи в Месяц серебряный,
Молиться к звезде в вышине.
Тогда оживляются берег и озеро,
Все гулкое Море цветет синецветами,
И ты, златовенчан, проходишь три терема,
В обрызганном сказками сне.

Храню я три терема, те златоверхие,
Вот гость на крыльце, с огневыми зеницами,
В руках его бубен, как Месяц восполненный,
Вкруг бубна — из звезд бубенцы.
Велит мне брататься с цветами и птицами,
Венчаться велит полевым колокольчиком,
Надречных набрать златоцветных бубенчиков
И бросить во все их концы.

СЕМИЗВЕЗДИЕ

Вещательно-веская сила есть в числах,
В них много для нас говорящих примет.
Так в мощных клыках мастодонта обвислых
Тревожно читаем мы тысячи лет.

Тринадцать — то лунная месяцев смена,
Двенадцать — юнейший — есть солнечный счет.
Все числа нам повесть и волны и пена,
По числам вся жизнь круговая течет.

И как бы не знали велений скрижали
И Море и Звезды и Солнце с Луной, —
Когда семицветно лучи заиграли,
Пред тем как возникнуть — Державой одной?

И как бы не знала Верховная Чаша
Всех капель кипящих — в ней — силы живой?
В псалме числовом их — симфония наша,
В их взрывах — нам буря, магнит вихревой.

Не все в письменах мы прочтем достоверно,
Не только здесь блески, — и смутная темь.
Мне светит, в своем начертаньи размерно,
На Северном небе горящее семь.

Издревле свирель семикратно напевна,
Звучит в ней — с созвездий пришедший к нам звон.
И то, что неделя в веках семидневна,
Не прихоть — целительно-верный закон.

Чтоб дух не обуглился в зодческом зное,
Шесть творческих взмахов — и отдых, седьмой.
Об этом гласит нам созвездье родное
Всего лучезарнее — белой зимой.

Пять чувств — хоровод. У поэта шестое
Есть творчество памяти в видящем сне.
Седьмое же в царство ведет золотое,
К цветку голубому в творимой стране.

Бывают минуты, — я вижу все звенья,
Я помню все путы несчетных темниц.
И как я разбил их стезей воплощенья
И новой дороги до новых станиц.

От часа додневья, от лика медузы,
В себя восприявшей лазоревый крест,
Я ведал восторги и сбрасывал узы,
Я принял все жертвы столетий и мест.

И разве я не был змеей семиглавой,
Как воды горели и воздух был рдян?
Я мыслю об этой поре величавой,
Когда мне приливный гудит Океан.

И разве не стал я малиновкой серой,
Явившей, что сердце ея из огня?
Цепь ликов прошел я — и полною мерой
И поступью тигра — и ступью коня.

Откуда бы взял я всю редкостность клада
Несчитанной страсти ко всем существам?
Все было мне нужно. И вот еще надо
Иной камнеломни, чтоб выстроить храм.

Когда упадают дремотно ресницы
И я в многозоркую ночь ухожу.
Поют и поют голубыя мне птицы,
Что новую нужно пробить мне межу.

ДОННАЯ ТРАВА

Сребролунный горит подоконник,
Говорит хрусталями окно.
Благовонный качается донник,
Сновидение манит на дно.

Хороши удлиненныя кисти,
Голубыми качает один.
А другой, легковейно-душистей,
Как кропило дремотных куртин.

Новолуннею полночью сонной
Их кадильницы знают свой срок.
С их пахучим дыханьем созвонный,
Шевелит их кусты ветерок.

Доглядеть бы всю тайну их взгляда,
Додышать бы цветочную кровь,
Досказать бы созвездьям — что надо,
Чтоб приснилось желанное вновь.

Додремать все томленье разлуки,
Чтобы любящий вновь был любим,
И дождаться, чтоб милыя руки
Дотянулись объятьем своим.

Потянул ветерок по деревьям,
Переметны шуршанья в ветвях,

К оснеженным безвестным кочевьям
Заскользил я в проворных санях.

Парусами — вздуваются тучи,
Как ладьи — сгроможденья снегов.
И лучи упадают, певучи,
На зубчатыя кровли домов.

От семи легконогих оленей
Под Луной поднимается пар.
Я доехал. Раскрытыя сени.
Вот он, звон наливаемых чар.

«Заждались», говорят. «Не впервые.
Никогда не торопишься к нам».
И поют мне глаза голубые,
Что конец здесь тоске и ветрам.

Мы пируем в высоком чертоге,
Наливаем мы Солнце в хрусталь.
А Луна, закрепясь на пороге,
Серебрит океанскую даль.

ВСЕЗАВЛАДЕВАЮЩАЯ

Не стукнет, не брякнет, а угол темней.
И видно, по спуску немых ступеней,
Что час наступает продольных теней.

Не скажет, не спросит, а слышится вздох.
Росой зазвездился сереющий мох.
И явственен в сердце глаголящий Бог.

Густеет влиянье таинственных сил.
В душе колебанье незримых кадил.
И путь свой крылом козодой зачертил.

Померк досиявший узорный балкон.
В селе отдаленном смолкающий звон.
Глубокою синью налит небосклон.

За садом белеет прохладою луг.
Дневныя свершенья — законченный круг.
На небе мерцание гроздий и дуг.

Так скоро за первой Вечерней Звездой
Верховные кони сверкнули уздой,
И Серп Новолунний взошел над водой.

Ладьей отразился в зеркальном пруду.
Все стройно и цельно в своем череду.
В осоке шуршанье, в ней ветер в бреду.

В ней старыя мысли проснулись опять.
Змеиные стебли никак не унять,
И возле шуршащих зазыбилась гладь.

Прямится змеиный — не выпрямлен рост.
А тихая поступь умноженных звезд
Уж Млечный повсюду обрызгала мост.

Кто хочет, пусть дремлет. Кто может, пророчь.
Лавинная мгла залила узорочь.
Всемирно мерцает безгласная Ночь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я всегда убаюкан колыбельною песней,
Перед тем как в ночи утонуть,
Где, чем дальше от яви, тем странней и чудесней
Открывается сказочный путь.
В дни как был я ребенком, это голос был няни,
Уводивший меня в темноту,
Где цветы собирал я для певучих сказаний,
Их и ныне в венок я сплету.
В дни как юношей был я, мне родныя деревья
Напевали шуршаньем вершин,
И во сне уходил я в неземныя кочевья,
Где любимый я был властелин.

А поздней и позднее все грозней преступленья
Завивали свой узел кругом.
Но слагала надежда колыбельное пенье
И журчала во мне родником.
И не знаю, как это совершилось так скоро,
Что десятки я лет обогнул.
Но всегда пред дремотой слышу пение хора,
Голосов предвещающих гул.
А теперь, как родная так далеко Светлана,
И на чуждом живу берегу,
Я всегда засыпаю под напев Океана,
Но в ночи — на родном я лугу.
Я иду по безмерным распростертым просторам,
И, как ветер вокруг корабля,
Возвещают мне реки, приближаясь к озерам,
Что бессмертна Родная Земля.
А безмерная близко расплескалась громада,
И всезвездный поет небосвод,
Что ниспосланный путь мой весь измерить мне надо
И Светлана меня позовет.

МАТЬ

Птицебыстрая, как я,
И еще быстрее.
В ней был вспевный звон ручья
И всегда затея.
Чуть ушла в расцветный сад,
С нею я ребенок,
Вот уж в дом пришла назад,
Целый дом ей звонок.
Утром, чуть в лугах светло,
Мне еще так спится,
А она, вскочив в седло,
На коне умчится.
Бродят светы по заре,
Чада ночи древней.
Топот брызнул на дворе,
Он уж за деревней.

Сонной грезой счастье длю,
Чуть дрожат ресницы.
«Ах, как маму я люблю,
Сад наш — сад Жар-Птицы!»
Долгий, краткий ли тот срок,
Сны всегда — обновы,
А к крыльцу уж — цок-цок-цок,
Скок и цок подковы.
Вся разметана, свежа,
Все в ней — воскресенье.
Разве только у стрижа
Столько нетерпенья.
«Ты куда же в эту рань,
Мама, уезжала?»
В губы чмок, — и мне, как дань,
Ландышей немало.
«Ну, скорее день встречай»,
Я бегу веселый.
Как хорош душистый чай,
На сирени пчелы.
Мать веселия полна,
Шутками прекрасна.
С ней всегда была — весна
Для зимы опасна.
Только вздумаешь взгрустнуть, —
У нея лекарство —
Мысль послать в лучистый путь,
В радостное царство,
«Ты чего там приуныл?
Морщить лоб свой рано».
И смеется, смех тот мил,
Плещет фортепьяно.
Знал я в ранних тех мечтах,
Как без слов любовен
Храмовой ручьистый Бах,
Вещий дуб, Бетховен
Как возносит в высоту,
Уводя из плена,
Шуман, нежащий мечту,
Лунный взлет Шопена.

Как пленительно тонуть
В Моцарте и Глюке.
И обнять кого-нибудь
Странно жаждут руки.
Как в родную старину
Мчит певучий Глинка.
С ними к творческому сну
Льну и я, былинка.
Сладко в память заглянуть,
В глубь такой криницы,
Где подводный виден путь
К сказке Царь-Девицы.
Так предвидя, угадать
Сказ о дивном зельи
В жизни может только мать,
Мудрая в весельи.
И поздней, как дни, созрев,
Меньше дали света,
Превращать тоску в напев
Кто учил поэта?
Был иным я утолен,
Знал иныя жажды,
Но такой лучистый сон
Снится лишь однажды.

ОТЕЦ

О мой единственный, в лесных возросший чащах,
До белой старости, всех дней испив фиал,
Средь проклинающих, среди всегда кричащих,
Ни на кого лишь ты ни разу не кричал.

Воспоминания, как зерна светлых четок,
Перебираю я, сдвигая к кругу круг,
И знаю, что всегда ты божески был кроток,
Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг.

Но, угли шевеля в полупотухших горнах,
Припоминая все, душой, за часом час,

Я вижу, как в глазах, в твоих, как полночь, черных,
В молчании пылал огнепалимый сказ.

Ты наложил печать, нет, крепких семь печатей,
На то, что мучило, и ясным был всегда,
Как зыбь листвы ясна, в лесу, на срывном скате,
Как ясной зрится нам глубокая вода.

И я горю сейчас тоской неутолимой,
Как брошенный моряк тоской по кораблю,
Что не успел я в днях, единственный, любимый,
Сказать тебе, отец, как я тебя люблю.

Я

В мои глаза вошли поля, моря, леса,
Мои зрачки — огонь, в них Солнце задремало.
Люблю Вселенную. Я верю в чудеса.
Они во всем, что ширь и что предельно-мало.

Мы загораемся сквозь сумрак голубой,
Когда, незримые, вступаем в мир зачатий,
И благо, если кто отмечен так Судьбой,
Что он в себе самом хранит ея печати.

Какой из дальних звезд залюбовалась мать?
В какое из светил взглянул отец когда-то?
Об этом можем мы лишь мыслить и гадать,
Но в нас мерцает след рассвета и заката.

Есть смысл в речении старинной из примет,
Что в рыжих волосах всегда костер ярится.
Я быстро обогнул пролет горячих лет,
Но седина ко мне не смеет подступиться.

Чуть-чуть лишь по вискам от полносчетных зим
Неясно проступил осенний свежий иней,
Но все еще лесным пожаром я гоним
Куда-то, где найду — цветок мечтанья синий.

До головы моей, когда родился я,
Коснулся светлый луч зари июньской, нежной,
Пребудь лобзаемой, Господь, рука Твоя
Дозволь мне полностью пройти Твой мир безбрежный.

Ты жаворонка мне явил среди полей,
Окутал ночь мою всей страстью соловьиной,
Дал зиму белую, в ней звоны хрусталей,
Упругий, гулкий лед и лунный луч над льдиной.

Внушив, когда искал я золотых ключей,
Что, красоту любя, свершаешь Божье дело,
Ты мне велел желать, хотеть все горячей,
Внутри и вне искать, не знать ни в чем предела.

Я полюбил простор всех царств и многих вод,
От Скандинавии, где я скользнул сквозь шхеры,
Как зерна в Океан за годом бросил год,
Морями Южными поил мои размеры.

Звучали песни мне. Я сам их пел везде.
От Семизвездия далеко уплывая
До Южнаго Креста, молился той звезде,
Что где-то в снах ночей, у самаго их края.

Красивая Земля дарована земным,
Красиво в неземном отыскивать земное
И видеть, что земной мой сельский белый дым
Восходит к небесам в пространство голубое.

Узорная мечеть, где кличет муэззин,
Багряно-желтые в лучах пески Сахары,
Священный Бенарес, — не тот же ли один
Все это — сон Земли, людского сердца чары?

На южных островах, где вечная весна,
К ребенку наклонясь, с напевом, Самоанка
Не та же ли все Мать? Не так же ли она
Божественно-ясна, как Русская крестьянка?

Но, мир поцеловал и весь его крестом
В четырекратности пройдя необозримый,
Не как заморский гость вступаю в Отчий Дом
И нет, не блудный сын, а любяще-любимый.

Когда в младенчестве я шел в дремучий лес,
Я пропадал весь день до самаго заката,
И на опушке ждал, чтоб крайний луч исчез,
Чтоб был вдвойне, втройне желанным миг возврата.

Я меру яблок взял от яблонь всех садов.
Я видел Божий Куст. Я знаю ковы Змия.
Но только за одну я все принять готов, —
Сестра моя и Мать! Жена моя! Россия!

ПОЛОГ

О, рдяный кубок, сердце мира, Солнце,
Ты входишь в ночь, преображаясь в Месяц,
Ты, множась бездной солнц, являешь звезды,
Свершая всезиждительную волю,
За быстрым днем полночный строишь полог,
И бьется в скалы стонущее Море.

Под небом сверху — небо снизу — Море,
В груди людской — костер замкнутый — Солнце,
Ресницы глаз упали — вещий полог,
Укрыты сны, глядится в зыбь их — Месяц,
И, даль сменившись в близь, прядет в ней волю,
В бездонность снов из бездн ниспали звезды.

Качаются в волнах морския звезды,
Вскормило их, вспоило немость — Море,
В них вбросило невысказанность, волю,
В их теле аметист, предвечер, Солнце,
В иныя лунный камень вбросил — Месяц,
Из дальних далей здешний ткется полог.

Я сплю, кругом сомкнулся дымный полог,
Мерцанье перебрасывают звезды,
По краю кровли водит душу Месяц,
О днях додневных, гулко вторит Море,
Я чувствую, что проходил я Солнце,
Ушел от Солнца, выполняя волю.

Верховную я выполняю волю,
Творя во сне, качаю звездный полог,
Внутри меня проводит дуги Солнце,
Мой черный камень пал с высот, где звезды,
В моей крови — всепомнящее Море,
Под веками — зеркальный дремлет Месяц.

Как Солнцем жив горящий ночью Месяц,
Так, ворожа, мою безбрежит волю
Сомкнутое единым кругом Море,
Полночный звук, полночный шепчет полог,
И россыпь драгоценных светов, звезды,
Гласят, что в нас немеркнущее Солнце.

О, Солнце, я с тобой — смотря на Месяц,
Вы, звезды, мне в цветах поите волю,
Раздвинут полог, в грудь мне льется Море.

ВОДОВОРОТ

Я впал однажды в пасть водоворота,
Зеленых светов было в нем мерцанье,
В волнах я чуял хоть существ звериных,
Был петлей круг, во всем была угроза,
Я щепкой был, без сил, без дум, без воли,
И все же я узнал освобожденье.

Какой восторг — узнать освобожденье,
Изведав зев и власть водоворота,
Рожденье вновь — за рабством выпить воли,
Душа — как пламя, опыт — лишь мерцанье,

Угрозе мира — в духе есть угроза,
Я человек, я царь существ звериных.

Во мне есть также взрыв страстей звериных,
В их хмеле видел я освобожденье,
Я знал, что в Море каждый миг угроза,
Но я не знал игры водоворота,
Я в грозовое бросился мерцанье,
Я в Море плыл, дабы коснуться воли.

Вскипанье волн вином мне было воли,
Был песней рев их голосов звериных,
Пьянило переметное мерцанье,
Вступая в плен, я пел освобожденье,
Не знал, что я в русле водоворота,
Надводность — пляс, подводный ток — угроза.

Пружиной тайной двигалась угроза,
Меня схватил захват исподней воли,
Игралищем я был водоворота,
Был мяч бесов, средь хохотов звериных,
Уж снилось мне — лишь смерть освобожденье.
Но вал бежал, и было в нем мерцанье.

Зеленый змей, могучий вал, — мерцанье, —
Бежал на пересек, и с ним угроза
Водовороту, мне — освобожденье,
В мое он сердце брызнул мощью воли,
Исторг меня из омутов звериных,
Принес к земле из мглы водоворота.

Ни ход водоворота, ни мерцанье
Зрачков звериных — духу не угроза,
Кто хочет воли, в нем освобожденье.

ОСЕНЬ

Как пламенеет огненная осень,
В ней красочнаго более расцвета,

Чем в самый яркий, звонкий полдень мая,
Она прозрачней, чем июньский воздух,
Сентябрь соединяет царский пурпур
С тем золотом, что ведает бездонность.

Воздушной синью залита бездонность,
Духотворит всю безпредельность осень,
Еще на бересклете рдеет пурпур
Как будто бы весеннего расцвета,
Но свист синиц, пронзая чистый воздух,
Гласит, что далеки напевы мая.

Он слишком был громоздким, праздник мая.
Забыта в нем сполна была бездонность,
От цвета всех дерев хмельной был воздух,
Но в каждом поцелуе скрыта осень,
Багряный мак, разлив огонь расцвета,
Ярит пожар, поит кровавый пурпур.

В пронзенном страстью сердце плещет пурпур,
Душа скорбит, что ломко счастье мая,
Предел нам — в самом запахе расцвета,
Коснувшись дна, мы рушимся в бездонность,
И разве плод — не смерть цветка, не осень,
Вкруг красных яблок грустью дышет воздух.

Когда допета песня, грустен воздух,
Когда дожегся день, закатен пурпур,
Чу, в голосе стрекоз такая осень,
Что чудится — и не было нам мая,
Со всех сторон в нас глянула бездонность,
Пойми не цвет цветка, а смысл расцвета.

Пред смертью в листьях — все цвета расцвета,
Весь в золоте сентябрьский гулкий воздух,
Клик журавлей сквозь синюю бездонность
Уводит мысль туда, где вечный пурпур,
От жизни — к жизни, чрез пороги мая —
В созвездность зим, в пасхальность — через осень.

Верховна осень, в ней всецвет расцвета,
Превыше мая проясненный воздух,
До завтра пурпур прячется в бездонность.

ВЕЧЕР

Он голубой, он вглубь уводит, вечер,
В нем крайний миг свой, рдея, знает Солнце,
Серебряной ладьей всплывает Месяц,
Вступает мир дневной в преображенье,
И синева с Вечернею Звездою
Средь песен мира лучшая есть песня.

Я помню час, вдали звучала песня,
Та, лучшая, в мой первый вещий вечер,
Я был ведом неведомой звездою,
Далекой, словно в Вечность плыло Солнце,
Я полюбил, любовь — преображенье,
За лесом выплывал огромный Месяц.

Пурпуровый, плывя, стал белым Месяц.
Звеня, вдали, звучала в сердце песня,
Разросся лес, прияв преображенье,
В июне ночь — лишь углубленный вечер,
И чудилось, что, закатившись, Солнце
Горело вновь — Вечернею Звездою.

Не яркой ли огромною звездою
Впервые, древле, всплыл в лазури Месяц?
Не жаркой ли звездою было Солнце,
Когда возникла творческая песня,
И день был с ночью, утро было вечер,
И все — канун, и все — преображенье?

Блажен, кто знал, за мглой, преображенье,
Блажен, кто путь свой выпрямил звездою,
Люблю тебя, проникновенный вечер,
Люблю тебя, меняющийся Месяц,

Жива лишь переменой звука песня,
Меняя нас, ведет нас к счастью Солнце.

Меж всяких вер я верю только в Солнце,
Оно взойдет, — и в нас преображенье,
Любовь придет, — и в птичьем горле песня,
Звезда должна стремиться за звездою,
Любовь, ты Солнце, за тобой я, Месяц,
Вся наша жизнь — пред новым утром вечер.

Зеркальный вечер вглубь уводит Солнце,
Чтоб глянул Месяц, путь в преображенье,
А в сребросинь звездою всходит песня.

НОЧЬ

Зазывчиво молчанье черной ночи,
Таит миры сверкающая бездна,
Вскипает жизнь в ней, в обрамленьи смерти,
Ведомая разведчивой любовью,
В ней слышится заслушавшейся мысли
Всеблаговест, бездонная всезвучность.

Как колокол — безмерная всезвучность,
Исходят из величественной ночи
Ручьистыя ветвящияся мысли,
Питает корни их — немая бездна,
Оазисы изваяны любовью
В пустыне — подчиняющейся смерти.

Не победит неисследимой смерти,
Гудящая роями дум, всезвучность,
Но будет жизнь всегда, горя любовью,
Выковывать в миры железо ночи,
И синяя не утомится бездна
Растить — во тьме корнящияся — мысли.

Звезда к звезде, от мысли к дальней мысли,
Бросает звон волна в плотину смерти,

Ликуют жорла мрака, плещет бездна,
Созвездная раскинулась всезвучность,
Он черный, черенок кинжальной ночи,
Но золото по стали — мысль с любовью.

Глядящий в ночь всегда пронзен любовью,
Из сердца брызжет жизнь, скрепились мысли,
Издревле ночь — одна, и в ней все ночи,
Она глядит, зрак мира, в пропасть смерти,
Глаголет первозданная всезвучность,
Что грозная не потопляет бездна.

Не топит душу в черных глубях бездна,
Всегда — умерший воскрешен любовью,
Гудят колокола, поет всезвучность,
Крылатый рой, созвенья, гроздья мысли,
Воистину взрастает жизнь из смерти,
Шумят леса дремучей черной ночи.

Из древней ночи новью плещет бездна,
Завеса смерти взвихрена любовью,
В упорной мысли — верная всезвучность.

ЮНОСТЬ

Какая опрометчивая юность,
В ней все — мечта, загадка и зеркальность,
Ей любо отразить в себе все небо,
Она в дремучий лес вступает с песней.
Не чувствует, о чем шумят вершины,
И тонет в неожиданной печали.

На рубеже таинственной печали,
В ненасытимой жажде грусти юность,
Ей говорят древесныя вершины,
Что в мире опрокинута зеркальность,
Немая синь не отвечает песней,
Лишь говорит огнем и громом небо.

Не высота, а глубь и бездна — небо,
В нем свиток неисчисленной печали,
И страстью, сказкой, жаждой, мыслью, песней,
Всем тем, что манит и волнует юность.
В бездонную откинувшись зеркальность,
До острой мы касаемся вершины.

Как шелестят, поют, шумят вершины
О том, что от земли отдельно небо,
Что, глянув ниц в затонную зеркальность,
Звезда всегда исполнена печали,
И что всегда, идя, проходит юность,
И где она, — за лесом скрылась с песней.

Старинной многоопытною песней,
Вещают многолиственно вершины,
Что где-то там за лесом тонет юность,
Лишь зачерпнув чуть-чуть немое небо,
И все же столько взяв в себя печали,
Что ею вся полна ея зеркальность.

Лесное эхо, призрак, зов, зеркальность,
Невнятный сказ, пропетый дальней песней.
Блестящий луч, упавший в грань печали,
Шумящия древесные вершины,
Что зыбью всходят, а не входят в небо,
Такая ты, всегда такая юность.

О, юность, ты алмазная зеркальность,
Ты чуешь небо, меришь землю песней,
Дойдя вершины, не уйдешь печали.

КАПЛЯ

Я чую жизнь — как золотую россыпь,
И осыпь самоцветов мне — мгновенья,
Я тихо услаждаюсь тайным звоном,
Живу, грущу, люблю и помню Вечность,

О целом Солнце говорит мне капля,
В ней радуга и синее в ней Море.

Всегда гудит и с плеском стонет Море,
Поверх валов белеет влаги россыпь,
Живет и светит каждая в нем капля,
Бежит вкруг всей Земли тропой мгновенья,
В нем утром — час мой, темной ночью —
Вечность,
И обо всем поет разгудным звоном.

И свадебным, и похоронным звоном
Вхожу в неисчерпаемое Море,
Вокруг меня — лазурной рамой — Вечность,
В коей судьбе — камней редчайших россыпь,
Живя, живу, и музыкой мгновенья
В моей крови любая плещет капля.

Я помню, как упала с неба капля,
Ударясь в крышу дома с легким звоном,
Я был дитя, но, власть поняв мгновенья,
Постиг, что в Небе мощное есть Море,
Что дождь, и гром, и молния есть россыпь,
Но в россыпях не истощится Вечность.

С тех пор меня не покидает Вечность,
За каплей крови в стих нисходит капля,
Всех красок мира знал я в мире россыпь,
На всех морях мечту баюкал звоном,
И никогда мне не изменит Море,
Ведя меня в мирах стезей мгновенья.

Вы, крылья райской птицы, вы, мгновенья,
До смерти пойте мне, как дышет Вечность,
Приливом и отливом живо Море,
Я капля в нем, но как богата капля,
За молнией я падаю со звоном,
И вкруг меня цветов несчетна россыпь.

Живая россыпь краткаго мгновенья,
Певучим звоном нам вещает Вечность,
И капля я, но путь всех капель — в Море.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И СКРИПКА

Яну Кроллю

ЛЕСНАЯ

Медовый цвет. Осенняя дубрава.
В последний раз жива собой заря
Листвы, в чьем взблеске царственная слава,
Багряно-желтый праздник сентября.
Медвяный хмель и грусть в медовом хмеле,
Воспоминанья — к нити златонить,
Тягучий гул и гуд виолончели
Не хочет-хочет лето схоронить.
И, прежде чем, хрустя, придут морозы,
Преображая даль пути в сугроб,
Листва — нарциссы желтые и розы,
Из золота изваян мигом гроб.
Верхом, вдвоем, на двух конях буланых,
Мы проезжали пустошью лесной,
И сердце было все в расцветах рдяных,
Но молча дух мой пел, что ты со мной.
В лазури журавли тянулись клином,
Безбрежный блеск — в себе был смысл и цель,
И с медленностью, свойственной былинам,
Лесная пела нам виолончель.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И СКРИПКА

Виолончель — влюбленная Славянка,
В ней медленно развитие страстей,
Она не поцелует спозаранка,
Неспешен ход ея к черте огней.
    А скрипка — юная Испанка,
    А скрипка — молния и пьянка,
    И каждый миг — зарница в ней.

Виолончель — глубокий путь потока,
Пробившаго дремавшую скалу,
Вершинный говор-гул ствола к стволу.
А скрипка — птица, одиноко
Поющая сквозь месячную мглу,
И скрипка ластится, как светы к водоему,
Стрелой тончайшею свою пронзает цель.
Но полнопевную истому
Мне только даст виолончель.

СКРИПКА

Скрипка — всклики, всплески, пламя,
Горло птицы, гуд жука,
В чаще леса: ночью, в яме,
Пересветы светляка.
В мшистой ямине, в ложбине,
Ключ, разбрызгавший свой ток,
С сердцевиной златосиней,
Сказкой дышащий цветок.
Полным ходом пляшет танец,
Поцелуй к струне в смычке,
Сразу вспыхнувший румянец
На застенчивой щеке.
Кто-то вспомнил что-то где-то,
Самого себя ища,
В ярком выступе просвета
Бьется лист о лист плюща.
Камня луннаго окраска —
В глубь себя вошедших — слов,
Паутинная завязка
Неразвязанных узлов.

СМЫЧОК НАД СТРУНОЙ

Казался мне странным смычок над струной,
Как будто бы кто-то, склонясь надо мной,
Ласкал меня нежно, но лаской бия,
Чтоб в страсти душа обнажилась моя,
И вскриком душа, не стыдясь, возвещала: —

«Люби меня! Мучь меня! Мало мне! Мало!»
Казалась мне странной струна под смычком,
Себя узнавал в захмелевшем другом,
В том пальце, дрожавшем вдоль зыбкой струны,
В аккорде, пропевшем глубокие сны: —
Захват — для отдачи и в сладостном плаче
Свершенье — издревле нам данной задачи.

В КАРПАТАХ

В горах я видел водопад,
Там в Татрах, в лоне бурь, в Подгале,
Звучаний бешеных в нем лад,
Вверху — гранитныя скрижали.
И кличет там орел к орлу,
Над пряжей влаги разъяренной,
Что, кто восходит на скалу,
Нисходит в дол — преображенный.
И в рокоте гремучих вод,
Где вскип со вскипом в вечной сшибке,
Как будто птица мглы поет,
И в тонком вспеве струны скрипки.
И как у скрипки есть аккорд,
Когда все струны, все четыре,
Вспояют вспев, что гулок, горд,
Ведут полет мечты все шире, —
И вдруг сменяются одним
Уклоном вкось, — разрыв в узорах,
Пронзенный вопль, и звук — как дым,
Как зов теней, как дальний шорох, —
Так многогулкая вода,
Достигши ярости забвенной,
Вдруг станет смутной, как слюда,
И сединою брызжет пенной.
Не есть ли в этом полный круг
Пробегов ищущаго духа
До семицветных тихих дуг,
Где гром слепой не ропщет глухо?
И не о том ли вещий сказ,

Что клекотом орлы седые
	Роняют, озаряя нас,
В горах, где каменныя выи?
	И потому в разгуле вод,
Где вскип со вскипом в вечной сшибке,
	Глубинный голос гор поет,
И верный голос мудрой скрипки.

СУДЬБА

Судьба мне даровала в детстве
Счастливых ясных десять лет,
И долю в солнечном наследстве,
Внушив: «Гори!», — и свет пропет.

Судьба мне повелела, юным,
Влюбляться, мыслить и грустить.
«Звени!» шепнула, — и по струнам
Мечу я звуковую нить.

Судьба, старинной брызнув сагой,
Взманила в тающий предел,
И птицей, ветром и бродягой,
Весь мир земной я облетел.

Судьба мне развернула страны,
Но в каждой слышал я: «Спеши!»
С душою миг познав медвяный,
Еще другой ищу души.

Судьба мне показала горы
И в океанах острова.
Но в зорях тают все узоры,
И только жажда зорь жива.

Судьба дала мне, в бурях страсти,
Вскричать, шепнуть, пропеть: «Люблю!»
Но я, на зыби сопричастий,
Брал ветер кормчим к кораблю.

Судьба, сквозь ряд десятилетий,
Огонь струит мне златоал.
Но я, узнав, как мудры дети,
Ребенком быть не перестал.

Судьба дает мне ведать пытки,
На бездорожьи нищету.
Но в песне — золотые слитки,
И мой подсолнечник — в цвету.

ЖАЖДОЮ ДАЛЕЙ

«Жаждою далей и ширей...»
Вас. Ив. Немирович-Данченко.
Из письма

Жаждою далей и ширей,
Жаждою новых наитий,
Нам открываются в мире
Светлыя, тонкия нити.
В звонкой Севилье. Я солнцем одет.
Смуглые лики, но яркий в них свет.
В пляске — завязка для нежных побед.
К пляске зовет перехруст кастаньет.
В сердце, в просторах багряных,
Плещет горячая птица,
Кличет о сказочных странах,
Чует желанныя лица.
Вечно ли зелень родимых долин?
Все ли мне узкий отрезанный клин?
Где-то о звездах поет бедуин.
В мире один — сам себе господин.
Стены, подвалы и крыши,
Изгородь — мыслям препона,
Мы — не запечныя мыши,
Нет нам такого закона.
Наша порода — два сильных крыла.
Странствие — юность, а юность светла.

Если же юность за горы ушла,
Радость полета всегда весела.
В ветре лететь альбатросом,
Рыбою плыть в Океане,
Серной бродить по откосам,
К срыву, за срывы, за грани.
Солнце горячим проходит путем.
Веруя в Солнце, за Солнцем идем.
Море певучий поит кругоем.
С Морем и с ветром мы волю поем.
Гондола, струг и каноа,
В чем бы ни плыть, уплывая.
Сказку сложить — на Самоа,
Песню — на высях Алтая.
Если горенье, — гореть я хочу.
Если боренье, — с мечом я к мечу.
Буря ли кличет, — разметанность мчу.
Гром ли, — откликнусь, — грохочет он, — чу!

КЛАД

Далеко, за синими горами,
За седьмой уступчатой горой,
Древний клад зарыт в глубокой яме,
Досягни и, взяв свой заступ, рой.
Пред горами мертвыя пустыни.
Помни, в них самум и нет воды,
Средь песков от века и доныне
Черепов скопляются ряды.
Многие достигли здесь предела.
Это те, что взять хотели клад,
Но в пути хотенье охладело,
Пожелало путь найти назад.
Захвати на долгия недели
Мех с водой и пей лишь по глоткам, —
Ты песчаной избежишь постели
И дойдешь к взнесенным ввысь горам.
Но не все опасности пропеты.
Чуть дойдешь до грани синих гор,

Ты увидишь белые скелеты
Тех, чей был не прям, а косвен взор.
    Возжелай заманчиваго клада,
    Но не хотью жаждай лишь, — душой.
    Низменнаго горному не надо,
    Для низин верховный мир — чужой.
И не все опасности пропела
В звонкости упругая струна.
Сможешь ли взойти на гору смело?
Пред тобой — отвесная стена.
    Посмотри, отмечен красным цветом
    Не один, а сто один уступ.
    Многое сокрыто под запретом,
    В древних башнях верно выбран сруб.
По ущельям зоркия есть рыси,
Барс пятнистый ходит в тишине.
И отрадна ль синь взнесенной выси
Для лежащих в пропасти на дне?
    От горы к горе мостов не строят,
    От вершин лишь зори до вершин
    Взор взошедших нежат и покоят,
    Ночь придет, и строит ковы джин.
Запоет, как песня мест родимых,
Прошепнет невестой: «Где же ты?»
Явит лик свой в пламенях и в дымах,
Чтоб тебя низвергнуть с высоты.
    Но, когда молитвенной душою
    Ты хранишь святыя письмена, —
    Но, когда, все тайны бравший с бою,
    Сто ночей прободрствуешь без сна, —
Завершишь ты меру испытаний,
Закруглишь недостававший счет,
И тебя до клада мирозданий
Радуга сквозь грозы приведет.
    А когда дойдешь к глубокой яме,
    Заступ взяв, на высь взгляни — и рой.
    К нам придешь — увитый жемчугами,
    За седьмою скрытыми горой.

ТИШЬ

Вер'Санне

Выпал, и принят, и полностью выполнен жребий.
Тихо в душе. Тишина на земле и на небе.
  День отшумел, и умчался табун длинногривых.
  Где они, кони? Беззвучье в лугах и на нивах.
Было ли много веселия, было ли мало,
Песни умолкли. Село над рекой задремало.
  Было ли мало томления, было ли много,
  Воды реки — позабывшая путь свой дорога,
В вышнем сапфире светильники-гроздья повисли.
Темныя лодки на водах — забытыя мысли.
  Ветер пред ночью растаял в лесу по вершинам.
  Тонкою зыбью остался в листочке едином.
Только в мгновении, в плеске рассыпчатом, гибко
Вынырнет — юрк — унырнет серебристая рыбка.
  Только дергач, безистомный в желании жгучем,
  Тишь оттеняет, в пробеге, напевом тягучим.
Словно умножась, и здесь он, и там, и повсюду,
К Ночи кричит: «Не забуду и голосом буду».
  Ночь безглагольна. Все глубже, и глуше, и тише.
  Млечным Путем заливает сапфир свой все выше.
Смотрит ли небо на землю и видит ли глазом,
Мысли оттуда проносятся быстрым алмазом.
  Если ты мыслью ту мысль, промелькнувшую в небе,
  Схватишь секундой, созвездным он будет, твой жребий.
Если поспеешь, ты будешь с кольцом обручальным.
Если замешкал, беззвездным пройдешь и опальным.

КТО ПОСТУЧАЛСЯ?

Кто постучался в ночное окно?
Кто-то, кто молвил, что все суждено.
Кто постучался в холодную дверь?
Кто-то, кто молвил: Упорствуй и верь.
Кто постучался здесь в сердце мое?

Солнце, из крови затеяв тканье.
Вот она выткалась, малая ткань,
Алая — солнце с прожилками — глянь!

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Тихое озеро в горной долине,
В горной долине пасутся стада.
Воздух высокий над пропастью — синий,
Тянется сердце — к высотам — туда.

Ключ, проскользнув по гранитным громадам,
Сонное озеро выбрал как цель.
Бледный, на камне, пастух перед стадом,
Тонкая томно играет свирель.

Тянутся узкие, тонкие сосны,
Темныя сосны по горной стене.
Быстро проходят короткие весны,
Медлит зима в снеговой вышине.

Тянутся стебли белеющих лилий,
Облики лилий — в воде озерной.
Выше — орлы серокрылые свили
Дикие гнезда в скале вырезной.

В час, как к ночлегу скликаются птицы,
Сильныя птицы, чей путь — вышина,
Звоны плывут от церковной звонницы,
Людям и птицам — спокойствие сна.

Только в высотах альпийские зори
Алым горением молятся вслух.
Только не молкнет, во взлетах и в споре,
Узкой долиной томящийся дух.

ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Высокие горы, внемлите,
Я к вам прихожу на ночлег.
Хочу я высоких наитий,
Люблю я нетронутый снег.

Люблю я со срыва до срыва
Добросить свой голос в горах.
Как серна мелькает красиво,
Ей пропасть — забава, не страх,

Как тянутся там подо мною
Волокна в течении мглы.
Как кличут над горной стеною,
Владыки пространства, орлы.

ПУТЬ

Божо Ловричу

Вот равнина. Вот дорога.
Вот немного отойди
От родимаго порога.
И еще, туда, где строго
Светят выси впереди.

Опираясь равномерно
На упорный посох свой,
Ты увидишь здесь, наверно,
Как в горах красива серна,
Будешь сам вдвойне живой.

Серна любит забавляться
На ребре крутой скалы.
В срыве ужасы нам снятся.
Серне любо проясняться
Над зазывом нижней мглы.

Чем со тьмой она несходней,
Тем ей легче ниц скакнуть.
Глянет, прянет в срыв исподний.
Ах, в деснице быть Господней
Это самый верный путь!

Вон уж где? На том изломе.
Через пропасть пред тобой.
Нет, не в сером, тесном доме.
Все — ничто, поверь мне, кроме
Как в судьбу играть с Судьбой.

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

На лесной раскаленной дороге
Предо мной разошлись три пути.
Я грустил, размышляя о Боге,
И не знал, мне куда же идти,
Если прямо, — там Синее Море,
Прекращает мой путь Океан,
Он прекрасен в сапфирном уборе,
Но не водный удел здесь мне дан.
Если вправо, — все к тем же я людям,
В пыльный город приду. Не хочу.
Там во всем несогласны мы будем,
Нет пути там до сердца лучу.
Рассудив, я направился влево,
Начиная от сердца во всем.
И пошел я с куделью напева,
Мы с мечтою и вьем, и поем.
Повстречался мне крест придорожный,
Там сидит одинокий старик.
Безнадежный — и с тем бестревожный,
Изможденный, изношенный лик.
Но в глазах, что глядели так прямо,
Словно зеркало Солнцу с земли,
Мне почудилось таинство храма,
Только-только там свечи зажгли.

Но в глазах, что смотрели, мерцая,
    У того, кто забылся, один,
В них зеленая тайна лесная,
    Что проходит по зыби вершин.
Полюбился мне нищий тот старый,
    Близь него я тихонько присел.
Он смотрел в особливыя чары,
    Мне незримый, он видел предел.
Я вложил ему в руку монету,
    Еле дрогнув, он что-то шепнул.
Но, глазами прикованный к свету,
    Он лесной принимал в себя гул.
Мы потом говорили немного.
    «Что дадут, — все я малым отдам».
Мне открылось, что стройно и строго
    Вся дорога — дорога есть в Храм.
«Ты один. И один я. Нас двое».
    И ушел я, весь в пламенях сил.
И шепнуло мне сердце слепое: —
    «Это Бог здесь с тобой говорил!»

СВЯТЫЕ БАШМАЧКИ

Я спал. Глядел. В окне слюда.
В нем ходит синяя звезда,
    И схимницы там сонныя,
    Все златоиспещренныя,
Перед иконой преклонясь,
К земле ведут от неба вязь,
    В три полосы, трерядную,
    Дорогу неоглядную.
От нас, от здесь, до неба мост,
И к нам, с высот превыше звезд.
    Узорами зелеными,
    С молитвами, с поклонами,
Ведут оне дорогу-путь,
Что входит в грудь когда-нибудь.
    Икона та огромная,
    Высокая и темная,

Из золота у ней оклад,
А перед ней лежит булат,
И башмачонки малые,
Ах, стоптаны, усталые,
Помолятся, — и в пыль дорог,
В движеньи малых детских ног.
И было мне вещание
Из мглы златомерцания: —
«Не все сюда. Иди туда,
Где синяя горит звезда.
Пройди непостижимыми
Пожарами и дымами».
И грянул тут вспененный вал,
Я пал, икону целовал,
Отца и мать любимую,
И темь — и земь родимую.
И вот иду. Качну беду, —
Уходит прочь. Я часа жду.
За полем, за речонками,
Слежу за башмачонками,
У коих стоптан каблучок,
Но каждый шаг их мне намек.
Над омутами старыми
Я прохожу пожарами.
Я знаю: Синюю звезду,
Идя, как луч, в пути найду.
Мне светит мгла иконная,
Вся златоиспещренная.

СВЕЧОЮ

Я войду в зарю закатную
Чрез поля, через луга,
Доведу тропу стократную
В заревые берега.

Возле солнечной излучины
Подожду, она светла,

Но, поняв, что все замучены,
Кем душа моя жила, —

С края пропасти сверкающей
Брошусь прямо я в зарю
И свечою догорающей
В бездне солнечной сгорю.

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Я знаю Черную вдову,
В ея покрове — светов мленье,
Ее я Полночью зову,
С ней хлеба знаю преломленье.

С ней кубок темнаго вина
Я пью безгласно, в знак обета,
Что только ей душа верна,
Как жаворонок — брызгам света.

Когда ж она уйдет во мгле,
Где первый луч — как тонкий волос.
Лозу я вижу на столе
И, полный зерен, крепкий колос.

ПЕСНЯ ДНЯ И НОЧИ

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Давай еще любить друг друга,
        Люблю тебя, мой милый брат.
Найти на изумруде луга
        Я каждый день нежданно рад
Чуть-чуть зацветшие расцветы.
Поем. И пели. И не спеты.
                Рассветный час —
                Всегда рассказ.

В свеченьи трав — любовь Господня,
Разлитье Бога по цветам.
За радость каждаго сегодня,
За луч, примкнувшийся к кустам,
За жизнь зверьков лесистой ямы,
Взнесем до неба фимиамы.
От наших свеч
До Бога речь.
За то, что в долгих гулах звона
И благодать, и благолепь,
Что синей кровлей небосклона
Одет наш дом, и лес, и степь,
За Море, в нем же Божья сила,
Взнесем горящие кадила.
Есть свет и звук
В воленьи рук.
За час труда, за миг досуга;
Вот, за щепотку табаку,
За то, что мы нашли друг друга,
Что брата братом нареку,
За путь вдвоем по бездорожью,
Восславим звонно благость Божью.
В глазах людских
Есть Божий стих.
Мы оба в пламенях заката,
На рубеже тяжелых лет.
На срывах ската вопль набата,
Разлитых зарев медный бред,
Мы головни, но головнями
Хранится огнь, что будет — в Храме.
Под цепкой мглой
Пчелиный рой.
Мы знаем радость следопыта,
Земная глубь дрожит, звеня.
Гремит нездешнее копыто,
К земле от неба бег коня.
И в начертаньях узорочий
Прочтем мы слово вещей Ночи.
Оттуда мы.
Есть путь средь тьмы.

Вверху, от Севера до Юга,
Уж черный бархат проступил.
Но к нам иного пламекруга
Течет произволенье сил.
Вовнутрь души, в наш мрак железный,
Простерся скипетр многозвездный.
Зовет — огнем.
Идем! Идем!

ТВОЯ ОТ ТВОИХ

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Одно Пасхальное яичко
Не поглотила, в вихрях, мгла.
Его какая Божья птичка
В тех днях таинственно снесла?

В тех днях, когда по далям луга
Светился златом изумруд,
И так любили все друг друга,
Что луч оттуда светит тут.

Из огнедышущаго Ада
Спасен Господней я волной.
Мерцает тихая лампада
Перед иконою родной.

Вкруг дома — вихрей перекличка.
Но, весь — молитва к алтарю,
На то Пасхальное яичко
Я с умилением смотрю.

Чуть серовато, сахаристо,
Как талый, между трав, снежок,
В углу оно белеет мглисто,
Лампадка светлый ткет кружок.

Во дни великаго ущерба,
Златого ободок кольца
Яичко держит, рядом верба
Пред тишью Божьяго лица.

И словно шепчет голос няни: —
«Не думай, что там впереди,
Есть звезды Божии в тумане,
Гляди сюда — гляди — гляди».

Лампадка выросла в кусточек,
Гляжу упорно пред собой,
И над яичком ангелочек
Встает, как цветик голубой.

Над бездной страшнаго наследства,
Уторопляя Тьмы черед,
В луче поет мне ангел детства,
Что Воскресение — придет.

ГОЛОС ГОБОЯ

У тебя в старинном доме,
　　　　У тебя в старинном парке
Чувства плавятся в истоме,
　　　　Драгоценны, ковки, ярки,
И не ярки, только жарки,
　　　　Все затянуты золою,
Вазы, клены в стройном парке,
　　　　Цвет рубина, скрытый мглою.
Под нависнувшей горою,
　　　　Отдалившей все, что в мире,
Тем ты ближе к аналою,
　　　　Чем чужие дали шире.
На бледнеющем сафире
　　　　Хлопья в облачном теченьи,
Свет Даров Святых в потире,
　　　　Чаши неба вознесенье.

Ветер в вязах — отзвук пенья:
В перезвонах светят клены.
Всех минут богослуженье,
Память впала в антифоны.
Есть высокие законы
Над уронами мгновений: —
Всюду светятся амвоны,
Где исход из сожалений.
Наши чувства — только тени
Тех, что снились достоверней.
Лебедь — лепка всех движений,
Но недвижный — он размерней.
Нежны розы между терний,
Дух — звезда, в себя вступая.
Пьет лучи Звезды Вечерней
Чаша неба голубая.

СЕСТРА ЛИ ТЫ?

Подруга ты? Жена? Сестра? Любовь? Не знаю,
Я братьев не люблю и я боюсь сестер.
С тобою некогда мы поклонились маю,
И в вольной осени пылает нам костер.

В прозрачном сентябре, так звонно-золотистом,
Валежник хрустнувший свой ладан задымил.
Топазы на ветвях с небесным аметистом
Уравномерили в двух душах пламень сил.

Поверх немых корней еще живут былинки,
Там в дальнем озере мерцает бирюза.
Скользя по воздуху, звездятся паутинки,
И ты глядишь в костер, полузакрыв глаза.

Сестра ли ты? Жена ли ты?
С тобой вступил я в пир.
Нам были кубки налиты,
И в них гляделся мир.

Ты вольная. Не в клетке я.
    Нас нежит ураган.
Нам были яства редкие,
    Напиток счастья дан.
И я теперь по пламени
    Сполна читаю нас.
Как ходы битвы — в знамени,
    Так в мигах был наш час.
С тобой всегда, любимая,
    Сквозь ночь смотрю в зарю.
И пламени и дымы я
    Равно боготворю.
Качнется миг неистово,
    Я слышу, что не лгу.
Ты цвет цветка златистаго
    На дальнем берегу.
И опьянюсь я лицами
    Заокеанских стран.
Но ты качнешь ресницами,
    Но ты прямишь свой стан.
Качнется миг, но истово
    Мы в страсть роняем страсть.
Из царства колосистаго
    Спешит зерно упасть.
Падет зерно со звонами,
    Плеснет волна к волне.
За рощами зелеными
    Есть лес цветном огне.
Цветами мы и зернами
    Украсили костры.
Морями я узорными
    Стремился до сестры.
Сестра ли ты? Жена ли ты?
    Я верил кораблю.
Резные кубки налиты,
    И в пламени — Люблю.

КАПБРЕТОН

1

Я долю легкую несу,
Во мгле моих гаданий.
Мой дом в саду, мой сад в лесу,
Наш лес на Океане.
Я долю легкую несу,
В огне моих скитаний.
Я полюбил одну красу,
Быстрейшую из ланей.
Так. Долю легкую несу,
Сноп лучевых касаний.
Я тку из солнца полосу
Бессмертных ожиданий.

2

В зеленом Капбретоне,
На грани разных стран,
Мы все в одном законе: —
Гудит нам Океан.
Рассыпчатаго смеха
Так много у него.
Гудит лесное эхо,
Что день есть торжество.
На колокольне древней
Гудят колокола,
Что в ночь еще напевней
Звездящаяся мгла.
Но шмель дневной, над входом
В цветок, гудит в простор: —
«Цветы — лишь воеводам,
А пчелы — это вздор».
А в вереске цикада
Сравняла ночь и день: —
«И день и ночь — услада,
Лишь в звук себя одень».

Еще одна цикада
Кричит, вскочив на пень: —
«Мне ничего не надо,
Пою, когда не лень».
И ржет еще цикада,
Как малый конь-игрень: —
«Мне ночью — ночь услада,
А днем — люблю я день».
И трелит, схвачен светом,
Мне жаворонок лесной: —
«Я здесь звеню — и летом,
И в осень, под сосной».
В таком мы здесь законе,
Таков наш с миром счет,
В зеленом Капбретоне,
Где изумруд течет.

3

Мир вам, лесныя пустыни,
Бабочки, ветви, цветы.
Змей я встречаю здесь ныне,
Но никогда клеветы,
Мир вам, дубравныя рощи,
Сосны, весь бронзовый — бор.
Здесь, без людского, мне проще
С ветром вести разговор.
Мир вам, в сапфировом небе,
Звезды, созвенная нить.
Благословляю мой жребий —
Звездным и солнечным быть.

СЕРДЦЕДУГИ

Мирре Бальмонт

Порожденныя от Солнца,
Сердцедуги золотыя,
Я рудой и вы рудыя,

Семя в землю бросил я.
Легкий ветер помогал мне,
И для вашего закала
В небе молния сверкала,
С неба падала змея.
Дождь серебряный с лазури,
Жемчуг росный в зорях лета.
Волны солнечнаго света
Влились в желтый аксамит.
Стала земь супругой неба,
Цвет литавры многотрубен,
Золотится звонный бубен,
Царь-подсолнечник — горит!

ЛЕСНОЙ СТИШОК

Лесной стишок синичке
        Зачем не написать?
У этой малой птички
        Вся жизнь — и тишь, и гладь,
Скользнет от ветки к ветке,
        И с ветра на сучок, —
Синицы не наседки,
        Их дух — всегда скачок.
Но мыслит не скачками
        Крылатый синецвет: —
Нежнейшими стихами
        Звенит лесной поэт.
Чистейший колокольчик,
        Тончайшая игра.
Как бы на фейный стольчик
        Кто бросил серебра.
«Пинк-пинк» сребристозвонный,
        Воздушное «Вить-вить»,
И меди озаренной
        Добавит в эту нить.
Кто друг веселой птички,
        Тот слышал меж стволов,

Что в голосе синички
Живет девятислов.
Синичкина свистулька
Оживший к жизни лист,
Играющая пулька,
Чей взлет, — жужжащий свист,
Синичкина свирелька,
В древесной тишине,
Не малая неделька: —
От осени к весне.
Все певчие умчали
В заморские края.
Синичка — без печали —
Поет: «Здесь я! Здесь я!»
А Море — что же Море?
Поет одно «Аминь».
В синичкином уборе
Живет морская синь.
Волною ли проказить,
Вертеть веретено,
Или по веткам лазить, —
Не все-ли нам равно?
Лишь только быть веселым,
За дело, чуть соснув,
И комарам, и пчелам,
Являть свой острый клюв.
И грех мой был не малый,
Сказал я — тишь да гладь.
Нет, нрав тут разудалый,
Ничем не удержать.
Какая тишь, где звуки?
Какая гладь, когда
Она упорна в стуке,
Как дятел — как беда?
Почувствует личинку
Под крепкою корой, —
И заведет волынку,
Натешится игрой.
Почувствует, что близко
Какой-нибудь удод, —

В ней ярость василиска,
Подальше, заклюет.
Неловкая глупица —
Ей ненавистный вид: —
В три раза больше птица,
А мозг в ней раздробит.
И снова с ветки к ветке,
Опять в пролом дупла,
И делает заметки
По всей коре ствола.
Живет! Живет не грубо! —
«А ну, еще скакну
От каменнаго дуба
На красную сосну!»
Синичка, ты кузнечик,
С кем ветер не чужой.
Ты малый человечек,
С великою душой!

УТРО-СКАЗКА

Утро-сказка. Чтó сегодня вздумал строить Океан?
Солнце, чаша дней Господня, рассекло туман.
И, алея, самоцветы разноцветною гурьбой,
Расплавляясь, расплывались в бездне голубой.
За ночь бешенствовал ветер, так всю воду закачал,
Что от края неба к краю всюду пляшет вал.
Вон далеко, там далеко, где сменилась ширь на даль,
Тут и там взгорбится влага, взбросит пыль-хрусталь.
Влажный прах перелетает от горба волны к горбу,
Стоголосый ветер стонет в гудную трубу.
Даль до дали, близь до близи, хороша сплошная ткань,
Стычки дружныя волнений — дружеская брань.
Алых яхонтов давно уж в Море выгорел пожар,
Белый цвет вошел в зеленый, в синий, в синь-угар.
А на гулком побережье, где стою, заворожен,
Глыбы белыя вспененья, пены взлет и гон.
Завитками груды хлопий, накипь легкая зыбей,
Точно белая овчина Короля Морей.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья, возникая,
Заводят в сердце зыбкий спор,
Но вдруг бледнеет их убор.
Так птиц щебечущая стая
Ведет прерывный разговор,
В ветвях березы засыпая.
Все тихо. Светит звездный хор.

Я сплю. И милыя улыбки,
Что, как горит звезда к звезде,
Светили мне когда-то, — где? —
Опять горят, И стонут скрипки.
Так в бледно-лунной череде
Весенние мелькают рыбки,
Скользя в серебряной воде.

Я умоляю, безглагольный,
Твержу одной, пока я сплю,
Что все одну ее люблю.
Мой сон — и грустный, и безбольный,
И, как уходит к кораблю
От брега, тая, след продольный,
Так тает след, который длю.

СОВЕРШЕННЫЙ ПОКОЙ

Когда опустятся ресницы
На побежденные глаза,
Горит ли в небе бирюза
Иль там агат и в нем зарницы, —
В душе, светясь, растет лоза,
Ветвей зеленых вереницы
И венценосная гроза.

Чуть позабывшийся, тревожно,
Опять кует обманы снов,
Опять в созвенности оков.

Что было правда, было ложно,
Он снова впить в себя готов,
На то, что больше невозможно,
Он мысленный готовит лов.

Лишь иногда, когда упорный,
Чрезмерный выполню я труд,
Как труп, как глыба, весь я тут.
Не знает разум лжи узорной,
Он грезу не свивает в жгут,
И я — в Каабе камень черный,
Вне волхвование минут.

В ДАЛЕКОЙ ДОЛИНЕ

В далекой долине, где дышет дыханье дымящихся
давностью дней,
Я думал дремотно о диве едином, которое Солнца древней.
Как звать его, знаю, но, преданный краю, где дымно цветут
головни,
Как няня — ребенка, я знанье качаю, себе напеваю: «Усни!»
В далекой долине, где все привиденно, где тело —
утонченный дух,
Я реял и деял, на пламени веял, был зренье, касанье и слух.
В раздвинутой дали глубокаго дола ходили дрожание струн,
Мерцанья озер и последние светы давно закатившихся лун.
На светы там светы, на тени там тени ложились, как лист
на листок,
Как дымы на дымы, что, ветром гонимы, бессильно курчавят
восток.
И я истомленно хотел аромата, жужжанья тяжелаго пчел,
Но, весь бездыханный, был тихий и странный, мерцающий
в отсветах дол.
Цветы несосчитанно в дымах горели, но это цвели головни,
И вились повсюду кругом однодневки, лишь день
промерцавшие дни.
И тихо звенели, как память, без цели, часы, что мерцали
лишь час,
Что были не в силах замкнуть в мимолетность — в века
переброшенный сказ.

У всех однодневок глаза изумрудны, и саван на каждой —
сквозной,
Во всех головнях самоцветы; но в дыме, охвачены мглой
и золой.
В них очи, но волчьи, но совьи, но вдовьи упреки и жалость
о том,
Что, если б не доля, сиял бы там терем, где ныне обугленный
дом.
В далекой долине, среди привидений, искал я виденье одно,
И падали в сонное озеро звезды, стеля серебристое дно.
Я жадно смотрел на белевшие пеплы, но вдруг становился
слепым,
Когда, наклонясь над горячим рубином, вдыхал я
развилистый дым.
Я реял и деял, я между видений досмотр приникающий длил,
А пламя древесное тлело и млело, ища перебрызнувших сил.
Деревья, где каждая ветка — свершенье, до самаго неба
росли,
А я, как скупец, пепелище ошарив, искал изумрудов —
в пыли.
Воздушные лики, и справа, и слева, тянулись губами ко мне,
Но дива иного, что Солнца древнее, искал я в замглённом
огне.
Внезапно сверкает разъятие клада, который скрывался года,
Но знай, что тревожить, безумный, не надо того, что ушло
навсегда.
Едва я увидел глаза, что горели в мой царственный полдень
звездой,
В далекой долине дремоты глубокой набат прокатился густой.
Где в струнном дрожаньи, над зеркалом влаги, качался,
как лилия, сон,
Кричащим, гремящим, по огненным чащам, прорвался
хромающий звон.
И сонмище всех однодневок безгласных громадой
ко мне понеслось,
Как стая шмелей, приготовивших жало, как стадо
разгневанных ос.
Я вскрикнул. И дух, отягченный как тело, в набате и дыме
густом,
Крылом рудометным чертил неумело дорогу в остывший
свой дом.

ДВОЕ

Два волка бегут, оба в небо глядят,
На небо глядят, он грызлив, этот взгляд.
Не волки бегут, а полозья скрипят,
Нежданные в терем доехать хотят.

Две свечки, так жарки, не дрогнут, горят,
Не дрогнут, горят и с собой говорят.
Не свечи, а очи, в глубь ночи их взгляд,
Тоска истомила, ах, счастья хотят.

Две птицы, две с крыльями, когти острят,
Добычу наметят, ее закогтят.
От клюва до клюва насупленный взгляд,
Два сильные сокола биться хотят.

Два волка на срезанный Месяц глядят,
Налит чарованием жаждущий взгляд.
На белой красавице зимний наряд,
Два сердца в несчастии счастья хотят.

СВИТОК

Вьюга-Мятелица,
Вьюга-Виялица,
Белая палица,
Воет и стелется,
Слитная делится;
Треплет сугроб,
Ноет, лукавится,
Ведьмою славится,
Там, где объявится,
Выстроит гроб.
Версты за верстами
С ликами вздутыми,
Версты за верстами
Смотрят сомкнутыми,
Версты за верстами

Встали разверстыми.
Чей будет срок?
Жалобно жалится
Вьюга-Виялица,
Гуд и гудок,
Узрен глазастою,
Белозубастою,
Ведьмой вихрастою,
Вьюнош-вьюнок.
Вился он венчиком,
Ласковым птенчиком,
Бился бубенчиком,
Смерть невдомек,
Ехал к желанной он,
Вот бездыханный он,
В инее лик,
Хмелем окутался,
С Ведьмою спутался,
В хмеле поник,
Срывчатый всклик,
Заколыбеленный.
В сказке не веленной,
Тянется, пялится,
Выгибом стелется
Вьюга-Мятелица,
Белая палица,
Вьюга-Виялица.

СОН ПРЕЛЕСТНЫЙ

...Сень непостоянная, сон прелестный, безвременномечтанен сон жития земнаго...

Требник

Люблю тебя, безгласный, странный,
Мой цвет безвременномечтанный,
В обрывной сказке бытия.

Мой целый день — благоуханный,
Когда ты миг один — моя.

Тебя встречаю я случайно,
Во взоре васильковом — тайна,
Как будто стеблем, вся — светла,
Вся волшебствуя чрезвычайно,
Ты в тело женское вошла.

Я вижу, взор твой молчаливый
Хранит, рассказанное нивой,
Все тайнодейство сил земных.
Твой каждый шаг неторопливый —
Колосьями пропетый стих.

Когда стоишь ты в светлом храме,
Безумными я скован снами,
Мои расширены зрачки: —
Твоими поражен глазами,
В них расцветают васильки.

Твой лик весь обращен к иконам,
А я иду путем зеленым,
Душистой узкою межой,
И, схваченный земным законом,
Тобою — небу я чужой.

Ты — в лике кроткой голубицы,
Твои — молитвенны зеницы,
И миг церковный жив псалмом, —
Во мне скликаются зарницы,
И дальний чудится мне гром.

Прости меня, мой сон прелестный,
В моей груди, внезапно тесной,
Весь труд земного жития: —
С такою нивою чудесной,
Лишь с ней, с тобою, я есмь я.

А ночью вижу сон счастливый: —
Спит ветер, забаюкан нивой,
  А я, уйдя земных оков,
Идя, бесплотный, сонной нивой,
  Ищу — тебя меж васильков.

ИХ ПЕРСТЕНЬ

Свежий ветер, влажный воздух возле волн.
Ах, Тристан, тебя кладу я в черный челн.
  Ах, Тристан, морская — верная вода.
  Будешь ты с твоей Изольдой навсегда.
Разве в мире можно милых разлучить?
В ткань земную нам от Неба — к нити нить.
  Разве чайка с светлой чайкой над волной
  Не взлелеяны Безбрежностью — одной?
Разве ключ не верно входит в свой замок?
Смерть пришла. Любовь пришла. Восполнен срок.
  И не нужно белый парус надевать.
  С белым парусом — несмирная кровать.
Белый парус, это — труд, тяготы нам.
Черный парус — путь к невянущим садам.
  Черный парус — ночь и ворона крыло.
  Ночью — звезды. Ночью — любящим светло.
Так, Тристан. С тобой я с детских дней была.
Смерть ли я? Любовь — не более светла.
  Смерть — любовь — любовь за смертью — череда.
  Верь, морская — вечно верная вода.
Доплывешь ты до единственной черты.
Вновь поймешь, что ты — она, она есть ты.
  Миг пронзенья. Самородок золотой
  В горне сразу станет солнечной водой.
Копья Солнца к соснам прянут вековым, —
Сосны в цвете, золотистый всходит дым.
  Луч от Солнца свой наложит жаркий знак, —
  Легкий шорох, вмиг раскрылся алый мак.
Спит Изольда в халцедоновом гробу.
Победил ли человек когда Судьбу?

Спит в берилловом гробу, заснул Тристан.
В двух могилах им удел раздельный дан.
В двух могилах, и часовня между них.
Пойте, птицы! Трубадуры, спойте стих!
То, что Бог соединил, не разлучить.
В ткань земную нам от выси — к нити нить.
Тонкой нитью паутинится намек.
Из земли восходит нитью стебелек.
Из могилы — вот один, — а там другой
Древо с древом — над крестом — рука с рукой.
Над часовней — ты срубай их не срубай —
Над разлукой — две любви — цветочный май.
Две любви? Любовь — везде — всегда — одна.
Сердце — с сердцем. Льет в них пламень вышина.
И срубали их три раза. Но король
Не велел, чтоб дольше длилась эта боль.
Так два древа — обвенчались в вышине.
А часовня между ними — вся в огне.
В звуках музыки, в огне высоких свеч.
Сердце верное от сердца ль устеречь?
В ткань земную нам от Солнца — к нити нить.
Что любовь зажгла, — и Морем не залить!

ЛЮБЛЮ Я ЦВЕТЫ

Имени Тани Осиповой

Люблю я цветы — как любит мать свою нежный ребенок,
Люблю я цветы — как любится сердце, поняв, что означился срок,
Люблю я цветы — как любит птица другую, чей голос звонок,
Люблю я цветы — как любит цветок — чуть зацветший далекий цветок.

Все спят еще в доме — я в лес, один, иду спозаранка,
Смотрю, не расцвел ли, явив солнцегроздья, Испанский дрок,
Но в сердце моем расцветает одна голубая грустянка,
Земли не вкусивший, лишь неба испивший, хрупкий цветок.

Иду я до Моря — берег свой точит, синеет, клокочет,
Затихнуть не хочет, свершает свой бег; нападенье и скок,
Не Море ли влагой своею соленой мне горькое что-то
пророчит,
Две красныя капли — я слышу — упали — там в сердце —
на мой голубой цветок.

Домой возвращаюсь размеренным шагом — порой, на закате,
Одна одинокая тучка под Солнцем расплавится в огненный
клок,
Но огненной тучке, и Солнцу, всем солнцам, — о, всем
без изъятий, —
Одно загашенье, и, кровью обрызган, там в сердце спит
голубой цветок.

В земле от корней всех расцветов нежнейших прорежется
ранка,
Люблю я цветы — как напев — как любовь — как гремучий
поток,
Люблю я цветы — из цветов мне люба голубая грустянка,
Лампада горит пред иконой — сердцу больно — в нем вырос
цветок.

FUGA IDEARUM

Имени Тани Осиповой

1

Прошла жара. И fuga idearum
Исчезла с нею. Разум ясно тих.
И копьеносно всходит мерный стих,
Взяв явор образцом и белый арум.

Душевный зной был пройден мной недаром.
Жесток, Судьба, удар бичей твоих,
Но верны звезды, — я исторг у них
Немую власть над собственным пожаром.

Шальной ли ветер мне принес зерно —
В мой сад — упор нездешняго побега?
Светло в цветке, когда в корнях темно.

Как дротик — стебель. В чаше — свежесть снега.
Отрава — в корне. Но волшебна нега,
С чьей лаской обручиться мне дано.

2

Что ворожит твое веретено,
О, Златокруг, столетьями воспетый?
Ты, Солнце, мечешь гроздьями планеты,
Чрез бездну бездн к звену стремишь звено.

Из тьмы тобою в мир изведено
Такое огнердение, вне сметы,
Что все цветы в цвета тобой одеты,
И золотое в каждом миге дно.

Но что на всем твоя мне позолота?
Дана. Взята. Так значит, не дана.
На что обрывки мне с веретена?

Мой мед — лишь мой — хоть солнечнаго сота.
Я — Человек. Не кто-то. И не что-то.
Я смерть кляну, хоть смерть мне не страшна.

3

Зачем опять разбита тишина,
И с тем боренье, что непобедимо?
Все — водопад. Со звоном мчится мимо.
Но что мне все? Есть сила, что верна.

Люблю. Любовь была мне зажжена.
И вдруг ушла. Куда, — неисследимо.
Но шепчет вздох мне ладаннаго дыма,
Что в Вечном будет вечно мне верна.

Я слышал звук единственнаго слова,
Что к сердцу вдруг от сердца строит путь.
Но, в Юность глянув, Смерть сожгла сурово

Лобзанием нетронутую грудь.
Ты мной жила в последний миг земного, —
Приду к тебе, прошедши водокруть.

ИСТАИВАНИЕ

Имени Тани Осиповой

Забросать тебя вишеньем,
Цветом розовой яблони,
Сладко-душистой черемухой
Покадить с вышины.
А потом, в твоей горнице,
Как в постели раскинешься,
Самым вкрадчивым призраком:
Проскользнуть к тебе в сны.

В них проносятся ласточки,
Махаоны, крушинницы,
Над березовым кружевом
Гуды майских жуков.
Ты горишь, белогрудая,
Как светляк разгоревшийся,
Как морское свечение
Близь крутых берегов.

Я ночными фиалками
Расцветил твою горницу,
Я смотрю, как ресницами
Призакрыты зрачки.
И вдвоем, озареньями,
Упоившись растеньями,
Мы плывем привиденьями
До Небесной Реки.

СОН

Я спал. Я крепко спал. И сном непробудимым.
Свинцовый замкнут гроб. На палубе. В ночи.
По Морю плыл туман белесоватым дымом.
Со мной был длинный меч, лампада и ключи.

Все было сложено в приют неповторимый,
Пред тем как опустить меня на дно морей.
Я бился тем мечом, радея о родимой,
Дабы в густую ночь заря пришла скорей.

Для труднаго пути должна служить лампада,
Чтоб то, чего добыть я не сумел мечом,
Я выпустил из бездн окованнаго ада,
Все двери отомкнув моим тройным ключом.

Когда свинцовый гроб достиг до дна морского,
Умерший выпустил на волю всех живых.
И я — но я другой — средь блеска золотого —
Летел превыше всех зарниц сторожевых.

ЛЕТУЧИЙ ДОЖДЬ

Летучий дождь, раздробными струями,
Ударил вкось, по крыше и стенам,
— Довольна ли ты прошлыми годами.
И что́ ты видишь сердцем — в синем Там? —

Горит свеча. Пустынный дом, тоскуя,
Весь замкнут в лике — Больше Никогда.
— Ах, в полночь об одном лишь вспомяну я,
Что мало целовал тебя тогда!

БЕЛЫЙ ЛУЧ

Сквозь зелень сосен на красной крыше
Желтеет нежно закатный свет.

И глухо-глуше — и тихо-тише,
Доходит шепот минувших лет.

Все тише, тише, и все яснее.
Я слышу вздохи родных теней.
За синим морем цветет лилея,
За дальной далью я буду с ней.

Совсем погаснуть, чтоб нам быть вместе,
Совсем увянуть, как свет зари.
Хочу я к Белой моей Невесте,
Мой час закатный, скорей сгори.

И вот восходит Звезда Морская,
Маяк вечерних, маяк ночных.
Я сплю. Как чутко. И ты живая.
И я, весь белый, с тобою тих.

МОРЕ

Из рыбьего блеска, из рыбьих чешуек, незримой иглою их сшив,
Раскинуло Море морскую поверхность, а в берег бросает прилив,
Серебряный пух здесь, а дальше, повсюду, в горячем играньи луча,
Отдав свою дань бирюзе, изумруду, морская горит епанча.

Все складки блестящи, одежда волшебна, готовил ее чародей,
Пожалуй, что здесь проплывали сегодня кишащие версты сельдей.
И блеск серебристый чешуй переливных остался в лазурной воде,
Чтоб тут в обрамленьи, и там в углубленьи, дрожать в световой череде.

Когда же багряное Солнце на грани — округлая в алом мечеть,
Поверхность морская — цветисто живая, густая каленая медь.

А после созвездья потянут в дорогу, идет с серебром
караван,
И Море — всезвучный, с душой неразлучный, гремящий
литаврами стан.

ЧАС УБЫЛИ

Сгустилась дымка синяя. Там, дальше лиловатая.
Агатовыя прорези. Открытый Морем ил.
Побуду в безглаголии. Помедлю до заката я.
Дождусь возженья вышняго тысячезвездных сил.

Как грустно время убыли. Владеет океанами.
Она владеет душами. Она владеет всем.
Дохнет в умы безумием. Когтит. Играет странами.
Как тигр живым-повергнутым, что вот уж мертв и нем.

Пылает Солнце рдяное, но где-то там за тучами.
Скрепилась дымка сизая. Слепая муть и синь.
И ходят караванами и пенятся гремучими
Вскипанья океанские — среди своих пустынь.

Плывут ладьи крылатыя. Но их в их мгле заметишь ли?
На осыпи, на оползне безжизненных песков?
Когда придет желанное? Узнаешь ли? Ответишь ли?
Я тень. Я мрак неведенья. Средь чуждых берегов.

Подкошенный, заброшенный, во мгле с неумолимыми.
Я с жалящими мыслями ломаю кисти рук.
Окуталась Вселенная пожарами и дымами.
Но чу, один, единственный, предтеча, верный звук.

Дохнул на версты шорохом, не праздными посулами,
Прилив, так долго медливший. Мне будет праздник дан.
Идет, гоним и гонится, весь облеченный гулами,
Он жив под звездным воинством, гремучий Океан.

БЕЗЛУННЫЯ НОЧИ

Безлунныя ночи и грустны и немы.
Как будто бы тише и сам Океан.
Лишь в небе — созвездья, лишь в дальнем — поэмы,
Невнятные знаки неведомых стран.

Я знаю, — и кто же не знает, в ком мысли, —
Что Млечной Дорогой мы все рождены.
Лампады зажглись, в Беспредельном повисли,
Я с ними молюсь — из моей тишины.

Мы вместе. Я с Богом. Но что ж мне? Но что мне?
Я вечно ли буду свечою земной?
Звезда упадает. И голос в ней: Помни.
Мы разныя строки, но песни одной.

ОТ СОЛНЦА

От Солнца — золото, пушистый грозд мимозы,
Подсолнечник, оса, вcклик иволги, топаз,
Одетый в пламя гром, в запястьях молний грозы,
    И нежный запах чайной розы,
    И тихий свет влюбленных глаз.
От Солнца — грозное безгласие Сахары,
Где в тени красныя рядит пески закат,
    Нарциссов душный аромат,
И пляс толкачиков, и в гуле жерл пожары.
Летящий змеем смерч, бестрепетный зрачок
Орла, узнавшаго, как сильны в лете крылья,
    Бенгальский тигр, его прыжок,
Сто зерен в колосе, в ста царствах изобилье.
Сильней, светлей, грозней, богаче Солнца — нет
Ни силы, ни светил, в нем все, что в нас, земное.
    Но, зная верный ход планет,
Я мыслью ухожу в сильнейшее, в иное.
В безлюдьи, со скалы смотрел я в Океан,
Где алый шар горел средь голубого гула,
    Там Солнце на ночь потонуло,

И след его лишь был — багряных тучек стан,
Где красочный чуть тлел дурман,
Где рыба красная, плывя, хвостом плеснула.
И думал я тогда: Вот так я схоронил,
Несчетность алых солнц, плененных черной ночью.
Я знаю — есть земной и есть небесный Нил.
Я много тайн ночных следил,
По звездному бродя немому узорочью.
Через оконце ли пронзающих зрачков,
Тропой ли вещей сна, мечтой ли в хмеле пира,
Мой дух имеет власть умчаться из оков,
До Запредельнаго — на грань — в безгранность мира.
О, Солнце — жизнь и ярь, цикады кастаньет,
В сплетении — тела, и в хороводах души.
Но, зная точный ход планет,
Я жажду голосов, что внятнее, хоть глуше.
Достаточно я был на этом берегу,
И быть на нем еще, — как рок, могу принять я.
Но, солнечный певец, как Солнце, на бегу,
Свершив заветное, час ночи стерегу,
Чтоб в Млечном быть Пути, где новых звезд зачатье.

СКАЗ КАМНЯ

Извечным, исподним, из недр исходящим,
Исторгнутым вкось из седой старины,
Мне кажется камень над Морем, звучащим,
Как рокот одной семиверстной струны.
Обломок дольмена? Взнесенность менгира?
Рунический камень забытых веков?
Не ближе ли к зорям, к зачатию мира?
Обломок потопших давно берегов?
Извергнут из бездны? Закинут из выси?
Один — не изъеденный зубьями дней,
Где некогда были лукавыя рыси,
Лишь козы срывают верхушки стеблей.
Где некогда к зубру рычали медведи
О радостях схватки средь чащи лесной.
Лишь волны да волны в созвучной беседе;
Да кружево пены сквозной пеленой.

И детские всклики из дальней деревни
Вплетаются в лепет, в полет ветерка.
Не сказка ли — были? И был ли тот древний
Размах исполинский, чья рама — века?
Но вот издалека, безвестно откуда,
С черты кругоема, гульлив, говорлив,
Качая и теша пришествие гуда,
Уж мчит, набегает, подходит прилив.
Объем переклички всех тех, чье хотенье
Гремело из пушек, свистело стрелой,
Кто должен был жаждать — достичь отдаленья,
И шествовал громом, взлелеянным мглой,
Одни — потонули, другие — убиты,
И худшую третьи узнали печаль,
Что ломки былинки и хрупки граниты,
И близко-доступна дальнейшая даль.
В чем вольная воля? Не в жажде ли воли?
А воля — неволя, коль воля — в руках.
Срываясь кометой, летишь не на дно ли?
Не прах ли наш вечный — в чужих берегах?
Какая истома, какай тоска мне
Всю призрачность видеть земных перемен.
Я пепел под Солнцем, я распят на камне,
Забытое знамя проломленных стен.
Поет, но не внемлет, простор Океана,
Он жаждет и точит, он хочет всего.
Добросил залы он из дальняго стана,
Во всем лукоморьи созвучья — его.
И вдруг утоленье. Пронзает услада.
Сверши назначение крови своей.
Пролей, если нужно. Чужую — не надо.
Но в мире свершений — своей не жалей.

НЕОТЦВЕТАЮЩАЯ СИНЬ

Как стих расскажет красоту,
Чей вечный смысл неисчерпаем?
Стрижи летят, и налету
Свистят, а мы внизу внимаем.

Чем манит остро-четкий свист?
Мы с ним и в нем — на вольной воле,
И самый нежный аметист,
Сквозясь, цветет в небесном поле,
Как мысль расскажет Океан?
В себе раскрыв окно прогалин
И сказкой став далеких стран,
Чей зов и весел, и печален.
Духовным оком ластись к сну,
Который снится богоданно,
И, чуя свежую волну,
Пропой мгновенье, с ней слиянно.
Чрез весь простор поет она,
Из края в край спешит певунья,
Сродни ей цельная Луна
И тонкий очерк Новолунья.
Она качает светотень,
И сколько звонких этих вестниц,
И в каждой новая ступень
Всходящих — падающих лестниц.
Все то же Солнце в вышине,
Что в первый час, на ранней грани,
И спит Лемурия на дне,
Спит Атлантида в Океане.
Все та же синь перед тобой,
Что уводила Одиссея,
Все той же сказки голубой
Неистребимая затея.
Закинь свой невод поверней,
И сеть, сплетенную лукаво,
Из бездн исторгни, — видишь, в ней
Добычи плещущая слава.
И, если жаждешь взять свое,
В ней диво-рыба попадется,
Увидишь, взрезавши ее,
Что древний перстень в ней смеется.
Победен светлый смех богов,
Не меркнет светлый лик героев,
От берегов до берегов
Разбег свершений меж устоев.

Мы не свершили своего,
Еще нас давит день вчерашний,
Но — завтра ждет, зови его,
И новый праздник вскинешь башней.
Не о потопших говорит
Тот гул безмерный бездны синей, —
О слитьи в цельность новых плит,
О красоте вознесенных линий.
Когда же наш придет черед,
Свершив, потонем в синей сказке,
Но наша мысль, душистый мед,
Войдет в узор иной завязки.
В той дальней мгле грядущих лет
Переместятся океаны, —
И, горный выдвинув хребет,
Подводныя возникнут страны.

МОРСКОЙ ПАСТУХ

Морской пастух, брожу безмолвный
По содвигаемой черте,
И в свете дня пасу я волны,
А ночью звезды в высоте.

Отлив смежается с приливом,
Тоска сменяется во мне
Порывом вольным и счастливым,
И в вышнем я тону огне.

Вся малость в сердце спит глубоко,
И, к вечным празднествам спеша,
Не человеческое око,
Тех звезд касается — душа.

К родным потокам тяготея,
Весь прохожу я Млечный Путь,
И знаю, млея и немея,
Что буду там когда-нибудь.

Но, погостив в краях родимых,
Устав скитаться в вышине,
Опять тону я в синих дымах,
В подводных пропастях, на дне.

А ветер взвил мой бич пастуший,
Мой дух, бессонный разум мой,
И Океан ночной все глуше
Гудит вещательно: «Домой!»

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Сегодня ночью Океан
Гремел необычайно.
А в сердце — розы дивных ран,
А в рдяном сердце — тайна.
Оно горит, — и вот он, сад
Из огненных растений,
Кругом полночный перекат,
Напевный гул гудений.
Но что мне сердце? Что мне ночь
В беззвездности безлунной?
Что было здесь, умчалось прочь,
Я в музыке бурунной.
Какая там виолончель.
Глубинныя рыданья.
Какой свирели тонкий хмель.
Разгулы труб. Гаданье.
Считает мир. Гадаю я.
Что мыслится там в небе?
В глухие стены бытия
Бьет молотом мой жребий.
Мой молот — быстрый молоток,
Незримый молоточек.
Ведет меня в мой верный срок,
Введет без проволочек.
И в мире царствует разлом,
Пришел к нам век железный.

Вскипай, огонь, бесчинствуй, гром,
Раскройте зев свой, бездны.
Но пусть потопли острова,
Где в честь меня плясали.
Но пусть измяты все слова,
Разбиты все скрижали.
Но пусть вода, но пусть огонь
Мою терзают землю.
Я в вихре звуковых погонь,
Я Океану внемлю.
И в дрожи дремлющих ресниц
Росинка, зыбь в алмазе.
Сквозь Хаос, с грохотом бойниц
Я в неразрывной связи.

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛАГО

(12-й век)

Норвежская баллада

Вокруг Сицилийских я плыл берегов,
Оружие наше блистало.
Мой черный дракон, преисполнен бойцов,
Стремил достающее жало.
Валы рассекая средь ночи и дня,
Все взять я хотел своенравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я бился в Дронтгейме с рядами врагов,
И гуще их были дружины.
На каждый удар был ответный готов,
Меня не сразил ни единый.
Был конунг сражен мной. Бегущих гоня,
Служил мне клинок мой исправно.
Но Русская дева отвергла меня.

Белела вослед корабля полоса,
Нас было шестнадцать, и буря
Раздула, ветрами налив, паруса,
Чело тученосное хмуря.

И бурю на бурю — на битву сменя,
Победу я брал полноправно.
Но Русская дева отвергла меня.

И все в удальствах мне охота пришла
До крайнего вызнать изгиба.
Не выбьет горячий скакун из седла,
Я плаваю в море, как рыба.
Когда — на коньках, я быстрее огня,
Весло и копье мое славно.
Но Русская дева отвергла меня.

И каждая дева с любою вдовой
Узнала, и это пропето,
Что всюду на юге встречаю я бой
При пламенях первых рассвета,
Зовет меня Море, за край свой маня,
И даль мне шумит многотравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я горец, рожден меж обветренных скал,
На луках там звучны тетивы.
Стрелою я цель не напрасно искал,
Корабль мой — набег торопливый.
О камень подводный дракон мой, стеня,
Заденет — и вынырнет плавно.
Но Русская дева отвергла меня.

МОРСКОЙ СКАЗ

Людасу Гире и всем друзьям в Литве

Литва и Латвия. Поморье и Суоми.
Где между сосен Финн Калевалу пропел,
Меж ваших говоров брожу в родном я доме.
Венец Прибалтики. Вещательный предел,
За морем — Швеция. Озера. Одесную —
Оплот Норвегии. Ошуйю — я ликую.

Там где-то некогда, — кто молвит точно, где? —
Свершилось — для меня единственное — чудо: —
Молился предок мой! И к Утренней Звезде
Не он ли песнь пропел, под именем Вельмуда,
Что по морям хотел настигнуть горизонт,
И стал поздней — Балмут, и стал — и есть —
Бальмонт?

Всегда в хотении неведомаго брега,
Я проплывал моря к неведомой стране.
И, в летопись взглянув, я вижу близ Олега
Вельмуда. Нестора читаю, весь в огне.
И голубой просвет ловлю родного взгляда: —
Прибил свой щит Олег на тех вратах Царь-Града.

Не указанье ли, что с детских дней во мне
Неизъяснимая вражда к красе Эллады?
Мой пращур бился там, и на глубоком дне
Морским царевнам пел, — как пел Садко, — баллады.
Не память ли веков, бродячих и морских,
Что синь морскую я всегда вливаю в стих?

Когда впервые мне, ребенку, дали браги,
Еще я мало что о вольном мире знал,
Но гости, — мнилось мне, — те древние Варяги,
Чей смелый дуб-дракон рассек сильнейший вал.
Чрез полстолетие все то же в сердце пенье.
Я помню проблеск тот. День Пасхи. Воскресенье.

Мне говорила мать, что прадеды мои
Бродили по Литве. Когда-то. Где-то. Кто-то.
От детских дней люблю журчащие ручьи,
И странной прелестью пьянит меня болото,
Узорный дуба лист, луга, дремучий лес,
И сад, и дом отца, с узорами завес.

Кто камыши пропел? Ах, что мы знаем! Ящер,
Что в дни цветение Земли гигантом был,
Не ящерки ли он, в веках забытый, пращур?
И в искре из кремня — не ста веков ли пыл?

Я камыши пропел, как до меня не пели.
Но раньше пел Литвин, играя на свирели.

Чья песнь о лебеде Россию обошла?
Ее еще поют. Поют и в чуждых странах.
Кто в яркий стих вложил мгновенный блеск весла,
Болотной лилии красу и зорь румяных?
Я говорю: Не я. Но кровь во мне жива,
В чьем вспеве, лебедем, плывя, поет Литва.

Я видел вещий сон. Безмерное болото.
Все в белых лилиях. В избе живет колдун.
В оконцах свет зари. Играет позолота.
Ведун перебирал перебеганья струн.
Он песнь о Солнце пел. Живет та песня, Дайна.
Мне чудится, тот сон мне снился не случайно.

Не черный звался он, а Белый Чаровник,
И было перед ним Волшебное Болото,
Завороженное. В лесу и гул, и клик.
Ломает путь кабан. Уносится охота.
Колдун поет свой сказ, лелея струнный звон,
В нем путь, и пенный вал, и черный дуб-дракон.

Певучий длился сказ. В глухом лесу усадьба.
В ней много комнаток. Полна богатства клеть.
Яруют мед и хмель. И в яркой яри свадьба,
Как лебединую отрадно песню спеть!
Любимый — не любим. Прощай, моя дубрава.
Иду я в край иной. Пред смелым всюду слава.

Иди, буланый конь. Люблю я звук копыт.
Уж дом родной — как дым, за синей гранью взгорья.
В морской душе восторг морской не позабыт.
Вперед. За ширь степей. Чу, рокот Черноморья.
И баламутил он, с конем, и там, и тут.
Мой прадед, дед отца, смельчак, боец, Балмут.

Как перелился сон и стал былым, столь явным,
От моря Чернаго плеснула кровь куда?

Нет, не назад в Литву, к убежищам дубравным,
За лесом Муромским — любви зажглась звезда.
И сон того я сна. А где проснусь? Не знаю.
Хочу к неведомо-единственному краю!

ИМЯ-ЗНАМЕНЬЕ

Вязь сонетов

1

Ты, Солнце, мой отец, Светильник Неба,
Луна — моя серебряная мать.
Вы оба возбранили сердцу лгать,
Храня мой дух от черных чар Эреба.

Лоза и колос, знак вина и хлеба,
Мой герб. Мой пращур — пахарь. Нет, не тать,
Он — виноградарь. Он любил мечтать.
Любовь — души единая потреба.

Любовь и воля. Дух и плоть одно.
Звени, напев, через поля и долы.
В горах, в степи. В лесу, где даем темно,

Укрой листвою ствол, от стужи голый.
Спаяй приметы в звонкое звено.
Испивши Солнца, будь — пребудь — веселый.

2

Кто предки? Скифы, Чудь, Литва, Монголы.
Древляне. Светлоокий Славянин.
Шотландия. Гора и глубь долин.
С цветов свой мед везде сбирают пчелы.

Цветок душист. Но это труд тяжелый
Составить улей, выбрать ствол один,

Разведав свойства многих древесин.
И капля меда — мудрость древней школы.

Кто предки? Вопрошаю снова я.
Бреду в степи и вижу снова: Скифы.
Там дальше? Озирис. Гиероглифы.

Праматерь-Дева: Индия моя.
Багдад, где спят свершители-калифы.
Пред строгим Парсом — пламеней струя.

3

Вести ли нить к истокам бытие?
Чуть что найдешь, уж новое искомо.
Что люди мне! Среди зверей я дома.
Сестра мне — птица, и сестра — змея.

Меня учил паук игре тканья.
Кувшинки, цвет лесного водоема,
И брызги молний с долгим гулом грома,
И снег, и свист ветров — одна семья.

Люблю не человеческое знанье,
А смысл неукоснительных наук,
Что точно знают бабочка и жук.

В одной — моей душе обетованье,
В другом — приказ пропеть упругий звук.
В моем гербе — лоза, и в ней — вещанье.

4

Она безгласно вынесла топтанье,
Проворных в пляске, напряженных ног,
И брызнул красный, лился белый сок.
Она пережила пересозданье.

В безлюдное потом замкнута зданье,
Она ждала, хмелея, должный срок.

И влит в хрусталь играющий поток,
Безумя ум, вливая в смех рыданье.

По городам, через нее, гроза.
И пляшут, восприняв ее, деревни.
В ней крепкий дух.
В ней смысл исконно-древний.

В ней острый нож. В ней нежные глаза.
И стих поет, все явственней, напевней,
Что хороша — среди песков — лоза.

5

Когда звенит протяжно стрекоза,
Июль горит, свой лик воспламеняя.
Повсюду в мире мудрость есть живая,
И радугу хранит в себе слеза.

Глянь, васильки. От Бога — бирюза.
Лазурь средь нивы — сказка полевая.
Крепчает колос, зерна наливая.
Скрипят снопов тяжелые воза.

Серпы сверкали силой ятагана,
Но в правой битве с твердостью стеблей.
Снопы — как алтари среди полей.

Мой пращур, ты проснулся утром рано,
И колос, полный власти талисмана,
В мой герб вковал на всю безбрежность дней.

6

Но ведал ты и меч. Среди зыбей
Верховных туч, где древле, в бездне синей,
Гремел Перун, грохочет Индра ныне.
Учился ты свергать ярмо цепей.

Прекрасна тишь. И мирный мед испей.
Но, если ворог — волк твоей святыне,
Пусть брага боя, вместо благостыни,
Кипит, пьяня. Оплот врага разбей.

Лишь вольный мир — подножие амвона,
Достойнаго принять завет луча.
О, пращуры сохи и с ней меча!

Мой храм — Земля, но с кровлей Небосклона.
Издревле кровь смела и горяча.
Сильнее — дух. От духа — оборона.

7

Баал и Бэл был пламень Вавилона,
Над вышней башней — Солнца красный шар.
А Монту — бог Луны, бог нежных чар,
В стране, где Нил свое качает лоно.

Бальмонт — певец всемирнаго закона,
Он должен славить солнечный пожар.
Лелеять в звуках вкрадчивый угар
Торжеств весны и праздничнаго звона.

Увидев счастье, говорю: «Мое!»
Моя в закатном небе пирамида.
Моя Земля. Люблю как Мать ее.

И помню, все измерив бытие: —
Бальмунгом звался светлый меч Зигфрида.
Из мрака к свету царствие мое.

В ЗВЕЗДНОЙ СКАЗКЕ

Я видел ибиса в моем прозреньи Нила,
Фламинго розовых, и сокола, что вьет
Диск Солнца крыльями, остановив полет,
Являясь в реяньи как солнечная сила.

Тропическая ночь цикадами гласила,
Что в древней Мексике сама земля поет.
Пчела Индийская мне собирала мед,
И были мне цветы как пышныя кадила.

В Океании, в ночь, взносился Южный Крест.
И птица-флейта мне напела в сердце ласку.
Я видел много стран. Я знаю много мест.

Но пусть пленителен богатый мир окрест.
Люблю я звездную России снежной сказку,
И лес, где лик берез — венчальный лик невест.

ЛЕСТНИЦА СНА

Сначала раскрылось окно,
И снова закрылось оно,
А дух опустился на дно.
        И сделалась вдруг тишина
Такою, как ей суждено
        Бывать, если встала Луна,
        Молчать, ибо светит — она.
Сначала, в сомкнутости глаз,
В тот тихий тринадцатый час,
Возник от Луны пересказ,
        Приникших до чувства, лучей.
И где-то светильник угас,
        И где-то блеснул горячей.
        Был дух равномерно ничей.
Потом распустился цветок,
И он превратился в поток,
Беззвучно-текуч и глубок,
        Из красок, менявших свой цвет.
И дух он тихонько увлек
        В качавший все тайны расцвет,
        Где путь задвигает свой след.
Тогда зачарованный слух,
Тогда обезумленный дух

Зажегся, и снова потух,
        В себя запредельности взяв.
Но тут звонкогласый петух
        Пропел для рассветных забав.
        И росы блеснули меж трав.

ТАЙНОЕ ВЕДЕНЬЕ

Свет привиденный на сонных ракитах
Бережно Месяц ущербный кладет.
Тайное веденье в веках закрытых
Глубже, чем ведает солнечный счет.

Стрелки часов от зари до заката,
Время считая, до тайн не ведут.
Чаша цветка перед вечером сжата,
Весь аромат ея замкнут, но тут.

Сосредоточившись в сумрачном быте,
Копит он силу в ночном бытии.
Сказка ущерба скользит по раките,
Черпают веденье веки мои.

СФИНКСЫ

Мы мелькаем — мы сфинксы — мы бабочки ночи.
Мы проходим и реем, как шорох вершин,
В нас зеницы из тех же немых средоточий,
Где высокое Солнце — всегда властелин.
По расплавленным зорям, в волнах аромата,
Мы в мгновенье роняем цветное Когда-то.

КРУГОЕМ

Вырвалась из творческаго лона,
Искра из горящаго костра;
Полная лелеемаго звона,
Вот она, воздушная сестра.

Вырвалась душа для начинаний,
Бросила незыблемый оплот.
В полночи и в огненном тумане
Быстрый устремляется полет!

К самому далекому пределу
Первое движение крыла.
К лунному белеющему телу.
Огненная в лунное вошла.

Солнечная сделалась полночной,
Звездною обрызгалась росой.
Реет ли она в ночи бессрочной?
Вниз ли устремляется с грозой?

Чувствуя растущую истому,
Делает несчетные круги.
Белая скользит по кругоему.
Зоркую минуту стереги!

Быстро сокращается вращенье.
Больше захвати голубизны.
Точка. Завершение. Рожденье.
Знай полет примет, и веруй в сны!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

И вновь, как в первый раз, весна
Первоначальна и нежна.
И ткется в памяти рассказ,
Как полюбил я в первый раз.

Я был, но не был я поэт,
Мне было слишком мало лет.
Для слов еще не прибыл срок.
Но всюду чуял я намек.

И был и не был я поэт,
Но ясно видел ткань примет.

И разумел я птичий крик,
И знал, о чем поет родник.

Я знал, в чем смысл и в чем тут счет,
Коль кошка мягко спину гнет,
И свой извивный хвост змеит,
А взор горит, как малахит.

По ржанью лошади следил
Теченье злых и добрых сил.
Смотря, как ухом конь прядет,
Читал я нечет или чет.

По флейте иволги, я ждал,
Чтоб вешний гром загрохотал.
И слышал в звуке я другом,
Что напилась она дождем.

Призыв малиновки в кустах,
«Зин», прерывный, взрывный страх,
Я знал, остерегал подруг,
Что ястреб близко чертит круг.

Ворчанье сэтера во сне,
В час зноя, говорило мне,
Что и в дремоте шлет он клич
И стойкой указует дичь.

Раскатный голос петуха,
Как возглас вещаго стиха,
И луч, лежащий на полу,
Вечернюю вещали мглу.

Мычанье медленных коров
Мне было вязью кротких слов,
Что добрый им уют в хлеву,
И что в довольстве я живу,

Смеясь, играл бичом пастух,
Он хлопал им и тешил слух.

И топот вспугнутых овец
Гласил, что дню пришел конец.

Мне было внятно, почему
Приходит ночь и стелет тьму.
Мне снились лестницы в ночи,
Перила — звонкие лучи.

И я всходил, и я сходил,
Был звон кадил, и сшибки сил.
Во сне и снах — как в бездне мы,
Но всходит Солнце нам из тьмы.

Весна. Наш деревенский край —
Держава в светлый месяц май.
Как скипетр царский — каждый сук,
Где шелест, лист и певчий звук.

Сережки ветер для берез
Из кладовых зимы принес.
Запястья всюду разбросал.
Бери, кто стар. Бери, кто мал.

Отвеян утренний туман,
Весь луг наш — синий сарафан.
А там, и там, и там — лужки,
Как красно-желтые платки.

На ивах сколько желтых бус!
Межа — ширинка и убрус.
Была от Солнца здесь игла,
И все пруды как зеркала.

Увит кустами наш балкон,
В сирени стон, жужжащий звон.
В ней пчелы, осы и шмели,
Средь слуг созвучий — короли.

Та бабочка, что так бела,
Ее снежинка родила.

А махаон — игра желта,
Он из осенняго листа.

Там возле лужиц путевых
Как много малых, голубых!
Их колокольчик голубой
Лукаво вытряхнул гурьбой.

А сам с невиннейшим лицом
Качает синим бубенцом.
И чу, заводит: «Динь-динь-динь!
Я цветом синь! Печаль закинь!»

И трясогузка, — бег красив, —
Свой меткий клювик устремив,
Танцует в беге, слыша звон,
И хвостик гордо вознесен.

А ласточка там далеко
Мне кажет белое брюшко.
Сама черна и черен глаз.
Ея вы знаете ли сказ?

Весь круглый год была она
В белейший снег облечена.
Да захотелось за моря,
Взглянуть, как топится заря.

Летит и к Морю держит речь,
И угодила прямо в печь.
Вся в саже, вырвалась едва,
Но уцелела голова.

И к нам. «Везде я путь свой длю.
Но вас — я вас — я вас люблю!»
Поет, не ведая о чем,
И с первым к нам летит лучом.

Летит — прядет, сидит — поет,
И от нея к нам в сердце мед.

И снова в Африку лететь,
Смотреть, как там готовят медь.

У Фараона глянет в счет,
Лукавым хвостиком вильнет.
И к нам. Догнать ли кораблю?
«Я вас — я только вас люблю!»

И я люблю тебя, с тех пор,
Как существует уговор
О, вестовщица, меж тобой
И каждой Русскою избой.

Люблю цветы, зверей и птиц,
И пряжу вещую зарниц,
Во ржи цветок лазурных грез,
И вызревающий овес.

Люба мне, мудрости пример,
И гусеница землемер: —
Свой мерит лист, а сорвалась,
Есть шелковинка в тот же час.

Тончайший шелковый канат,
В родную зелень — путь назад,
И там совьет себе кокон,
И цветокрылья ткет сквозь сон.

Люблю и майскаго жука,
И трепет грустнаго смычка,
Вечеровой напев стрекоз
О том, что лето пронеслось.

Я с каждым годом все светлей
Люблю летящих журавлей.
И я — случится — улечу
К недосяжимому лучу.

И это все, о, дальний мой!
Ты чаял повести иной?

Ты думал — дам тебе припасть
К вину, чье имя в мире страсть?

Но как же быть мне, сам реши.
Я вырос в ласковой тиши,
И первая моя любовь
Мне приказала: «Славословь!»

И славлю, славлю я с тех пор.
Из славы миру тку убор.
Я птичка-славка. Ты не знал?
Мой дух велик, хоть путь мой мал.

Я славлю мудраго Отца,
И тайный, добрый свет лица.
И ныне снова возвестил
Расцвет всех душ и свет всех сил.

ОСНОВА

1

Желанна Духу крепкая основа.
В доспехах тяжких — легкий витязь ум.
Лишь взяв размерный груз в глубокий трюм.
Корабль — владыка бешенства морского.

Нужна для таинств мощная дуброва,
Друиды в ней не праздный слышат шум.
Когда в пустыне яростный самум,
Верблюд и тюк — оплот и верность крова.

В незрячих днях иди к громадам гор,
И ты поймешь, устав алкать святыни,
Что для величья нужны нам твердыни.

Но только зовом правды честен спор.
Стремленье — жизнь, от века и доныне.
Острийным взбегом ввысь красив собор.

2

Острийным взбегом ввысь красив собор,
Его кресту, от Солнца дань привета,
Первее всех — мерцание рассвета,
В том сердце с Миром тайный договор.

Для храма — высь. Так было с древних пор.
Так будет впредь. От перваго завета
До песни, что мечтой еще не спета.
В том духу знак и в том душе убор.

Все выше, выше. Светлая отвага.
Всегда идти за дальнюю черту.
Высок, — узнай иную высоту.

Но не забудь: Верна земная тяга.
И знай, стремя к воздушному свой взор: —
Начало храма — каменный упор.

3

Начало храма — каменный упор,
И как бы в мире быть могло иначе?
Лишь в твердом обойму мои задачи,
Лишь в нем преоборю земной мой сор.

Дай мрамор мне. Из кедров дай мне бор.
И храм — мой дом. А пал он, — в горьком плаче
Прильну к стене последней наипаче,
К былой святыне проскользну как вор.

И буду биться, буду верить снова,
Под ликом разным, вечно — человек,
Индус ли, Русский, Эллин ли, Ацтек, —

Что Бог мой — Бог, и больше нет другого.
До Моря — ход всех многоводных рек.
Пред взрывом слов — вначале было Слово.

4

Пред взрывом слов — вначале было Слово,
Везде, во всем, согласное, одно.
Еще не различались высь и дно,
Еще в небесном не было земного.

Весь мир — блаженство брачнаго алькова,
Несчетность солнц и звезд — к звену звено.
Воспламененье, бег, веретено,
Безмерный гуд напева волевого.

Во всем, что небом стали звать потом,
Распространялось рдяное цветенье,
Из пламени горячие растенья.

Цветы из молний. Лепестковый гром.
И, вещий, я, испив вина живого,
Люблю разбег богатства травяного.

5

Люблю разбег богатства травяного,
Мне желтые и красные цветы
Суть тайнопись древнейшей темноты,
Пронзенной властью огненнаго зова.

От розы и от ландыша лесного
Доходит весть той цельной красоты,
Где в Вечном — Он, и мир, и я, и ты,
Где каждое мгновение медово.

Жужжанье пчел — Его доселе хор,
Начальность жизни в жаворонка влита,
О Нем шуршит приречная ракита.

Когда пою, веду с Ним разговор.
Гроза и вихрь — безсмертная мне свита,
Святая степь — душевный мой простор.

6

Святая степь — душевный мой простор,
С звенящими, как греза, ковылями,
С волнистым ветром, веющим стеблями,
Берущим их в мгновенный перебор.

Бегу тех мест, где каждый шаг — забор.
Не медлю ни в людской, ни в волчьей яме.
Я в вольном, голубом, округлом храме,
Где все цвета сплелись в один ковер.

Благодарю Всемирное Горенье,
Мне давшее негаснущую цель.
Я мысль. Я страсть. Я жизнь. Я взлет. Свирель.

Я — Божья правда радостнаго пенья.
А степь пройду, — найду иной простор,
Пою леса, поля, лазурь озер.

7

Пою леса, поля, лазурь озер,
Весенний взмет обильных рек в разливе,
Цвет золота разбросанный по иве,
Зеленовейных рощ резной узор.

Бросок челна, весь ткацкий стан, хитер.
Под гуд времен, все ярче, прихотливей,
Снуется нить. Так ветер в конской гриве,
В нее вплетясь, являет свой задор.

Звенят подковы сказочнаго кова.
Чей молот был? Какой ковач ковал.
Оаннес? Один? Озирис? Ваал?

Гремучий Индра? Ярый Иегова?
Кто б ни был, но хранит в себе закал
Все старое, что сердцу вечно ново.

8

Все старое, что сердцу вечно ново,
Таит в себе приметы, семена.
Есть существа — во тьме морского дна,
Окраска их — багряна и багрова.

Ты хочешь ли таинственнаго лова?
Расслышать речь, в которой глубина?
Желай. Желанье — звонкая струна.
Пласты густые хотью взрой сурово.

Спусти свой лот в глубокий водоем.
Нетронутые выбери пределы.
Узнаешь то, что знают все, кто смелы.

Есть свиток дней, и мы его найдем.
Но надо знать, — чтоб смысл увидеть целый,
Который час на берегу морском.

9

Который час на берегу морском?
Когда пришла минута разлученья
Огня, земли и воднаго теченья,
И бывший друг стихийным стал врагом?

Не все возьмешь считающим умом.
Но есть неизъяснимое внушенье,
И ряд зеркал, и повесть отраженья
В провидческой душе, объятой сном.

Когда еще в младенческой кровати
Лежит пророк, что вымолвит слова,
Которыми Вселенная жива, —

Над ним существ нездешних реют рати
И шепчут, как столистная листва,
Который час на звездном циферблате.

10

Который час на звездном циферблате, —
Узнал, в свой миг, Сиддартха, Лаотзэ,
Все те, что нас ведут в ночной грозе,
Через моря, пустыни, топи, гати.

Владычица созвучий, Сарасвати,
Сверкни в мой стих, как светит луч в лозе,
Как небо задержалось в бирюзе,
Как сумеречный час заснул в агате.

Дозволь мне, в начертаньи золотом,
Ты, мудрая на царственном павлине,
Сгустить все грозы в ткущейся былине.

Глядит ли Вечность в молнийный излом?
Прошел ли Бог по звуковой картине?
Как мне узнать? Мгновение — мой дом.

11

Как мне узнать? Мгновение — мой дом.
Но одного мгновенья было надо,
Чтоб на кресте — разбойника — из ада —
Взнести туда, где Светлый Сын с Отцом.

В одно мгновенье венчан царь венцом.
В единый миг сгущенная прохлада
Чернейших туч зажечь огниво рада,
И вот он, пламень с огненным лицом.

Скажите мне, всеведущие птицы,
Кто вас учил — крылом овеять мир?
Кто строит семицветный мост как пир?

Не слезы ли отшедшей огневицы?
Возьми свой свет, и заступ свой, и лом.
Есть златозернь. Земной расторгни ком.

12

Есть златозернь. Земной расторгни ком.
Мы можем иссекать движеньем волн
Живой восторг из самой острой боли.
Магнитом мысли к тайнам дух влеком.

Красиво быть в себе и быть в другом.
Горячий кубок ходит в синем поле,
И будем пить мы золото, доколе
Нечеловек засветится в людском.

Не скорбь, не страх мне слышится в набате.
На крыльях вихревых он мчит меня
На торжество творящаго огня.

Мы в Смерти — не в разлуке, а в возврате.
Всходя и нисходя, плывя, звеня,
Хоти, — и причастишься благодати.

13

Хоти, — и причастишься благодати.
Играя самоцветом огонька,
Дрожала капля в ковшике листка,
Мечтая о луче, о жарком брате.

Всплыла с другими дымкой в белом плате
И знала путь скитание, пока
Вся облачно-разливная река
Не засверкала в громовом раскате.

В твердыне тучи пламенный был взлом.
Из капель — грозовое откровенье,
Из искры страсти — ста народов рденье.
Уступы гор должны дружить с орлом.

Из семени — безмерное растенье.
Из сгустков дымки — молния и гром.

14

Из сгустков дымки — молния и гром.
Из вещества — вся роскошь созиданий,
От камня и руды до нежных тканей,
Что мысль-паук тончайшим ткет шатром.

Не скажет сказ, не описать пером,
Как соразмерна мудрость в ткацком стане,
Пробег заколдований в талисмане,
Бесплотный свет сгущается ядром.

Чолн, — поперек грядущаго покрова, —
Крученьем соблюдая должный срок,
По вдольным нитям мысли — ткет уток.

Костяк одет и ткань златолилова.
Зубчаты бёрда. Зевом шел челнок.
Желанна Духу крепкая основа.

15

Желанна Духу — крепкая основа.
Острийным взбегом ввысь красив собор.
Начало храма — каменный упор.
Пред взрывом слов — вначале было Слово.

Люблю разбег богатства травяного,
Святая степь — душевный мой простор.
Пою леса, поля, лазурь озер,
Все старое, что сердцу вечно ново.

Который год на берегу морском?
Который час на звездном циферблате?
Чтó знаю я? Мгновение — мой дом.

Есть златозернь. Земной расторгни ком,
Хоти, — и причастишься благодати.
Из сгустков дымки — молния и гром.

ГИМНЫ, ПЕСНИ,
И ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХ

В великих просторах мировых морей, в Океане, обтекающем Землю, в зеленых, и синих, и серых, и жемчужно-опальных, и слегка голубых пространствах Воды, от одного предела до другого, много есть разных стран, островов, зовущихся частями света, и островов, что зовутся острова, и во всех этих странах по-разному светит Солнце, в иных узорах предстают звезды, и разные растут деревья и цветы, но жизнь различностей одним воззвана была Солнцем, великий один закон управляет несоизмеримыми движеньями, путями Вещества, и везде жаждущий взгляд устремляется к Солнцу, Дневному Солнцу или Ночному, и повсюду цветут цветы, даже в расщелинах утесов или между камней умерших храмов, даже из снега глядят они своими голубыми глазами, а когда Воздух скован слишком сильным Морозом, самый снег обращается в цветы. И как знать, что красивее, горячие ли кактусы под Африканским Солнцем, или звездные кристаллы Норвежских снегов и льдов, белоснежные холодные цветы, возросшие в лунные ночи, под шепот и руны слепых провидцев.

От Океана, зовущегося Льдяным, с его свистящими ветрами, до теплых замкнутых средиземных морей, и от великих громад Тихого Океана, бьющегося о золотую Калифорнию, до голубой Атлантики, задернувшей синею занавесью Город Золотых Ворот, и высокую Башню Солнца, и Город Лика Взнесенного, возникают острова созерцания и действенности, расцвечаются кипучею жизнью береговые полосы Земли, живут яркой жизнью внутренние страны, быть может, любящие Море еще больше, в силу внутренней тоски по Морю, живут обособленной своей жизнью дни и века, тысячелетия и целые ряды тысячелетий, а умрут, — умереть все-таки не могут, ибо, что раз горело, то уже светит всегда, отраженным, преображенным, рассеянным светом, разбросанным, как бывают

разбросаны ветром и птицами семена низинных растений, попадающие на Эверест и Чимборасо, и как от цветка к далекому цветку разбросана цветочная зиждительная пыль звенящими пчелами, позлатившими себя поцелуем с цветком, и как бывают разбросаны жесткою рукою неживые семена по продольным бороздам, чтобы смерть превратилась в жизнь, и чтобы черные глыбы стали веселящим глаз изумрудом, и поздней шелестящею сказкою золота. Побыть мечтой на всех мировых полях, и ото всех вернуться обогащенным; — помедлить над голубым и желтым Нилом, в этой единственной долине, не знающей дождей, но изукрашенной голубыми и розовыми лотосами, любящими влагу, насмотреться вдоволь на красавца растений, стройный папирус, столь же священный в своей ритуальной взнесенности, как ритуально-священны все изваянья Богов и Богинь Египта, и все очертанья и краски Египетской живописи; — унестись к тропическим лесам Майи и Мексики, где звучат птицы-флейты, и лакомятся пылью цветов быстрые колибри, находящиеся в вечном движении, прислушаться к ропотам древних Космогоний, нарвать там стеблей маиса, и много-много сорвать волнующих чаш орхидейных, меж белого майского цвета, и красно-лиловых гроздий растенья, чье имя есть огненный куст: — побыть в древней Индии, между первичных поэтов, сказавших, что семь есть чарований у Агни, семь языков у Огня; — горной свежестью подышать в пределах Ирана, и запомнить полные мужественной прелести благоговейные напевы Заратустры; — уверовать с Халдеями в Семь Страшных Демонов, и снизойти с Истар в Преисподнюю; — воронов Одина увидеть, и песню орлов услыхать, которые пели Сигурду; — ржаных и пшеничных колосьев нарвать в красивой Польше и печальной Литве; — родного Перуна послушать, и вместе с Ярилой влюбиться в Богиню-Громовницу; — перекинуться к новым дням, к нашим дням, похожим на белые ночи, к нашим чарам и к нашим раденьям, городским, запоздалым, полночным и комнатным; — всюду увидеть-услышать голос мига и данного места в существенной их единичности, а, расслышав, напевно, в стихах ли текучих, или в прозаической срывчатой речи, воссоздать услышанное, — вот сложная радость и многосложная задача художника, чья душа многогранна и чья впечатлительность по морскому многообразна, — задача, зовущая многих художников к творческой работе многих лет.

Поэт слышит дальние шепоты, подземные голоса, и зовы времен отшедших. Он — как те чада Солнца и дети Луны, бронзово-вылитые красно-цветные, которые, приникая ухом к земле, слышат не только далекие шумы, но и далекие шорохи. Он — как горное эхо, которое схватывает прозвучавший голос, и в перепевах бросает его

из пещеры в пещеру. Горное эхо не весь ухватит прозвучавший голос, но то, что будет ухвачено, оживет в перекличке волнующим призывом, и будет иметь свое очарование, особую прелесть свою, чару капризного горного эха, которое воссоздает-то не все, а лишь то, что ему приглянется, но эти отдельные звуки и отзвуки раздаются зато с особенной четкостью. И река, отразившая звездное Небо и ветви плакучей ивы, не может быть Небом и ивой, пребудет рекой убегающей, но отражение Неба и звезд и ветвей не имют ли также собственной чары, и не радостно ли тем, кто не может видеть Небо, увидать его отраженным в зеркале.

Мы, Русские поэты текущих дней, — а только в России существует сейчас кипенье настоящего творчества, — создадим великую звездность в области Русского Поэтического Слова, и наши творчески-литературные переживания будут страницами в книге, чье имя — художественность мысли, чьи имена — искание жемчуга, возженье светильников, воссозданье забытого, исторганье из темных глубин, скрытых в них, тайных кладов.

Между нами не будет соперничества, а лишь состязанье искателей, соревнование целой дружины, где каждый отдельный есть зоркий ловец жемчугов. У каждого есть своя ухватка и своя особенность. Я, говорящий, сроднился издавна с замыслами древних Космогоний, и с двумя современными слитными Гениями — с Испанией, что есть сад горячих гвоздик, и с Англией, что есть остров в свеченьи морей. Поэт стального стиха, Валерий Брюсов, лелеет в душе бранные клики всех веков, и близок чрезвычайно к Латинскому Гению времен Рима-Миродержца и к нежно-ядовитому Парижу наших дней, окутанному изумрудами предвечерней дымки, Пасечник Русской Речи, Вячеслав Иванов, владеет, как никто, постижением Древне-Эллинского мира и облачно-лесными состояниями Русского Стиха. Сологуб есть истинный угадчик Дьявола, и услышит его всюду, где он заговорит. Тонкий живописец настроений природы, Бунин знает голоса степных пространств. Балтрушайтис не тщетно родился в Литве, где полевые розы обрызганы слезами. И Блок, занесенный снегом, умеет, стряхнувши снежные звездочки, войти в детскую, где гномик остановил часы горя на часе и минуте радости. Минский и Мережковский, Бенуа и Бакст, Зелинский и Батюшков, Волошин и Городецкий, целый ряд писателей, поэтов и художников, уже сказавших свое слово и только что выступающих с лезвием слова, сливаются ныне в одном великом замысле — свить цветочную гирлянду красоты и знания. Я не пересчитываю всех имен. И еще другие придут, другие, другие, освященные творческим даром — уменьем знать счастье и испытывать боль. Мы создадим Певучую Дружину. Она уже есть.

Вот, мы собрались на ночной равнине. Срывные скалы кругом, запутанность гор. Но мы знаем, что есть священная игра — из рук в руки передавать заповедный светильник, от факела к факелу, ждущему света, перебрасывать быструю искру. Скорее — рука к руке, и от края до края. Бросим и тут и там, по ночным окраинам, алые гроздья огня.

И зажжем на высотах костры.

К. Бальмонт

13 февраля 1908
Долина Берез

Давно уж с Поэтами я говорю.
Иных чужеземных садов.
Жемчужины млеют в ответ янтарю.
Я сказкой созвучной воздушно горю
Под золотом их облаков.

И вижу я алые их лепестки.
В душе возникает рубин.
Звенят колокольчики возле реки,
И в сердце так много красивой тоски.
Я чувствую. Мрак — властелин.

Но Агни, о, Агни сильнее всего.
Я сам изошел из Огня.
И близок я Солнцу с лучами его,
И лучше сияния нет ничего.
И звезды ласкают меня.

Я с ними, я всюду, где греза поет,
Я всюду, где дышет душа.
Мне блески зажглись, отступили, и вот,
Где были, сплелись там цветы в хороводе.
Как жизнь меж цветов хороша!

К. Бальмонт

1905. Москва
Золотой Сентябрь

От Солнца до Солнца иду я,
От Ночи до Ночи я жду.
Внимая, тоскуя, ликуя,
В душе засвечаю звезду.

Мне Сириус дал златоцветность.
Мечту он увлек за собой.
И, в сердце лелея ответность,
Увидел я Нил Голубой.

Большую Медведицу зная,
К цветам неизведанных мест
Ушел я, и мгла голубая
Мне Южный означила Крест.

Дорогою душ устремляясь.
Я Млечным Путем проходил.
И мысль, серебрясь, расцвечаясь.
Златых прикоснулась светил.

Цветы небосводные были
Так ярки в своей высоте,
Что блески цветочной той пыли,
Остались как гроздья в мечте.

От Солнца до Звезд и до Солнца,
От Солнца до Звезд и Луны,
Румяность и рдяность червонца,
Опально-сребристые сны.

И, если я снова в тумане,
И дымность в сияния лью, —
Я все ж, и в туманной Бретани,
Багряное Солнце пою.

К. Бальмонт

1906. Финистер. Примель
Лето.
1908. Фландрия. Беркендаль
Убыль Зимы.

ЕГИПЕТ

ПРЕДСТАНИЕ ПРЕД ЛИКОМ ДНЯ

ГИМН К РА, КОГДА ОН ВОСХОДИТ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НЕБА

(Гимн к солнцу)

Почитанье тебе и хвала,
Тебе, что пришел как Хепера, создатель Богов,
Чтобы в свет обратилася мгла,
В века из веков,
Меж тем как ладья
Восходящего Солнца плывет по морям Бытия.
Ты восходишь, сияешь, и свет твой течет,
Озаряешь бессмертную мать свою Нёт,
Изначальную влажность, источник всего, что живет,
И мать твоя, руки вздымая свои,
Приветствует Бога в своем бытии.
Ману, вершина, куда на закат
Солнце уйдет, как лучи догорят,
Тебя принимая, светла.
И богиня Маат,
Что в делах Мирозданья была,
Обнимает тебя по зарям,
По зарям, по утрам-вечерам.
Да дозволит блистательный Ра, чтобы взор
Весь увидел вселенский убор,

Чтоб двойник как живая душа
Увидал Геру-кхути, двойной кругозор.
Чтобы, вольно дыша,
Он увидел весь свет,
Ману, Запад-гору, и гору Бакхатэт,
Весь простор мировой, что так в зорях широк.
Самый крайний Закат, самый крайний Восток.
Придите, и Ра да восхвалим, Владыку небесных пространств,
Он Вождь, он Здоровье, он Сила, он Жизнь в огнеблеске
убранств.
И те, что живут на высотах, и те, что в глубинах низин,
Тебя почитают, Лучистый, просторов и дней Властелин.
Бог Тот, что есть Слово и Мудрость, с супругой своею Маат,
На каждый твой день начертали твой путь меж воздушных
громад.
Твой недруг в огонь был низринут, Сэбау, злокозненный
змей.
Срубив ему ноги, ты руки втеснил в узловатость цепей.
Исчадья бессильного бунта не встанут уже никогда.
Храм Солнца, храм в Городе Солнца, поет, — и пылает Вода.
Все Боги ликуют, увидев, что встал и возносится Ра.
Что блеском объяты все реки, долина, равнина, гора.
Величество Бога Святого идет и уходит вперед,
До самой вершинности Ману лучистый свой путь доведет.
Да славится, светлый в рожденьи, и светлый в закатности, Ра,
Всегда он победно доходит до места, где был он вчера.

Будь в мире со мной,
Властитель, не кинь меня в сумрачном зле,
Дай сполна мне упиться твоей красотой,
Да свершаю свой путь на Земле,
Да сражу я того, кто весь мир обратил бы в вертеп,
Змеедемон Сэбау да будет сражен,
Да падет с темной свитою он,
И в свой час — и зловещий Апеп,
Змей, чей вид — воплощенный уклон.
В надлежащее время да вижу священную рыбу, Абту,
И священная рыбина Ант да ведет меня в тихий затон,
Эти две, что на склонах ладьи отразили свою красоту.

Да увижу, что Горус в ладье — рулевой,
И что Тот и Маат — близко, вместе со мной.
Прикоснуться к вечернему дай челноку,
И дозволь моему двойнику
Видеть Солнце и Лунного Бога, всегда, каждый день,
без конца,
И дозволь, чтоб душе было можно блуждать,
Не отвращая лица
Ни от какой стороны, и чтоб имя мое как печать
Закрепилось в таблице деяний моих,
Меж стихов звучный стих,
Да войду я в ладью лучезарного Солнца, струящего свет,
В день, как Бог в путь пойдет,
Да приду в свой черед
Пред лицо Озириса, в страну светлоликих побед.

ИСПОВЕДЬ ОТРИЦАЮЩАЯСЯ

Нэбсэни, писец, что писал,
На суд, с ликованьем, сказал:
1. Тебе, чьи широки шаги, кто приходит из города Анну,
Из города Солнца, — привет! Пред тобою ли быть мне
обманну!
2. Тебе, кто пришел от Мемфиса, тебе, кто в объятьях
Огня, —
Привет! Я не делал неправды, нет в этом перста на меня.
3. Тебе, кто пришел из Хеменну, над коим властитель есть
Тот, —
Привет! Не свершал я насилья, не втиснул другого
под гнет.
4. Тебе, кем снедаемы тени, чей путь — от источников
Нила, —
Привет! Я не крал, похищенья вот эта рука не свершила.
5. Тебе, что пришел из Рэстау, от тайн и от страхов могил, —
Привет! Ни жены я, ни мужа рукою своей не убил.
6. Тебе, Бог Вчера и Сегодня, Лев с Неба, Бог-Лев, Лев
Двойной, —
Привет! Четверик не был легким соделан обманчиво
мной.

7. Тебе, чьи глаза искрометны, тебе, кто пришел
из Сэхэма, —
Привет! Не вводил я в обманы, для лжи сердце чистое —
немо.
8. Тебе, воплощенное Пламя, тебе, что уйдешь,
как пришел, —
Привет! Надлежащего Богу к вещам я своим не причел.
9. Тебе, Сокрушитель костей, что приходишь
из Сутэн-Хенена, —
Привет! Я не лгал никогда, неведома сердцу измена.
10. Тебе, чье воленье велит, чтоб огонь, раз зажегся, возрос,
Был ярче, — привет! О, ни разу я пищи чужой не унес.
11. Тебе, что пришел из Аменти, с закатных пришел
берегов, —
Привет! Я во лжи неповинен, облыжных не ведаю слов.
12. Тебе, чьи блистательны зубы, тебе, кто пришел
из Та-ши, —
Привет! Ни за кем я не гнался, живой я не мучил души.
13. Тебе, что питаешься кровью, тебе, что из бойни
пришел, —
Привет! Я животных, что Божьи, не трогал, своими
не счел.
14. Тебе, что съедаешь утробы, тебе, что пришел из Мабет, —
Привет! Не свершал я пронырства, дурной не измыслил
совет.
15. Тебе, Бог Закона и Правды, из града Маати двойной, —
Привет! Не топтал я те земли, где плуг проходил
бороздой.
16. Тебе, что приходишь назад, чья из города Баста дорога, —
Привет! Я не спутывал дел, и я не измыслил подлога.
17. Тебе, что зовешься Аати, и из Анну приходишь сюда, —
Привет! Рот мой не был берлогой, в котором другому —
беда.
18. Тебе, кто приходит из Ати, и есть во двоякости злой, —
Привет! Без причины я гневу владеть не дозволил собой.
19. Тебе, что приходишь из бойни, о, змей Уаменти, —
привет!
Я в жизни жены человека не бросил марающий след.
20. Тебе, что несомое видишь, чей в Амсу есть храм
красоты, —
Привет! Не свершил ничего я, что против моей чистоты.

21. Тебе, Повелитель высоких, чей город есть Град
Сикоморы, —
Привет! Не пугал я, и страхом не делал я мутными взоры.
22. Тебе, истребительный Хэми, что с озера Кави пришел, —
Привет! Я в священные сроки не ввел никакой произвол.
23. Тебе, чье господство — над речью, тебе, что пришел
из Урита, —
Привет! Не ввергался я в ярость, не пенилось сердце
сердито.
24. Тебе, о, Дитя, что приходишь от озера-света Гек-ат, —
Привет! Не закрыл я для правды ни слух мой,
ни видящий взгляд.
25. Тебе, устрояющий речи в размерности четкой узора, —
Привет! Подстрекателем не был, и мной не возлюблена
ссора.
26. Тебе, что из Тайного Града, — привет! Я в веселье не внес
Печали, и не был причиной тоскующе-брызнувших слез.
27. Тебе, что пришел из Жилища, с лицом, обращенным
вослед, —
Привет! Нечистот не свершал я, с мужчиною не был
раздет.
28. Тебе, со стопою горящей, тебе, чей пылающий путь, —
Привет! Я не съел свое сердце и гневом не сжег свою
грудь.
29. Тебе, о, Кенэмти, который из града пришел Кенэмет, —
Привет! Я не ткал заблуждений, и тьмой не опутывал
свет.
30. Тебе, что из града Саиса приходишь, приявши даянья, —
Привет! Не свершал я насилья, не вызвал насильем
стенанья.
31. Тебе, что за лицами смотришь, тебе, что из града
Чефет, —
Привет! Не судил я поспешно, раз властью судьи был
одет.
32. Тебе, кто приходит из Унта, тебе, кем даруется знанье, —
Привет! Я не ведаю мести, на Бога не поднял восстанья.
33. Тебе, Двоерогий Властитель, чья мощь, в соответствии,
двурога, —
Привет! Не умножил я речи, и слов не сказал слишком
много.

34. Тебе, Нэфэр-Тэм, что приходишь из града святынь
Гэт-ка-Пта, —
Привет! Не повинен я в кознях, во мне не сплелась
темнота.
35. Тебе, что зовешься Тэм-Сэном, и держишь из Татту свой
путь, —
Привет! Не случалось — вот этим — устам Фараона
клянуть.
36. Тебе, у которого сердце в работе, из града Тэбти, —
Привет! Я не взмучивал воду, встречая ее на пути.
37. Тебе, водный Аги, что путь свой из Ну направляешь, —
привет!
Не делал я голос надменным, ни резким, давая ответ.
38. Тебе, что даешь человекам для каждого мига — веленья, —
Привет! Не построил я в сердце уюта для богохуленья.
39. Тебе, Озерной, что приходишь с затона Нефера, —
привет!
В своем поведеньи я не был ни в грубость, ни в наглость
одет.
40. Тебе, Нэгэб-кав, что приходишь из града, который есть
твой, —
Привет! Не искал я тщеславно быть изысканным
пышной хвалой.
41. Тебе, чьи глаза суть священны, — привет! Я не ждал
умноженья
Богатств вне законных пределов, за труд нам дающих
владенья.
42. Тебе, что пришел из Авкерта, из мглы Преисподней, —
привет!
Я Бога родного не презрил, ни в днях, ни в сплетенности
лет.

О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Да сохранится мне имя мое,
В Великом Доме.
Да не покинет меня.
Потонув в забвеньи и в дрем,
Да помню я имя мое,

В Доме Огня,
В ночь летосчисленья,
И приведенья в размерность числа
Месяцев, — в ночь говоренья,
Сколько их есть, и какая толпа их была.
Да не сузится память моя,
Ныне с Божественным я,
В части Неба восточной.
Если какой-нибудь Бог
Ко мне подойдет в час урочный,
Да во мне не задержится радостный вздох.
И в памяти точной
Да тотчас я имя его найду,
Да имя его вознесу, как звезду.

О ПРЕБЫВАНЬИ МЕЖ ВЕЛИКИХ БОГОВ

Я сижу меж великих Богов.
Путь к Великому Дому сам себе я нашел.
И летучка крылатая, что зовут — богомол,
Проводила меня вплоть до сих берегов,
Где, в Аменти, я вижу великих Богов,
Я гляжу с ликованьем на них,
Как вокруг излучается их красота,
И не страшно мне их,
Ибо в сердце моем чистота.

О ПРЕВРАЩЕНЬИ В ЗМЕЮ САТУ

Домохранитель хранителя печати,
Ну, торжествуя, сказал:
    Я Сата змея, чьи годы суть многи,
    Каждый день умираю и рождаюся я,
    Я Сата змея, что умрет на пороге
    Отдаленном Земли. Так, я Сата змея.
    Каждый день — умерев — вновь рождаюся я,
    Каждый день я опять молода,
    Через смерть — возрождаюсь всегда,
    Я в круге возврата

Свежий миг бытия.
Я Сата, я Сата,
Я Сата змея.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ПТИЦУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Я Бенну, птица возрожденья,
Возник я — как священный жук,
Как Бог Хепера, что свершает свой
восполняющийся круг.
Возрос я — как растут растенья.
Как черепаха — свой наряд
Надел, и засветил свой взгляд.
Во мне, в зерне, есть каждый Бог.
Я есмь Вчера — их, четырех
Пространных мировых частей,
Я есмь Вчера — и их сплетенья,
Семи свивающихся змей,
Уреев, змиев, узел чей
Есть Фараонов украшенье,
И чье в Аменти есть рожденье,
В стране скончанья, захожденья.
Я с днем пришел, я вольный вздох.
И мне ли быть печальну, пленну?
Мой пух — как снег, я птица Бенну,
Я свет воздушный, лунный Бог.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В КРОКОДИЛА

Рыба мощная Кемура,
Я священный крокодил.
Я гляжу, мерцая хмуро,
Мною, в числах, полон Нил.
Пребываю окруженный
Мглою страхов, и к врагам
Устремляюсь разъяренный,
Знает то — гиппопотам.
Как схвачу зубами всеми.

Кровь — что пурпур над волной.
Храм мой — в городе Сэхэме,
Там лежат предо мной.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ЛОТОС

Я чистый лотос,
Я, светлый, вышел
Из блеска Ра.
Его дыханьем
Я был воздвигнут,
И вот — пора.
Я чистый лотос,
Искал, где Горус,
Свершил весь путь.
Взошел на Поле,
Я чистый лотос.
Дохнуть, блеснуть!

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ЛАСТОЧКУ

Домохранитель хранителя печати,
Ну, торжествуя, сказал:
Ласточка я, ласточка я,
Я Скорпион, дочь Ра.
Привет вам, Боги, что, нежность струя,
Дышите! Слышите, песнь вам моя!
Ласточка я.
Привет тебе, Пламя, чьи очи горят!
Привет тебе, тот, кем так зорится град.
Руку свою протяни,
Да смогу провести мои дни
В лучезарном затоне Двойного Огня,
И вперед пропусти с благовестьем меня,
Ибо есть у меня слова,
И ими жива
Надежда моя.
Хочу сказать то, что видел я.
Горус — владыка в ладье золотой,
В Солнечной лодке над светлой водой.

Озирис ему передал трон,
А Сэт,
Сын Нёт,
Осужден,
Яркий свет
Живет,
В том закон.
Да смогу я пройти.
И войти,
Без помех на великом пути.
Я вхожу, я судим,
Там, где души идут.
Грех? Расстался я с ним.
Зло? Прошло. Кончен суд.
Вам божественность чья
Сторожит этот вход, —
Песнь моя!
Вот и я
Здесь — как вы. Заглянуть
Дайте дальше мне, дальше в Дворец Бытия.
Днем я шел,
Я прошел
Полный путь.
Я поспел,
Овладел
Я собой
Перед Богом Зари Огневой.
Хоть в могиле вся тленность моя,
Победил я врагов. Где Змея?
Ибо ласточка, ласточка я.

ГИМН ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Отшедший сказал:
Хвала тебе, Ра, хвала тебе, Тэм, светило ночное
В пути лучезарном твоем.
Ты взошел, и игра твоей силы над днем,
И вечернее море твое золотое.
Так красивы, пред тем как огнистая мгла.
На черте горизонта, в Аменти, в покое,

На вершинностях Ману, тебя обоймет,
Так красивы, что сердце в восторге поет:
О, хвала тебе, Ра! О, хвала! О, хвала!
Богиня твоя, с змеиным убором,
С сияющим взором,
Богиня твоя — за тобой,
Богиня твоя с сияющим взором,
С змеиным убором,
Богиня твоя — за тобой.
Море один огнеблещущий пир.
Мир тебе, мир!
Мир тебе, мир!
Ты сливаешься с Оком всезрящим, —
Соколиный Горуса Глаз, —
Ты скрываешься в месте спящем,
Там проводишь свой тайный час.
И зиждительный Горуса Глаз
Дает тебе новую силу,
К амулету кладет на тебя амулет,
Ты живешь, теневую оставив могилу, —
Вот он, свет!
Ты плывешь в Небесах, и Земля — на устое,
Ты в верховное Небо, в лазоревый скат,
Уплываешь, Светильник, жерло золотое,
Два край-образа блесками Солнцу кадят,
Златоликого славят Восток и Закат,
День за днем,
И великие Боги Аменти сияют,
Упиваясь небесным огнем,
Сокровенности — чтут тебя, древности силу твою
охраняют,
Божества горизонтов двух разных сторон
На Закатной черте и на грани Восточной,
В час урочный,
Через весь тебя мчат голубой Небосклон.
Души в бледном Аменти кричат тебе: Сила,
Жизнь, Здоровье! Хвала Огнеблеску! Хвала! —
Мать Изида, что любит и вечно любила,
Обнимает лучистого сына, светла.
Ты встаешь, ты — живой, в дымно-темном портале,

Твой отец две руки простирает во мгле,
Поднимает тебя, ты в текучем опале,
Ты горишь, ты глядишь, Божество на Земле.
Ты не спишь при заходе, в нагорностях Ману.
Благосклонно ко мне, о, Горящий, склонись,
Да овеян твоим огнесветом предстану
Пред владыкой владык, тем, кто есть Озирис.
О, блистательный в ужасах, страхом овитый,
К горизонту Аменти склонившийся взор.
Не покинь меня в страхах, мой Бог Златолитый,
В Преисподней, меж пеплов, багряный костер!

МЕКСИКА

ВОСКЛИКНОВЕНЬЯ БОГОВ И БОГИНЬ

1. ПЕСНЬ ВИЦТЛИПОХТЛИ

Я Вицтлипохтли, Боец.
Нет никого, как я,
Я исторгатель сердец.
Желтоцветна одежда моя,
Из перьев цвета Огня,
Ибо Солнце взошло чрез меня.

Я Вицтлипохтли, Боец.
Как колибри, пронзаю даль.
На мне изумрудный венец,
Из перьев птицы Кветцаль,
Венец травяного Огня,
Ибо Солнце взошло чрез меня.

Человек из облачных стран
Кровавость узнал чрез Бойца,
Алость цветистых ран
На бледности хладной лица.
Отнял я ноги ему,
Человеку, что любит тьму.

Среди людей Тлаксотлан
Бросает он перья-пожар,
Бросает он зарево ран,

Боец, чей меток удар.
Войну Победитель людей
Несет меж порханий огней.

Бог людей Тлаксотлан
Страхом наполнил сердца,
Пыль встает, как туман
Крутится волей Бойца.
Крутится пыль столбом,
Дымом встает с огнем.

Наши враги Амантлан,
Собери их, сбери их сюда,
Увидит их вражеский стан,
Как близок к ним враг и беда.
Собери их скорее в их дом,
Чтоб там осветить их огнем.

Наши враги Пипитлан,
Собери здесь скорее их всех,
Будет им праздник дан,
Радость бранных утех.
Собери их скорее, сбери,
Свет увидят огнистой зари.

Нет никого, как я,
Я, Вицтлипохтли, Боец.
Желтоцветна одежда моя,
На мне изумрудный венец,
Цвет колибри, лесов и Огня,
Ибо Солнце взошло чрез меня.

2. ПЕСНЬ СО-ЩИТОМ-РОЖДЕННОГО И ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМНЫХ ЛЮДЕЙ

Со щитом он от девы рожден,
Вождь, чьи сильны полки,
Был выношен девою он,
Чьи удары — с левой руки.
Утренний храм мела,

Не знала, что будет с ней,
Не ведала, как зачала,
И стала Царицей людей.

С Неба, чей свод высок, —
Как луч из-за вышних скал, —
Из перьев блестящих клубок
В девичье лоно упал.

С копьем, со щитом был рожден
Боец, чьи движенья легки,
Был выношен девою он,
Кто так меток с левой руки.

На нее, Коатликуэ,
Устремился вражеский клич,
Но в огненной он змее
Обрел оскорбителям бич.

Четыреста Южных он
Низверг словно воды рек,
Встал за деву, кто девой рожден,
На горе Коуатепек.

Когда он раскрасил щит,
И краски явил лица,
Был грозен цветистый вид,
Победительный вид Бойца.

И тешился в бранной игре,
Кто за мать свою деву встал.
Врагов на Змеиной Горе
Как камни он всех разметал.

3. ПЕСНЬ ЖЕЛТОЛИКОГО

(Бог Огня)

В Тцоммолько, в пылающем храме Огня,
Отвергну ли жертву во имя меня?

Жрецы, удержу ли ее,
Что возникла во имя мое?

Во храме литавры стенания шлют,
Из раковин рог, и свирели поют,
И маска за маской идет,
Ряды нарядилися — вот.

И Тцоммолько — там слышно, что песнь
началась,
В Тцоммолько певучий означился час.
Чего ж не приходят они?
Чего ж не усилят огни?

В Тцоммолько мне жертва должна быть дана,
От жертв человеческих воля сильна.
Уж Солнце над миром взошло,
Пусть кровь изольется светло.

В Тцоммолько уж песня коснулась конца.
Без всяких усилий достиг он венца.
Немного пришлось ему ждать,
Ворожит его благодать.

О, малая, ты, чей туманен дворец,
Но кто огневзорный готовит венец,
Да будет увенчан тобой
Бог желтый и бог голубой.

4. ПЕСНЬ ОБЛАЧНЫХ ЗМЕЙ

(Бог Севера, Бог Охоты)

Из Семи Пещер он возник,
Из Семи тайников теней.
Явил быстроглазый свой лик
В стране Колючих Стеблей.
Из Семи изошел он Пещер,
Чей глубинен туманный размер,
Из Семи изошел он Пещер.

Я сошел, я сошел,
У меня копье с шипом,
Из стеблей колючих сплел
Я копье с острием.
Я сошел, я сошел.

Я сошел, я сошел.
А со мною сеть,
Я ее искусно сплел.
Будет кто-то в сети млеть.
Я сошел, я сошел,

Я хватаю, я схватил,
Я хватаю, я беру.
Из Семи пришел Могил,
И хватаюсь за игру.
Я хватаю, я схватил.

5. ПЕСНЬ БОГИНИ ЗЕМЛИ

Орлица, орлица, раскрашена кровью змеиной,
Могучая птица, с короной из перьев орлиной.
Густой кипарис, для Чальмекского края охрана,
Проворный Олень, копьеносица Койоакана.
Маис перед ней — как раскинутый стан.
Рокочущий с ней барабан.

Колючку агавы, колючку агавы держу я,
Колючку агавы держу наготове, ликуя,
На Божеском поле, вот здесь, для работы со мною
Ударная палка, трещетка и палка с метлою.
Маис предо мной — как раскинутый стан,
Гремящий со мной барабан.

Тринадцать Орлов — прозывается Мать Человеков,
Тринадцать Орлов — боевая богиня Чальмеков,
Из стебля с шипами копье приготовлено мною.
Задыбились перья, я вся приготовилась к бою.
Олень отточил и наметил рога.
Он ждет появленья врага.

Забрезжилось утро, приказ боевой отдала я,
Забрезжилось утро, заря заалелась живая,
Пусть пленных сюда привлачат мне, как жертве
на служенье,
По целому краю пожаром пройдет разрушенье.
Орлиные перья — убранство мое,
На битву, я славлю ее.

6. ПЕСНЬ БОГИНИ РОЖДЕНИЙ

Перед Богинею, в томленьи,
В ее Божественном владеньи,
На черепаховом сиденьи
Беременная родила.

Перед Богиней, в устремленьи,
В ее возвышенном владеньи,
На черепаховом сиденьи
Она ребенку жизнь дала.

Выйди, выйди, торопись,
Выйди, милое дитя,
Светом ранним засветись,
Будь как перышко, блестя,
Нежным жемчугом зажгись
Глянь, как звездочка светя,
Выйди, выйди, торопись.
Торопись, торопись.

7. ПЕСНЬ БОГА ЦВЕТОВ

Где пляшут, танцуют, поет там Кветцалькокскокстли.
Расцветная птица ликует, лучи снизошли.
Бог Маиса в ответ
Шлет певучей привет.

Огнистая птица поет и трепещут листки,
Лучистые пляшут, как бы огоньки, мотыльки.
Цвет алый разлит,
Бог Маиса горит.

Бог Сумерек песню мою всю расслышит сполна,
И Богу Земли эта звучная песня слышна.
Бог Маиса поет,
Звук сияющий льет.

Айао, айао, айао! Звук песни моей.
Внемлите, айао, внемлите, о, Боги Дождей.
Бог Маиса цветной
Ныне хочет домой.

Айао, айао, айао! Приди же в свой срок,
Айао, Бог Влаги, приди же, будь ближе, Тлалок.
Бог Маиса цветной
Ныне хочет домой.

Под звуки паденья, под звонкое пенье дождей,
Пришел Бог Маиса к скрещенью великих путей.
Куда мне теперь промелькнуть?
Какой же я выберу путь?

Айао, айао, айао! Скажи мне, Тлалок.
Домой ухожу я, айао, брось в капле намек.
Бог Маиса, уйдя,
Выйдет к брызгам дождя.

8. ПЕСНЬ БОГИНИ МАИСА

Богиня Семи Изумрудных Змей,
Богиня Семи Зернистых Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.
Ибо ты, наша мать, в свой уходишь дом,
В Тлалокан, где все скрыто дождем,
Возвращайся, мы ждем.

Воротись, Семизмейная, к радостям дней,
Пробудись, наша Матерь Семи Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.
Ибо вот ты уходишь — пока прощай —
В Тлалокан, в свой родимый край,
Снова к нам, поспешай.

9. ПЕСНЬ БОГИНИ ЦВЕТОВ И ЛЮБВИ

Из страны дождей, тумана,
Из страны Тамоанчана.
    Я, Ксочикветцаль,
    Роза-изумруд,
    Я, Ксочикветцаль,
    Прихожу сюда,
    Там цвету и тут,
    Искрюсь, как звезда,
    И светлеет даль.
Прихожу я и гляжу,
Вновь на Запад ухожу,
В царство красного тумана,
И дождей Тамоанчана,
На великую межу.

Плачет нежный Ксочинили,
Бог агав, и трав, и лилий.
    Где Ксочикветцаль,
    Роза-изумруд?
    Где Ксочикветцаль?
    Там, где мощный ствол,
    Где цветы ростут, —
    Кровью изошел,
    Где горит печаль,
В мир гниения и тьмы
Ухожу по края зимы,
Бог Цветов и Царь Расцвета
Поманит меня на лето,
Выйдем к травам вместе мы.

10. ПЕСНЬ БОГА ПУЛЬКЕ

(Бог Пьянящего Сока Агав)

В Койоакане, где дышет внушенье
Смутного страха и в страхе — почтенья,
Обрел себе родину Царь,
Обрел он ее еще встарь.

Бог во дворце Теңкатцонко, мы знаем,
Жаждущим свежий был Бог раздаваем.
Тут с шепотом плакал Огонь:
Не надо, шептал он, не тронь.

Бог во дворце Аксаляко, мы знаем,
Жаждущим свежий был Бог раздаваем,
Шептал тут и плакал Огонь:
Не надо, не надо, не тронь.

11. ПЕСНЬ БОГА ЗЕМЛИ

О, Ночной Испиватель
Освежительной пульке, той крови созревших агав,
Свой покров золотой, надевай же скорей, Замедлятель.
Дождь пошли нам для трав.

Брызжет влага живая,
Словно птица Кветцаль, изумрудом горит кипарис,
И зеленою стала змея, что была золотая,
Да сияет Маис.

Драгоценных камений
Целый ток. Чу! Напев. Это юный Маис шелестит.
Может быть, я уйду, я под землю уйду для забвений.
Так приму новый вид.

Чальчивитлю подобны,
Изумруду подобны теперь — мое сердце, мой сон.
Но я в золото там наряжусь, кину сумрак загробный
Вождь несчетных рожден.

Дай, Властитель, избыток,
Ибо стебли Маиса глядят на высокий твой склон.
Буду счастлив, когда я налью тебе свежий напиток.
Бог Дружин, ты рожден.

12. ПЕСНЬ БОГА ОБНОВЛЕННЫХ ПОЛЕЙ

Цветок, мое сердце, раскрылся,
Властелин полночной поры.

Лик Матери нашей явился,
Царицы любовной игры.

Йоалле, оайя, овайя,
Йянтата, айяв, тилили.

Бог Маиса — в Чертоге Рожденья,
Происхожденный Дом,
Он в месте, где травам — цветенье.
Он в дне, что отмечен цветком.

Йянтата, айяо, айяве,
Оайяве, айяв, тилили.

Бог Маиса родился — где реки
Алой дымки и свежих дождей,
Где детей создают человеки,
Ловят рыб-драгоценных-камней.

Ийяо, йянталя, йянтанта,
Айяо, айяв, тилили.

Заря уж на розовой воле,
Вот, краски блеснут на листах,
И души, те птицы-Квечоли,
Вкушать будут мед на цветах.

Йяеталя, йянтата, айяо,
Оайяве, айяв, тилили.

Изумруды Кветцалякоатля,
Цветоносного Бога Ветров,
Змеестебли Кветцалякоатля,
Краски, павшие вниз с облаков.

Йянталя, йянтанта, айяо,
Айяо, айяв, тилити.

Что за радость — деревья в расцвете,
Там души блаженных поют,

Квечоли в невянущем лете,
Их стрелы ничьи не убьют.

Приношу я цветы расписные,
Златые Маиса цветы,
И белые, снежно-живые,
Оттуда, где дышут листы.

Танцуем, танцуем, танцуем,
Закрутился цветной хоровод,
Если в пляске мы с пеньем ликуем,
Бог Камней Драгоценных сойдет.

Несет он цветы молодые,
В край закатности, Тамоанчан,
И перья на нем — золотые
И вокруг него алый туман.

Заглянем, — о, сердце боится! —
Бог Маиса пришел или нет.
Бирюза мне в запястиях снится,
И в серьгах бирюзовый расцвет.

Он грезит, он в грезе, глядите,
Он в дреме, он спящий, он спит.
Какие цветистые нити,
Как тихо Маис шелестит!

13. ПЕСНЬ БОГА МУЗЫКИ И ИГРЫ

Я оттуда, где сломанный ствол
Алой кровью своей изошел,
Я из места, где дышут цветы,
Властелин багрянца, темноты.

И оттуда ж праматерь моя,
От закатного дня бытия,
Я жрец огневых облаков,
Мне имя есть Пять Цветков.

Вицтлипохтли, Гонитель знамен,
С ним Дразнитель двух вражьих сторон
Ныне Богу Маиса должны
Дать отчет о причинах войны.

На горе Микскоатль для меня
Уж готовятся брызги огня,
Пробуравлю я путь для него,
Чтобы пел он свое торжество.

Я в два круглые зеркала бью,
Создаю так напевность мою,
И зеркальная песня моя
Вся из бронзы — в ней воля и я.

МАЙЯ

НАЧЕРТАНИЯ ЦАРИЦЫ МАЙЕВ

(Паленке)

1. ЦАРИЦА МАЙСКАЯ

Лезвием орудия Ваятель
Высечет чашу там,
Чашу, да,
Урну-Луну иссечет, Лунного Года.
Будет она как бы лунной преградой.
Круглою дверью в тайник,
Да защитит лезвием себя сердце,
Она,
Урна-Луна,
Будет основой малым камням, сочетанным
в узорность,
Камешкам, яйцам птиц.
Тонкое высечет там острие
Голову,
Нежно украшенную
Жемчугом, нитью жемчужин, нанизанных
Против глядящего глаза.
Где разобью я забвенье,
Памяти дав оплот, —
Ибо ваяет он, как говорят,
Изгибы, в которых забвенье забыто, —
Раскрою я Книгу Святых Начертаний,
Мудрости Книгу и Знанья.

О, зачаруют они, обольстят,
Очертанья моей головы яйцевидной,
Околдуют пленившийся взгляд!
Да, лезвие инструмента поведает
Знанье Священных Письмен.
Камень оно иссечет.
Тайную силу свою
Явит оно,
Сокровенную, —
Там!

2. ГОЛОВА И РУКА

Но, возглашая сущность ваяния, —
Власть опьянять, зацеплять, уловлять,
Подобно тому, как крюк
Ловца жемчугов
Уцепляет, срывает жемчужную раковину,
В которой скрыта услада шеи, забава руки, —
О самой основе ваяний, о их существе,
О причине могущества их —
Я говорю.
Часть лица маленькой девочки,
Основой ваяния,
Я хочу.
Голову, как изваяние,
Голову милую, нежную,
С застенчивой, трепетной прелестью детства, —
Я хочу.
С головой, чуть склоненной изгибами шеи,
Я хочу — волоса.
Я хочу, чтоб рука, прикасаясь,
Отделив, удлинняла
Прядь волос.
Руку с кистью руки —
Я хочу.
Чтоб рука, зацепляя, утягивала
Голову, словно ее заставляя вернуться.
Это — хочу.
И хоть знак, возвещающий и, столь жалко извит.

Точно согнутый тростник,
По краям с жемчугами,
Этот изгиб —
Я хочу.
Я хочу, чтобы этот тростник перегнутый, с жемчужинами,
Был изваян с моим изваяньем, вошел в мой лик,
Был пред взором моих очей,
На вершине лица моего.
Между тем как хочу, чтобы лик мой
Дал мне власть опьяняющую —
Недобрую власть, быть может?
Причину слез, кто знает? —
Лик маленькой девочки, нежной,
Изваянный —
Я хочу.
Руку Царицы, созданную,
Чтоб носить жемчуга,
Голову девочки нежной, застенчивой,
Чья прелесть стыдливая
Напоминает детство народа — ловца жемчугов,
Причину и тайнооснову могущества наших ваяний
Я возглашаю —
Здесь.

НАЧЕРТАНЬЯ МАЙСКОГО ВАЯТЕЛЯ. СЛОВО О СЛОВЕ

(Коршун и смерть)

Вспенился круговорот шипений,
Смерть отошла,
И с ней горделивый шершень жужжащий,
Комар, что трезвонит и жалит.
Но бессилен обидеть, не властен прожечь, обесславить.
Навсегда он вне веденья тайны Священных Письмен,
Вне уловленья сокровенного смысла
Ликов воленья Луны,
Что причинно рождает
Отдаленный гул Океана,
Вне понимания знамений

Океана, чей гул опьянит, околдует грядущие дали,
Вне познанья величия лика
Современно-древнего помысла.
Да не промолвит язык его
Древнее слово Минувшего,
Здесь сокрытый глагол: —

Луна влияет властью сокровенной, —
Влиянием таинственным и сильным
На рокот отдаленный Океана.
Вот почему явил я лик ее
Здесь в раковине-урне иссеченной.
Ее явленье в лике Новолунья
Чрез 20 воплощается и 20,
Дней и минут. Вот почему легко
Я ряд свой нахожу, свой месяц полный
С его двадцатидневьем круговым.

На Юг он ушел, птицеликий.
Пусть как крот взрывает там землю,
Пусть округляется, обогащается,
Если клюв его место свое будет знать.
Это случилось назад тому 3, 5 и 7,
И еще 9, 5 и 1,
То есть 15 месяцев.

Никогда Птичий Клюв, никогда
Не овладеет наукой,
Искусством Священных Письмен.
Эти камешки там, голыши,
Вот этот метательный камень,
Который кладут в пращу,
Эти наложенные,
Сочетанные камни-гроздья,
Ожерелье таящихся знаков,
Священный срыв,
Неосторожному — пропасть.
Да не рассеет он путы.
Да спутает смысл,
Не озаривши их сеть изъясненьем.

Да извратит он пути толкованья,
И эти камешки станут когтями: —
Здесь вот — ударится он,
Дальше — оступится.
Речь эта — узел;
Слово — изгибно;
Оно, извиваясь, выводит свод:
Гору дробит,
Крошит ее в мелкие камешки;
Расходится в разных извилинах;
Оно уходит, оно возвращается;
Оно преломляется;
Свито, скручено, сжато;
Четкое, резвое, тонко-перистое;
Нераздельное, сплоченное;
Устремленное в беге, округлое;
Врата, что легко пройти,
И упор каменистой пустыни;
Эта речь ускользает, жеманная,
Она — искривленье гримасы;
Она — вся привет, веселящая;
Горькая вкусом, крепит;
Сладкая, миротворит;
Свеже-холодная; жгучая, жжет, сожигает;
Небесно-лазурная, водная;
Тихая, тишь, глубина;
Смелая, смело-красивая;
Меткострельность глаголющих уст, копье.
Она — боязливая лань,
Проворный олень лесной;
Куропатка полей, что бежит;
Голубка, что пьет и пьянится ручьями,
Волнистой одеждой земли;
Пасть пумы, что встала.
Нависла вот тут;
Пустыня безводная;
Ливень внезапный,
Который идет уменьшаясь;
Хрупкая чаша из глины,
Едва — из горнила, падает, в крошки рассыпалась;

Тыква, ведро, водоем;
Свежий колодезь — жаждущему;
Колющий лист, лист приютно-тенистый;
Гвоздочек, что держит, удерживает;
Повторная белость зубов, что созвучно дробят, растирают;
Развилистость вил; перекладина, дерево казни;
Забота, ларец сберегающей памяти;
Кладовая лелейного сердца;
Голова и нога, верх и низ — это слово;
Что начинает, и то, что кончает;
От разрушенья оно отвращается,
Тленья уходит,
Здесь завершает свое нисхожденье.
Древняя эта речь,
Сокровенная,
Целомудренная,
Вовеки Царица-Царевна.
Эти малые, круглые камни прибрежные,
Здесь — шумы морские глаголящие.
Там — в завершенной безгласности;
Плещут здесь, там — молчат;
Они — Бездна, Волна без конца;
Потопление неосторожному,
Будь он крылья! Прилив! Берегись!

ПЕРУ

ГИМН К СОЛНЦУ

Песнь хоровая

Инки

Душа Вселенной, о, ты, что сверху,
Не остывая и не скудея,
Волной бессменной струишь сиянье,
И греешь Землю, наш мир лелея,
Прими, о, Солнце, в рожденьи дней
Хвалы и пенье твоих детей.

Жрец

О, Царь, чей вышний трон на огненной черте,
Кем светел Небосклон, кто вечен в красоте,
Кто так воздушно-юн в лазурной высоте!

Когда в сединах мглы, и в золотой пыли,
Ты глянешь, — тьмы завес бледнеют, и ушли,
Ты красота Небес, и ты любовь Земли.

Что сделалось с толпой сияющих огней,
Что светят бахромой на черноте ночей,
Их погасил один из всех твоих лучей.

Когда бы на ночь ты — не уводил свой свет,
То был бы звездный прах так пламенем одет,
Что было б в Небесах — как будто звезд там нет.

Девушки

Услада Мира! Лик красивый!
Всепобедитель вышины!
Как быть должны они счастливы,
Твои супруги, в час, как сны
У них растают от касаний
Твоих живых очарований.

Твое присутствие — пожар,
Подруги Светлого — румяны.
В беседке Ночи, полной чар,
Отдернут полог снов багряный,
И первый твой увидев взгляд,
Все в мире пропасти горят.

О, как должна была Природа
Светиться в тот единый час,
Когда на круге Небосвода
Ты загорелось в первый раз!
Воспоминание об этом
В ней каждый день встает, со светом.

О, каждый день, когда с зарей.
Ты торжествуешь праздник алый,
Проходит дрожь над всей Землей.
Горят рубины и опалы.
Как будто дочь ждала отца
И дождалась — с огнем лица!

Жрец

Душа Всемирности! Без яркости твоей,
В замену пирности, мир был бы мир теней,
Была бы мертвою раскинутость морей.
Не будь тебя, Земля была бы вязкий ил,
Безмерный Океан свинец бы тяжкий лил,
Эфир бы стал туман, весь Воздух — мгла могил.

В Стихии ты проник, прильнул как губы к ним,
И твой увидя лик, стал Воздух подвижным,
Волна — певучею, весь Шар Земли — живым.

В миг стало все душой, как пар — расплылся мрак,
Туманность мглы ночной как алый стала мак,
Стихии в четверной вступили светлый брак.

Огонь волне поет и ей целует грудь,
Волна как пар встает и в Воздух держит путь,
А Воздух, разомлев, к Земле спешит прильнуть.

Земля чреватет, приявши семена,
Дает плоды любовь, спит в Осени Весна,
Всемирность вновь и вновь тобою зажжена.

Инки

Душа Вселенной! О, Солнце! Пламень!
Красот создатель — один ли ты?
Иль довременной какой причины
Ты только вестник нам с высоты?

Коль послушаешь своей лишь воле,
Прими признанья от всех сердец.
Коль исполняешь закон верховный,
В тебе да слышит и нас — Творец.

Домчи лучистость обетов наших,
Молений утра в начальный час!
Лучи — твой голос, ему ты скажешь, —
Ты — самый яркий, ты — он для нас!

Народ

Душа Вселенной! Отец отцов!
Властитель властных! Огонь вождей!
Свети нам, Солнце, века веков!
Злати, о, Солнце, своих детей!

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ

О, Царевна,
Брат твой нежный
Твою урну
Проломил.

Потому-то
Так гремит он
В блеске молний
В высоте.
Ты ж, Царевна,
Ты уходишь,
И из урны
Дождь струишь.
А порою,
Град бросаешь,
Устремляешь
Белый снег.
Потому-то,
Зодчий Мира
Сохраняет
Жизнь тебе.
Потому-то,
Мир творящий,
Дух безмерный —
Жив в тебе.

ОТРЫВОК ИЗ «ОЛЛЯНТАЙ»

(Перуанская драма времен Инков)

ТУЙЯ

Песня

На поле Царевны,
О, Туйя,
Есть строгости гневны,
О, Туйя.
Маиса златого,
О, Туйя,
Блюдут там сурово,
О, Туйя.
Колосья зернисты,
О, Туйя,
И зерна душисты,
О, Туйя.

Зовут спозаранка,
О, Туйя,
Но есть там приманка,
О, Туйя.
Маис утоляет,
О, Туйя,
Но клей прилепляет,
О, Туйя.
И ногти сломлю я,
О, Туйя,
Тебя ж изловлю я,
О, Туйя.
Чтоб быть не мятежным,
О, Туйя,
Поймавши быть нежным,
О, Туйя.
Вон ястреб убитый,
О, Туйя,
Он к ветке прибитый,
О, Туйя.
Где перья, зеницы,
О, Туйя?
Где сердце той птицы,
О, Туйя?
Он был четвертован,
О, Туйя,
Был здесь околдован,
О, Туйя.
Близь этого поля,
О, Туйя,
Для всех эта доля,
О, Туйя.

ДВЕ ПТИЧКИ

Песня

(«ОЛЛЯНТАЙ»)

Вот две птички, дружны,
Отчего же так печальны?

Оттого что дали снежны,
Ветки мерзлы и хрустальны.
Так на ветке обнаженной
Неуютно, холодно им,
Он сказал тогда, влюбленный:
«Есть же области со зноем!
Полечу и отыщу я.
Подожди меня, подруга».
День и ночь ждала, тоскуя.
Ночь и день. Лишь воет вьюга
И подруга начинает
Песню ласки и печали:
«Где ты? кто об этом знает?
Может, реки? Может, дали?
Реки льдяные безмолвны,
Дали скрыты мглою вьюжной.
Где твой голос, неги полный?
Где твой зов-напев жемчужный?»
Сорвалась, тоскует, ищет,
На шипы летит, не видя.
А свирепый ветер свищет,
И рычит в глухой обиде.
«Где ты? сердце ужаснулось!»
Птичка тщетно вопрошает.
Вот споткнулась, пошатнулась,
Вот упала, умирает.

КОНИРАЙЯ

Перуанская легенда

Конирайя, Создатель вещей,
С золотыми кудрями,
С голубым сияньем очей,
Как нищий любил проходить меж людей,
Весь в лохмотьях, знакомился с бранью, с пинками.
Ковиллака была, красота,
Весеннего легче листа,
Он влюбился в нее, в чаровницу.
Он из семечка вылепил плод,

И в весеннем саду превратился он в птицу,
Прилепил его к древу плодовому, ждет.
Вот пришла Ковиллака. Как нежно-зелёно
Все в саду. Села к древу. И ждет.
А чего? Вдруг под птицей срывается плод.
На девичье падает лоно.
Взяла она, съела. Округлость светла
Плода золотого.
И вот красота зачала, понесла,
И вот родила. Как все странно и ново!
Тринадцать сменилося лун. Это — год.
Дитя так красиво, так в смехе жемчужно,
Все Боги сбираются. Выяснить нужно,
Кому же отцовская тяга падет.
Весь люд созывается, те, кто богаты,
И те, кто красивы, и те, кто горбаты,
И старцы и юноши сбились гурьбой,
И даже пришел Конирайя с толпой,
Весь грязный, в лохмотьях. Никто из громады
Отцом не признал себя. Значит, пускай
Ребенок к толпе обратит свои взгляды,
И сыщет отца. Ну, дитя, выбирай.
Ребенок сейчас, не явив колебаний,
Подполз к Конирайе, прижался к ногам.
Смутясь, Ковиллака, средь горьких стенаний,
Бежала. Но вдруг, по седым облакам
Потоки сияний возникли — вон там,
И тут на земле. Это в алом тумане
Открылося Солнце, в одеждах златых.
Дитя превратилося в тучку. К пределам
Небесным ушло. Ковиллака же — белым
Явилася камнем меж злаков густых.
Тот камень — красивый. Но мертв он и тих.

ХАЛДЕЯ

АККАДИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Семеро, они рождаются там в горах Запада;
Семеро, они вырастают в горах Востока;
Они сидят на престолах в глубинах Земли;
Они заставляют свой голос греметь на высотах Земли;
Они раскинулись станом в безмерном пространстве
Небес и Земли;
Доброго имени нет у них в Небе, ни на Земле.
Семь, они поднимаются между Западных гор;
Семь, они ложатся в горах Востока, для сна.
Семеро их! Семеро их!
Семеро их в глубочайших тьмах Океана,
В сокрытых вертепах.
Они не мужчины, не женщины,
Они простираются, тянутся, подобно сетям.
Жен у них нет, и они не рождают детей;
Благоговенья не знают они, благотворенья не знают;
Молитв не слышут они, нет слуха у них к мольбам.
Гады возникшие между гор,
Владыки великого Эа.
На больших проезжих дорогах,
Препоной вставая, ложатся они на пути.
Враги! Враги!
Семеро их! Семеро их! Семеро их!
Дух Небес, ты закляни их!
Дух Земли, ты закляни их!
Они — день скорби, они — вредоносные ветры;

Они — злополучный день, истребительный вихрь, который идет перед ним;
Они — порождение мщенья, чада, исчадия мести;
Они — глашатаи страшной Чумы;
Они — орудия гнева Нинкгал;
Они — пылающий смерч, который свирепо бесчинствует;
Они — семь Богов безызмерного Неба;
Они — семь Богов безызмерной Земли;
Они — семь Богов огненных областей;
Семь Богов, семь их число;
Они — семь зловредных Богов;
Они — семь гениев Ужаса;
Они — семь злых привидений Пламени;
Семь в Небо, семь на Земле;
Злой Демон, Злой Дух, Злой Алал, Злой Гигим, Злой Тэлал, Злой Бог, Злой Максим.
Дух Небес, закляни их!
Дух Земли, закляни их!
Дух Ниндара, сын Небес огневых, закляни их!
Дух Сугус, владычицы стран, что ночью горят, закляни их!

АССИРИЯ

ПСАЛОМ АССИРИЙСКИХ ЦАРЕЙ

С жертвой стоящему,
Владыке Ассура,
Боги Ассирии
Да ниспошлют благосклонно,
Ему и народу его,
Великому царству Ассура,
Дела справедливости,
Радости сердца,
Реченья оракула.
Далекие дни,
Вечные годы,
Сильное оружие,
Долгую жизнь,
Многие дни почестей,
Господство над всеми царями,
Ниспошлите царю.
Дайте владыке,
Здесь ныне стоящему,
Пред своими богами.
Бог, ниспошли
Царству его
Жителей многих,
Увеличь, умножь их число.
Да окончит он жизнь хорошо,
Да правит царями,
Да владеет он царством народов,

Да достигнет преклонного возраста.
В свершение этих желаний,
Да воздвигнется холм серебра,
Да стоят высоко алтари,
Да будут навек благосклонны
К великому царству Ассура
Могучие боги Ассирии.

КЛИНОПИСЬ ДЕЯНИЙ

1
САРГОН

Саргон, волей правящий Бэла,
Жрец Ассура,
Возлюбленный Ану и Бэла,
Царь мощный. Царь воинств,
Царь Ассирии,
Царь четырех четвертей,
Любимец великих Богов,
Законный пастух,
Кого предызбрали Ассур с Мирри-Дуггой,
И имя кого есть воззвание к большим деяниям,
Могучий свершитель, бесстрашный,
Опоясанный ужасом.
Который, дабы ниспровергнуть врага,
Руки свои устремляет вперед,
Воитель достойный,
Для которого с первого дня воцарения, —
Враг-состязатель,
Завоеватель,
Или, какой-либо царь супротивник —
Не возник,
Он, Саргон,
Кто от восхода Солнца,
И до заката Солнца,
Все страны завоевал,
И в царстве Бэла был царь.

2

НЭБУКАДНЭЦАР ВТОРОЙ

Издревле,
От старинных дней,
До воцарения
Царя Вавилона,
Чье имя — Набуполассар,
Что был мой отец, мой родитель.
Цари до меня,
Которые многи были,
И которых верховный Бог,
По именам их, на царство призвал.
В городах, что им дороги были,
Созидали дворцы,
Пребыванье свое устанавливали,
Владенья свои
Нагромождали
Там.
С той поры, как меня
Мирри-Дугга создал на царство,
И Набу, сын его верный,
Мне доверил свои владенья, —
Как лелею я жизнь мою,
Так любил я их яркий образ,
Вавилон и Борсиппу воздвиг я,
С ним рядом не создал красивых других
городов.
В Вавилоне, который люблю,
В граде моих услад,
Основанье дворца заложил я,
Дом этот диво людей.
Наслоив кирпичи к кирпичам
И скрепивши их горной смолой,
Я вознес его ввысь, как гору.
Кедры для кровли его,
Могучие, распространил.
Двери из кедра,
В рамах из меди,
Пороги и ручки дверные из меди,
Установил!

Серебро, золото,
Драгоценные камни.
Все, что было ценного, пышного,
Имущества, сонмы владений,
Блеск восходящий
Нагромоздил.
Могучие клады,
Сокровища царские,
В лучистость единую
Соединил.

3
АССУРНАЗИРПАЛ

В царство мое, при начале,
В первый мой год, как Самаш, Судья Мира,
Благосклонно простер на меня
Свое покровительство,
И со славой меня посадил
На престол моего царения,
И скипетр, что правит народами,
В руки мои поместил,
Я собрал повозки мои и войска,
И дорогами трудными,
Через горы крутые,
Что для прохожденья повозок и войск
Приготовлены не были,
Я поход совершил,
И в край Нумми пришел.
Укрепленный их город Либи.
И города,
Сурру, Абуку, Аруру, Аруби,
Что находятся в крае Аруни и в крае Этине,
Города укрепленные,
Захватил.
Силы их, в числах,
Избил.
Их добычу, имущество их,
И скот их,
Взял, угнал.

Воины их спаслись,
И заняли гору крутую,
Гора чрезвычайно была крута,
И за ними я не пошел.
Вершина горы вздымалась,
Как поднятый вверх острием
Железный кинжал,
И ни птица небесная,
Что летит и летает,
Не достигла ее.
Как коршун гнездо свое,
На горе укрепили они
Твердыню свою, оплот,
Куда ни один из отцов моих,
Ни один из царей не проник.
В три дня
Воитель на гору победно
Взошел,
Стойкое сердце его
Торопило на бой,
Ногами своими
Он взошел,
Опрокинул он гору вниз,
Он гнездо их разрушил,
Их толпу раздробил.
Две сотни людей боевых
Избил я мечом,
То что добыли они, —
Добыча тяжелая, —
Пошло предо мной как стадо овец,
Их кровью окрасил я горы,
Как алую шерсть.
Их города я разрушил,
Ниспроверг,
Сжег огнем.

4
МОЛИТВА НЭБУКАДНЭЦАРА ВТОРОГО К МИРРИ-ДУГГ ПРИ ВОСШЕСТВИИ ЕГО НА ПРЕСТОЛ

Без тебя, о, Владыка, что было бы
С царем, что ты любишь,
И чье имя воззвал?
Как тебе показалось угодным,
Ты выпрямил имя его.
Путь прямой ты ему даровал.
Я царь, что тебе повинуется,
Созданье твоей руки.
Ты мой создатель,
И верховенство над множествами,
Над великими тьмами людей,
Ты даровал — мне.
Сообразно с твоим милосердием,
Которого ты, владыка,
Простер над ними над всеми,
Наклони к состраданию
Твою вознесенную власть,
И страх божества твоего
В сердце моем укрепи.
Даруй мне то, что сочтешь для меня благим.

ИНДИЯ

ВЕДИЙСКИЕ ГИМНЫ

1. ИЗНАЧАЛЬНОСТЬ

В том изначальном не существовали
Ни Что-нибудь, ни темное Ничто.
Лазури светлой не было, ни кровли
Широко распростершихся Небес.
Что покрывало все? И где приют был?
Была ли там бездонность? Глубь Воды?
Там не было ни Смерти, ни Бессмертья,
Меж Днем и Ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало без дыхания везде.
Все было Тьмой, все покрывал сначала
Глубокий мрак, был Океан без света.
Единая пустынность без границ.
Зародыш, сокровенностью объятый,
Из внутреннего пламени возник.
Любовь тогда первее всех восстала
В Сознании, из силы сменной.
В свои сердца глубоко заглянувшим,
Открылось мудрым, что в Небытии
Есть Бытия родство. И протянули
Они косую длинную межу.
Там был ли Низ? Там был ли Верх? Там были
Даятели семян, там были Силы.
Внизу самодержавность Бытия,

Вверху протяжность мощная Пространства.
Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда Мир, откуда он явился?
Тех далей и Богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот Мир?
Откуда же Вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, Всезрящий,
Все видящий с небесной высоты.
Иль, может быть, и Он того не знает?

2. ГИМНЫ К АГНИ

Гимн первый

Я восхваляю Агни, божественного.
Свершителя жертвы,
Величайшего между даятелей светлых богатств.
Агни, который достоин быть восхваляемым
Древними Риши и новыми,
Да приведет он сюда Богов.
Да получит чрез Агни молящийся
Богатство и изо дня в день благоденствие.
Лучи, благодать.
Агни, какую бы жертву, какое бы благоговение
Ни окружил ты со всех сторон,
Они дойдут до Богов.
Агни, исполненный мыслей,
Верный и с именем самым блестящим,
С Богами приди к нам, Бог.
Что бы ты твоему почитающему
Ни захотел свершить доброго,
Агни, оно свершено.
Мы к тебе приближаемся день изо дня,
Агни, пресветлый во мраке,
Мы приходим с молитвой к тебе.
Ты царь всех молитв, почитаний,
Ты хранитель сияющих мыслей,
Возрастающий в доме своем.

Пребудь же, о, Агни, доступным для верных.
Пребудь как отец для своих сыновей.
Дай счастье.

Гимн второй

Мы избираем Агни вестником нашим.
Всевладетеля, Агни, восклицателя жертвы,
Чья высшая мудрость светла.
Агни и Агни в воззваньях воскликнется,
Владыка племен, освящающий жертвы,
Любимый во многих сердцах.
Агни, возникнув, Богов к нам приводит.
На душистые травы, на травы Бархиса,
Досточтимый воззватель и жрец.
Пробуди их к желаниям добрым, о, вестник наш,
И с Богами воссядь на душистые травы,
Агни, готов вам Бархис.
О, ты, для кого возлиянья излиты,
Блистательно-яркий, гори против злого,
О, Агни, сжигай колдунов.
От Агни — путь к Агни, огонь зажигается,
Мудрец возникает, хозяин и юный,
Молитель, в ком жертвенный дух.
Восхвалимте Агни, чье мудрое слово
Достоверно, когда мы приносим здесь жертву,
Хваленья тому, кто сжигает недуг.
Будь к нам благосклонным, о, Агни, при жертве,
Будь милостив к нам, очиститель, тебя мы
Зовем к пированьям Богов.
О, Агни, ты наш огневой очиститель,
Лучистый, Богов ты с собою приводишь,
И жертву святишь.

Гимн третий

Достодолжно зажженный, о, Агни,
Привлеки к нам Богов, к человеку, богатому в жертвах.
И сверши, очиститель, обряд.
Сын самого себя, нашу жертву
Сделай богатою медом и ныне Богам предложи ее,

О, мудрец, пусть пируют они.
Я возглашаю при этой жертве к возлюбленному,
К медоточивому изготовителю жертвенных яств,
Агни, будь возвеличен.
Привлеки к нам Богов сюда,
В колеснице подвижной и легкой,
О, лучисто-сияющий Агни.
Рассейте, разумные люди, в достодолжном порядке
Стебли жертвенных трав, с брызгами масла.
На них лик бессмертия зрим.
Да будут открыты врата божественные,
Чтоб сегодня мы жертву свершили,
Я зову к приношению жертвы красивых Богинь.
Ночь и Зарю призываю,
В их красивых уборах,
Чтоб могли преклониться они на стебли жертвенных трав,
Двух этих дивных взывателей,
Мудрых и сладкоречивых,
Я зову, да помогут нам.
Ила, Питающая, Сарасвати, Глаголющая, Маги, Великая, три,
Нам дающие радость Богини,
Изменить неспособные, сядут на стебли жертвенных трав.
Я зову сюда главного, всех упреждающего, Вселикого Тваштри,
Неземного Художника, дивного Плотника,
Да будет единый он наш.
О, древо, пусть жертва к Богам путь свой держит,
О, Бог, эти яства Богам мы приносим,
Да будет в сияньях даятель блестящ.

Гимн четвертый

Облекись в свой лучистый покров, Бог жертвы, Бог светлый,
Владыка какой бы то ни было силы,
И сверши этот подвиг для нас.
Сядь здесь, самый юный Бог, желанный наш Жертвовзыватель,
Сквозь молитвенность помыслов наших, о, Агни,
С словом своим дойди до Небес.
Если жертву приносит отец, достоверно
От него благодать устремляется к сыну,

От друга свет к другу идет.
Варуна, Митра и Арийя
Да воссядут торжественно-пышно
На стебли жертвенных трав.
О, древний Взыватель,
Будь милостив к дружеству нашему,
И эти мольбы услышь.
Ибо где бы когда бы кому бы из всех Богов
Ни приносили мы жертву,
Через тебя ей путь.
Да будет он дорог нам, Владыка племени, радость дающий,
Избранник, да будем ему мы дороги,
В трепетаньи благого Огня.
Боги, — когда ими добрый владеет Огонь, обладает Агни, —
Радость жизни давали нам светлую,
И вами владеет, нам кажется, Агни благой.
Да будут меж нами хваленья взаимные, о, Бессмертный,
бессмертных и смертных,
Со всеми огнями, о, Агни, Сын Силы, о, Юный,
Прими эту жертву и нашу мольбу услышь!

3. ГИМН К АГНИ И К МАРУТАМ

Я умоляю Агни,
Его, благословенного,
Милостивца я прошу с преклоненьями,
Да пребудет он здесь,
И да примет все то, что мы сделали.
Я являюсь как будто на быстрых конях,
Да смогу, обратившись направо,
Свершить этот гимн Марутам.
Вы, что приблизились
На блестящих своих скакунах,
На колесницах легких,
Рудры, Маруты,
Из боязни пред вами, о, страшные,
Даже леса наклоняются,
Земля дрожит,
И трепещут туманные горы.
При возгласах ваших,
Даже туманные горы растут, расширяются, в страхе

И взнесенности Неба дрожат.
Когда вы играете вместе, Маруты.
Вооруженные копьями,
Вы вместе бежите, как воды.
Как толпа богатых искателей,
Маруты тела свои
В золотые одели покровы,
Златыми украсив себя украшеньями.
Как братья, где нет ни старших, ни младших,
Возросли они вместе для счастия.
Юн Рудра, их мудрый отец,
Преизбытком исполнена Пришни, их мать,
К Марутам благая всегда.
О, Маруты счастливые,
В высочайшем ли Небе вы,
Иль в срединном, иль в низшем.
Оттуда, о, Рудры, а также, о, Агни, и ты,
Преклоните свой взор
К возлиянию нашему.
Когда Агни и вы, о, Маруты богатые,
С высокого Неба стремительно мчитесь
над высями вниз,
Дайте, коль это угодно вам,
Вы, ревуны, истребители вражеских сил,
Богатство тому, кто вам жертву приносит.
Сомы готовится сок.
Агни, испей с огневыми Марутами
Сомы, отведай ее,
Вместе с певцами Марутами,
Что близятся светлой толпою,
С теми, что все, озаряя, живят.
Сверши это, Агни, молю тебя,
Ты, который всегда озарен.

4. ГИМНЫ К МАРУТАМ

Гимн первый

Да будет ваш путь блистательным.
О, Маруты, о, Боги Грозы!
Благие Даятели,

Вы, как змеи сияющие,
Да будет ваш путь блестящ!
Да будет от нас далека, о, Маруты,
Прямо бьющая ваша стрела,
Да будет от нас далеко
Тот камень, что вы, швырнув, устремляете!
Пощадите, благие Даятели,
Свой верный народ, чтоб он мог неповерженный жить!

Гимн второй

Вы спешите на каждую жертву,
Вы берете мольбу за мольбой.
О, Маруты проворные!
Дозвольте же мне, моими молитвами,
Привлечь вас сюда от Небес и Земли,
Для нашей защиты, для дней благоденствия!
О, вы, потрясатели,
Рожденные в Мир за тем,
Чтоб влагу и свет приносить,
Само-рожденные, само-вспоенные,
Как источники быстро бегущие,
Как обильные волны воды,
Вы, четкие, точно стада превосходных быков!
Ты, укрепляющий сильных Марутов,
Как капли священные Сомы,
Что, брызнув из сонных стеблей,
Испитые, ярко живут в сердцах молящихся, —
Гляди, как у них на плечах сверкает, прильнувши, копье.
Так льнут к нам влюбленные жены.
И диск в их проворных руках,
И губительный меч!
Как легко они с Неба спустились,
По согласьи с самими собой.
Пробудитесь под шорох свистящих бичей,
О, Бессмертные!
По беспыльным путям прошумели Маруты могучие.
И блестящими копьями их до основ сотряслись все места.
Кто вас двинул сюда изнутри,

О, Маруты, с блестящими копьями,
Как мы видим, что движется пасть языком?
Точно пищи хотя, возмутили вы Небо.
Вы приходите к многим, влекомые многими.
Как солнце горящее, конь лучезарного Дня!
Где вершина, где дно тех великих Небес.
О, Маруты, куда вы пришли?
То, что сильно, как хрупкое что-то,
Грозовою стрелой поразив,
Вы летите по страшному Морю!
Как ваша победа, Маруты,
Страшна, полновластна, насильственна,
Как блестяща она и губительна,
Так дар ваш прекрасен, богат,
Как щедрости щедрых молящихся,
Он весел, широк и лучист, как небесная молния!
От колес колесниц их проворных
Струятся потоки дождя,
Когда разрешают они голос густых облаков.
О молнии вдруг улыбнулись Земле,
Когда ниспослали Маруты
Поток плодородных дождей!
Пришни на свет родила для великой борьбы
Страшную свиту Марутов,
Неутомимых.
Только их вскормишь,
Как темную тучу они создают,
И смотрят, и смотрят кругом,
Где бы найти укрепляющей пищи!

5. УПАНИШАДЫ

Сказанье о Начикетасе

Ом! Да пребудет с нами благосклонность!
Да будем мы Ему угодны.
Да разовьем мы силу, и да будет
Озарено исследованье наше.
Да не возникнут споры здесь.
Ом! Мир, Мир, Мир! Всесовершенный! Ом!

1

Ваджашраваса, некогда, желая,
Награды, все принес, все, что имел он,
Как жертву. А сказание гласит,
Что сына он имел, Начикетаса.
И, юный, все ж отмечен был он верой.
И потому к себе промолвил:
Вода испита, съедены все стебли,
Исчерпано до капли молоко,
Нет больше силы. Радости нет в зове.
К мирам тот зов. И кто с таким приходит,
С таким приходит даром, — их зовет.

Владыке своему сказал: Отец мой,
Кому меня ты отдаешь?
Сказал так дважды: повторил, сказавши.
Ответ: Тебя я Смерти отдаю.

Начикетас помыслил: Между многих
Я первый ухожу, иду средь многих.
Что сделает со мной Бог Смерти, Яма?
Сегодня что он сделает со мной?
Назад взгляни: как с теми, кто был раньше?
Об остальном по этому суди.
Как для зерна, для смертного — гниенье,
И как зерно, восстанет он опять.

Начикетас направился в дом Смерти,
Три дня был там, отсутствовала Смерть.
Когда ж вернулась, свита ей сказала:
В дома приходит Браман как огонь.
Бог Яма, дай воды, утишь пыланье.

Сказала Смерть: Три ночи здесь постишься,
Начикетас, а гость почтен быть должен,
О, Браман, не отвергни почитанье,
Три дара можешь взять, проси что хочешь.

Начикетас ответил: Пусть отец мой
Тревог не знает разумом спокойным,

И на меня не сердится, о, Смерть:
Когда меня отпустишь, пусть меня он
Приветствует. Об этом я прошу.
Смерть отвечала: С моего согласья,
Как прежде, он дитя свое признает.
Он ночи безмятежно будет спать,
И увидав тебя освобожденным
От пасти Смертной, явит светлый лик.

Начикетас продолжил речь: Там, в небе,
Нет страха; нет тебя там; человеку
Там старость не страшна; там голод с жаждой
Превзойдены; нет скорби, только игры.
Почтительно теперь к тебе взываю,
О, Смерть, тебе известен тот огонь,
Что на небо ведет: молю, скажи мне,
Исполнен веры я. В небесном мире
Изъяты все от смертного удела.
Вторая в этом просьба есть моя.

Смерть отвечала: От тебя не скрою:
Внемли, Начикетас, известно мне,
Какой огонь ведет отсюда к небу.
Узнай же, что огонь тот, в месте скрытом.
Там в разум, там в сердце затаенный,
Есть сразу — путь, дорога в бесконечность.
И есть основа бесконечных царств.

Так Смерть ему Огонь тот указала,
Источник нескончаемых миров,
Какие камни в нем, и как, и сколько.

Начикетас ответствовал повторно,
И Смерть в восторге молвила ему,
Великая сказала благосклонно:
Теперь и здесь, вот новый дар тебе.
Огонь тот будет именем твоим
Воспламеняться. Можешь взять навовсе
Гирлянду многоликости блестящей.
Начикетас тройной, достигший в мире

Тройного единения, идущий
Тройным путем деяний, воспаряет
Над областью и смерти и рожденья;
Всевышнего познав, светорожденный,
Всезнающий, он в мир идет вовеки.
Начикетас тройной, триаду зная,
Осуществляя знаемый обряд,
Пред умираньем сети Смерти бросит,
Оставив скорбь, встречает в небе блеск.
Вот твой огонь, Начикетас, ведущий
На небо, он включен в твой дар второй.
Среди людей твоим он будет зваться.
Проси теперь твой третий дар.

Начикетас промолвил: Есть сомненье,
Что будет с человеком после смерти.
Иные говорят, он существует,
Иные, нет — об этом мне скажи.
Из трех даров вот этот будет третий.

Смерть отвечала: Боги старых дней
И те об этом сильно сомневались.
По истине, узнать об этом трудно:
Утонченный закон. Начикетас,
О чем-нибудь другом проси; не требуй,
Чтоб это я поведала тебе,
Не утесняй, освободи от просьбы.

Начикетас сказал: На самом деле,
Об этом даже Боги сомневались:
И ты сказала, Смерть, что трудно знать.
Но где ж найти другого, кто сказал бы?
И можно ль с этим дар другой сравнить!
Смерть отвечала: попроси потомков
Столетних, сыновей проси и внуков,
Стада коней, слонов, златые слитки,
Проси пространства мощные земли,
И сам живи так долго, как захочешь.
Таких даров, Начикетас, потребуй,
Исполню все, чего ни пожелаешь.

Богатым будь. Царем земли обширной.
Потребуй то, что трудно в мире смертных
Иметь, все дам тебе, лишь пожелай.
Вон, видишь, там красавицы играют
На лютнях, и уборы их блестят;
Не услаждался смертный таковыми.
Возьми их: я тебе их всех отдам.
Начикетас, не спрашивай о Смерти!

Созданья дня! Начикетас промолвил.
О, Смерть, из них огонь ли извлечешь?
Они собою делают бессильным.
И в лучшем смысле жизнь есть жизнь, короткость.
Возьми себе уборы, песни, пляски.
Богатством человека не насытишь.
Богаты ль мы, когда ты предстаешь?
И живы ль мы, пока еще ты правишь?
Дай то, о чем тебя я попросил.
Кто разрушенью смертному подвластен,
Когда среди бессмертных он Богов?
И кто здесь жизнью услажден, понявши,
В чем радости и блески красоты?
Скажи нам, Смерть, что есть в великом После.
Лишь этот дар — в основе всех вещей.

2

Смерть отвечала: Должное одно,
Приятное другое; в том две узы,
И к разному здесь липнет человек.
Благ тот, кто выбирает то, что должно:
Приятное возьмешь, уйдешь далеко.
Что должно и что сладостно, пред смертным
Встают; мудрец просеивает их,
Он от себя их прочь отодвигает.
Что должно, это мудрый предпочтет;
Глупец берет приятное и держит,
Начикетас, помыслив, ты отрекся
От сладостного, что желанно ликом;
Отбросил эту перевязь довольства,

В которой так запутаться легко.
Означены два разные пути здесь,
Один есть неразумность, а другой
Есть то, что люди мудростью считают.
Начикетас избрал себе путь-мудрость.
Желанья не влачат его ордами.
Среди неразуменья обретаясь,
Себя считая мудрыми, кружась,
Излучинами вечно извиваясь,
Обманно лабиринтятся они,
И слепоте слепцы ведут слепого.
Глупцу, невразумительно-слепому,
Тому, кто блеском-шумом оглушен,
Грядущее не может быть открыто.
Вот этот мир, есть мир, за ним — ничто,
Так мыслит самомнительный, и вот
В моей опять, в моей опять он власти.

Но, что-то есть, о чем иной не слышал.
Что многие не могут познавать,
Хотя они и слышали об этом;
Кто говорит о Нем, уже есть чудо,
Кто слушает о Нем, уж дивен тот:
Его узнать не может малоумный,
В умах Он много раз был возглашен;
Другие же Его не возглашают.
К Нему дороги вовсе не ведут;
Вне рассужденья, редкого Он реже.
Не рассужденьем овладеешь Им,
Тем помыслом, но ты уж овладел Им.
Ты к истине взор сердца прикрепил.
О, если б вопрошающие были
Всегда как ты, как ты, Начикетас!

Невечно, что зовут богатством люди,
И неизменность получить нельзя
Из тех вещей, что в вечной перемене.
Затем-то над невечным я зажгла
Огонь Начикетаса. Ты взглянул
На грань желанья, на опору мира,

На достиженья ритуалов всех,
На доблестный благой первоисточник,
Взглянул на основание всего.
Ото всего ты твердо отказался.
Его с трудом в душе своей лелея,
С Ним в тайне сокровенно сочетаясь,
Его скрывая в сердце, в подземельи,
Чрез деланье верховного слиянья,
Своим умом лишь в Высшем пребывая,
Оставит мудрый радость и печаль.
И с выбором на Нем остановившись,
Взяв тонкое, внедрив закон в себя,
Вполне достойно радуется смертный.
Начикетас, дверь пред тобой открыта.

Начикетас сказал: Строй и нестройность,
Мир сотворенный и внемирный хаос,
Что сделано и что не свершено,
Что прошлое и что еще в грядущем,
Пусть будут эти оба в стороне.
То изъясни, что лишь тебе открыто.
Смерть отвечала: Это цель, к которой
Все знания идут в хвалебных кликах.
Все подвиги об этом говорят,
Все те, что служат Браме, лишь об этом
Мечтают в сокровенности желаний,
Тебе скажу об этом, Это — Ом.
Поистине в том слове дышет Брама,
Поистине — верховное оно.
Поистине, кто слово то поймет,
Чего он хочет, вот, он обладает.
В нем лучшее, что есть; его узнавши,
Богатым дух уходит в Божий дом.
Кто Ом поет, тот не рожден, не смертен;
Откуда, что — слова не для него.
Бессмертный, древний, вечный, нерожденный,
Убей его, он все же не убит.
Когда убийца скажет «Убиваю»,
Когда убитый молвит «Я убит»,
Что говорят, они не знают оба,

Убить не может, быть убитым тоже.
Малей чем малость, больше чем великость.
В святыне сердца Самость существует;
Свободный от желанья Это видит,
И видит — скорбь ушла, велик лишь Сам.
Сидит, и всюду странствует, далеко;
Лежит, и быстро мчится он везде.
Безрадостную радость кто узнает?
Лишь Бог во мне, лишь Самость, лишь я Сам.
Когда узнает мудрый эту Самость;
Меж тем он бестелесен, меж недугов
Велик, распространен, и безболезнен,
И более не знает, что есть скорбь.
Ту Самость не получишь объясненьем,
Умом не схватишь; выслушав не раз.
Все ж не услышишь; лишь кто Ею избран,
Тот от Нее и будет Ей владеть.
Приняв свой должный лик, пред ним предстанет,
Тот, кто еще не бросил злых дяний,
В ком чувства не подвержены проверке,
Чей ум еще не понял мир с собой,
Тот Этого достичь, узнать, не может.
Кто пища неразумья и насилья,
Приправленная Смертью, — как он может
Узнать, где он?

3

Впивая, дважды, плод своих деяний,
Гнездящихся там в сердце, в верхней сфере,
Глядящие на Браму, освещают
Игру теней и света, — пятикратно
Зажженный свет, зажженный и трикратно.
Нетленный мост, тех, жертвующих Браме,
Верховный мост, иной и верный берег.
Тех, кто поток желает перейти.
Огонь Начикетаса, — с нами будь.
Знай Самость как владыку колесницы,
Знай, тело лишь повозка, ум — возница,
И возжи — побуждения твои.

Знай, чувства — кони, и предметы их
Дороги; Самость, чувства, побужденья,
В соединеньи — мудрое слиянье.
Кто жертва неразумья, побужденья
Совсем не подчиняются ему,
Ему его же чувства не подвластны,
Как ртачливые кони от возницы
Бегут.
Когда же человек уму подвластен,
Проверке подчиняет побужденья,
В его руках себя ведут так чувства,
Как под хлыстом цуг добрых лошадей.
Кто жертва неразумья, тот, нечистый,
Непомнящий, забывчивый повторно,
Бежит за целью, цель бежит его,
И никогда достичь ее не может,
И он идет к рожденьям и смертям.
Но кто подвластен разуму, кто помнит,
Кто вечно чист, тот цели достигает,
Ее достигши, больше не рожден.
Раз человек решил, что ум — возница,
Раз твердо держит возжи побуждений,
Он видит цель скитанья своего,
Он входит в дом Того, Кто все объемлет.
За гранью чувств есть тонкие причины
Чувств наших; за пределом их — порывы;
За их пределом — разум; за умом,
За разумом — Великая есть Самость;
За Этим, за Великим — Непочатость,
Несозданность; за этим — Человек;
За Человеком — ничего другого;
Тут — цель, и тут — конечный есть предел.
Он — Самость сокровенная, что в каждом
Сокрыта существе; лишь ясновидцы
Умом его способны тонким видеть.
Разумный чувства погружает в ум;
Ум в разум; разум в Самость; Самость в Мир.
Проснись, восстань, и отыщи великих,
И этих разумение сыщи.
Остер край бритвы, труден для хожденья;

И труден, ясновидцы говорят,
Всем смертным путь нелживый для хожденья.
То, что беззвучно, то, что вне касанья,
Вне формы, истощение, и вкуса,
Безароматно, вечно, без начала
И без конца, уходит за пределы
Великого, устойчиво всегда —
То зная, человек спасен от смерти.
Сказанье слыша о Начикетасе,
Разумный человек, его касаясь,
Растет, и вот велик он в доме Браны.
Кто повторит его, самовоздержный.
В собраний людей благочестивых,
Ту сокровенность высшую, или
Тем помогая, кто в сетях обширных,
Бессмертие он этим исчисляет,
Он этим возвещает о бессмертьи.

4

Кто само-существует, тот пронзает
Вовне способность чувств, и человек
Вовне глядит, а не вовнутрь, на Самость.
От времени до времени, кто мудр,
От смертного желанья ускользает,
От внешнего свои отвлекши взоры,
Он созерцает Самость там внутри.
Глупцы бегут и следуют за внешним;
Споткнувшись, упадают в сеть они,
В обширность сети, распростертой Смертью;
Мудрец, познав бессмертье, достоверность,
Среди вещей неверных ничего
Не ищет здесь.
Тем, чем распознает он цвет и вкус,
Касанья, звуки, запахи, сплетенья,
Он знает этим все, что остается.
И это-то поистине есть То.
Он знает сон и бодрствованье знает,
Что в них, что в этой Самости великой,
Простершейся — как только это видит

Разумный, в нем печали больше нет.
Вкушающий прозрачный мед, он знает
Живую Самость в играх воплощенья,
Властителя того, что было, будет,
И от чего не прячется он больше.
И это-то поистине есть То.
В начале, на волнах пространства был он,
Восстал, из мысли власть свою исторгнув,
Окружным взором мерял мирозданье,
Вступивши в сердце, стал там нерушимо.
И это-то поистине есть То.
Как жизнь он существует, весь из власти,
Из сил, вступивши в сердце, там стоит он.
С созданьями живыми существует.
И это-то поистине есть То.
Всезнающий, в жару огня сокрытый,
Как матерью ребенок, им рожденный,
День изо дня людьми с рассудком зрячим
Лелеемый, людьми, чьи руки знают,
Как чтить огонь, осуществляя жертву.
И это-то поистине есть То.
Там, где закат, причина восхожденья,
То, почему восходит в блеске солнце,
То, от чего все силы происходят;
За грань чего ничто не перейдет.
И это-то поистине есть То.
То, что есть здесь, что истинно есть там;
Там будучи, что истинно есть здесь,
От смерти к смерти здесь внизу проходит,
Усматривая мнимые различья.
Там в Самости, в средине, Человек,
Чуть зримый, ростом малый, но владыка
Прошедшего и будущего он.
Пред ним скрываться истинный не хочет.
И это-то поистине есть То.
Чуть зримый, ростом малый, Человек,
Бездымному огню во всем подобный,
Грядущего и прошлого владыка,
Сегодня, завтра, будет тем же Самым.
И это-то поистине есть То.

Как воды, изливаяся в ущелье,
Бегут стремниной, мчатся по холмам,
Так тот, кто видит этих вод отдельность,
За видимым явлением бежит.
Как чистая вода, с водою чистой
Смешавшись, станет влагою одной,
Так ты, Начикетас, вливаясь в Самость
Того, кто мудр, узнал, в чем мудрость есть.

5

Есть некий храм одиннадцативратный,
Врата в нем — очи, слух, еще иные,
Владеет нерожденный им, сознанья
Прямого; им владея, человек
Уже не знает более печали.
Свободный от нея, свободен вправду.
И это-то поистине есть То.
Как движущий, живет Он в светлом небе,
Как светлый, между тучек Он сияет,
На алтаре горит Он, как огонь.
Как гость, как знатный гость живет Он в доме;
Живет Он в человеке, в людях, — в них
Он более живет, чем человек;
В эфире пребывает, в ритуалах;
Он те, что порождаются в воде,
И те, что рождены на темной суше,
И те, что порождаются в горах,
И те, что рождены чрез ритуалы,
Великий ритуал сам по себе.
Он вверх уводит верхнее дыханье.
Он нижнее дыханье вниз струит.
Все силы преклоняются с почтеньем
Пред малым, еле видным между них.
От воплощенных душ, еще стесненных
Телесностью, но чувствующих жажду
Повторную — от тела ускользнуть.
Есть нечто, что в скитаньях остается.
И это-то поистине есть То.
Не верхнее дыхание, чем смертный

Живет, и не дыханием он нижним
Живет, но тем, что оба их дает.
Старинную опять тебе я тайну
Скажу, Начикетас, как после смерти
То, что есть Самость, в мире существует.
Идут иные души в материнства,
На лоно, чтобы тело воспринять;
Другие же в недвижность переходят,
Согласно их деяньям, знанью их.
Тот Человек, что бодрствует, когда
Другие спят, свободный от желаний,
Тот истинно есть чист, и он есть Браман,
Бессмертным он правдиво наречен;
В Нем все миры содержатся; помимо
Него, ничто совсем не происходит.
И это-то поистине есть То.
Как пламя, хоть одно, вступая в мир,
Подобно многим ликам, будет в лике.
Так внутренняя Самость мирозданья,
Хотя одна, раз в лике — многолика,
И все ж она — без них, без всех, одна.
Как воздух, хоть один, вступая в мир,
Подобен многим ликам будет в лике,
Так внутренняя Самость мирозданья,
Хотя одна, раз в лике — многолика,
И все ж она — без них, без всех, одна.
Как солнце справедливое, глаз мира.
Глаз всех миров не тронут тьмою пятен,
Увиденных глазами в мире внешнем.
Единая та внутренняя Самость
Всех мирозданий не осквернена
Ничем из болей мира, потому что
Она всегда стоит особняком.
Единственный владыка мирозданья,
Он, внутренний, незримый, Сам, который
Единый лик являет многоликим,
И на Него, внутри себя, взирают
Все мудрые, и вечность благодати
Им надлежит, лишь им, а не другим.
Среди вещей не длящихся, одна

Сознательность разумных вечно длится.
Что смотрят на Него, внутри себя,
И благодать — лишь им, а не другим.
Они об этом мыслят, как о высшем.
Что вне всех слов и истинно есть То.
Не светит солнце там, луна и звезды.
Не светит там, конечно, и огонь.
Когда сияет Он, все Им сияют,
Во всем, что здесь светлеет, свет Его.

6

Есть старое-престарое растенье,
Старинный ствол, что не увидит завтра,
То дерево склоняет ветви вниз.
Ашватта, это — Браман, мысль бессмертья,
Мысль чистоты, в Нем скрыты все миры:
В том древе — все, и ничего помимо.
И это-то поистине есть То,
Все, в чем движенье, из Него исходит,
Вступает в жизнь, дрожит, трепещет, бьется;
Оружье подъятое Оно,
Могучий страх. И кто Его узнает,
Бессмертие касается того,
Огонь горит — Ему лишь повинуясь,
Из страха перед Ним сияет солнце,
Ему покорны — воздух, облака,
И Смерть — все эти пять ему послушны,
Свой для Него они свершают путь,
Коль перед тем, когда отбросишь тело,
Его здесь не узнаешь, ты сочтен
Как тот, кто будет перевоплощенным
Среди миров.
Как в зеркале, так в Самости отдельной;
Как в сновиденьи, так среди теней;
Как в смутной влаге, так и в мире песни;
Как в светотени, так и в мире Брамы.
Тот, кто узнал жизнь чувств, как отделенность,
Узнал восход их и закат отдельный,
Он мудр, и в нем печали больше нет.

За гранью чувств есть разум; за пределом
Ума есть мир мыслительности высшей;
За ней еще — Великая есть Самость,
За нею — мир Несозданности высшей;
За этим — настоящий Человек;
Он все объемлет, и Его могучесть
Вне означений. Раз его узнаешь,
Ты волен, смертный, ты вступил в бессмертье.
Не в сфере зренья — лик Его могучий,
Никто Его не видит взором глаз.
Лишь разуму, уму, что правит в сердце,
Открыт Он. И когда Его узнаешь,
Бессмертие касается тебя.
Раз пятичувствие с умом согласно,
И разум не приводит их в волненье,
Зовется высшим это состоянье.
Ухват неробкий чувства, это — йога,
Приходит йога и уходит йога,
В самодозоре светлом человек.
Когда его не схватишь словом, мыслью,
Иль зрелищем, — его определенье
Не в том ли, чтоб сказать о нем: «Он есть»?
Не только «есть», но и «не есть» — в нем оба.
Скажи: «Он есть», — блеснет впервые правда.
Когда прогонишь в сердце все желанья,
Которые гнездятся в нем, тут смертный
Становится бессмертным, — область Брамы.
Когда развяжешь каждый узел сердца.
Тут смертный прикасается бессмертья.
И в этом поученья скрытый смысл.
В одном и том же сердце сто путей
И путь один, добавочный, при этом.
Чрез средоточье головы проходит
Нечетный, одинокий путь из них.
Через него бессмертья достигаешь:
Другие все туда-сюда уводят,
Уходят, чтоб по ним уйти вовне.
Чуть зримый Человек, Сам, сокровенный,
У всех, что здесь рождаются, скрыт в сердце,
Он в сердце у всего, что рождено:

Коль хочешь, извлеки его из тела,
Терпением, как стебель из травы.
Бессмертный, чистый, ты Его узнаешь,
В бессмертии узнаешь, в чистоте.

Так мудрости наученный у Смерти,
Подвижничества правила узнав,
Свободный от пятна, объятый Брамой,
Свободный и от Смерти, отошел
Начикетас. Свободен будет каждый,
Который этот свет в себе вместит.

ИРАН

ЗЕНД АВЕСТА

1. АГУРАМАЗДА

Это я, Агурамазда, создал ночь и яркий свет,
Создал дружное теченье вечно-огненных планет.

Тех светил одушевленных, чьи лучистые тела
Породила, оттенила довременной ночи мгла.

Это я рукою щедрой бросил в землю семена,
Повелел, чтоб их будила златокудрая весна.

В теле каждого растенья нежных жилок создал ткань,
Оживил одним дыханьем лес и травку, льва и лань.

И наполнил все созданья опьяняющим огнем,
Что блистает не сжигая, светит ночью, греет днем.

2. УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Добрые мысли, доброе слово, доброе дело — по воле Моей.
Злые мысли, злые слова, злые дела — не по воле Моей.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело — в Рай приведут.
Злые мысли, злые слова, злые дела — в Ад приведут.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело — радуги в Рай.

3. МОЛИТВА

Да будет восхвален Агурамазда!
Да будет уничтожен Анграмайни!
Кто любит свет, да любит яркий свет!
Хваленье доброй мысли, доброй речи,
Хваленье делу доброму вовек!
Да будут слиты благостью единой
Дела, слова, и помыслы ума!
Отбросим злые мысли, злое слово.
И злое дело, – отойдите, прочь!
Вам жертвы и моленья, Духи Блага,
Всей полнотою мыслей, слов и дел,
Возьмите сердце, жизнь мою возьмите!
Свят, свят звук слов, зовущих на благое!
О, благо совершенным в чистоте!
Я говорю, что почитаю Мазду,
Я говорю, мой путь – путь Заратустры,
Того, кто ненавидит лживых Див,
Кто дружен с духом слов Агурамазды!
Молитвы, жертвы, слава Чистоте,
Молитвы, жертвы, слава Духам Блага.
Молитвы, жертвы Властелинам дней,
Владыкам дней, и месяцев, смен года,
И долгих лет, безвестности времен!
Агурамазде яркому венец!
Святая Воля да владеет нами!
Молитвы, жертвы, слава Власти дней!

4. ПОЧИТАНИЕ

Мы чтим благие Души, в блеске силы,
Чтим внутреннюю силу в существах,
Источник благодействия, Фраваши:
Чтим душу веселящего Огня,
В кружок сбирает он и согревает,
Сроошу чтим, он Гений Почитанья,
Он Слово Воплощенное, могучий,
Владыка с попадающим копьем,
Найрио-Сангху, вестника Агуры;

Раншу-Розиста чтим, он Гений Правды;
Чтим Митру, солнцеликого царя
Обширных пастбищ; душу Мантра-Спенты,
Святого Слова; душу чтим Небес,
Воды, Земли, Растений, и Быка,
Живого Человека, Мирозданья.
Мы чтим Фраваши Гайя-Маретана,
Что первый внял словам Агурамазды.
И из него-то сотворил Агура
Арийские народы разных стран.
Мы чтим святую душу Заратустры,
Что первый в этом мире мыслил благо,
И благо говорил, и благо делал;
Он первый Жрец был, первый был Воитель.
Был первый Пахарь, подниматель глыб;
Был первый тот, кто знал и кто учил;
Впервые обладал Быком, и Словом,
И Святостью, и подчиненьем Слову,
И властью, всеми добрыми вещами,
Что, в процветание благой Основы,
Нам создал Мазда; первый взял он в руку
Вращенье колеса.

Чтим Заратустру мы, он вождь, владыка
Вещественной вселенной; человек
Первичного закона; самый мудрый
Из всех существ, и лучше всех познавший
Святое царство самообладанья,
Живую силу власти над собой;
Из всех существ блистательно-лучистый,
Достойнейший и самый досточтимый,
Желанный для восторгов прославленья,
Любимец наш среди воскликновений,
Прекрасный в безупречной чистоте.

Чтим эту Землю мы; чтим это Небо;
Все бодрое меж Небом и Землей,
Достойное быть чтимым в сердце верных.
Чтим души мы зверей, ручных и диких.

Святых мужчин и женщин души чтим,
Чьи совести боролись, или будут
Бороться, или вот, ведут борьбу
За благо.

5. ЗЕРНО

Спросил Агурамазду Заратустра:
Агурамазда, Дух Благотворитель,
Святой Творец вещественного мира!
Что пища тех, чья жизнь Закон есть Мазды?»
И отвечал ему Агурамазда:
«Сей, сей зерно, сей вновь, о, Заратустра!
Кто сеет рожь, тот сеет справедливость:
Он ходит в Свете, он впивает Свет,
Впивать дает блестящие он капли,
Как будто б он сто ног имел в тот час,
Из тысячи грудей как будто кормит,
И десять тысяч слов святых поет.
Когда ячмень был создан, вздрогнул Дьявол;
Когда возрос, упали сердцем Дивы;
Он заузлился, Дивы застонали;
Явился колос, скрылись Дивы прочь.
Бежала свита Дьявола от нивы.
Где хлеба нет, уж Дивы тут как тут.
Но, словно раскаленное железо,
Пугает колос их, и вид зерна».

6. СОБАКА

Собака нрав восьми существ имеет:
Воителя, жреца, и земледельца,
Бродячего певца, и вора, зверя,
Блудницы, и ребенка. Эти восемь
С собакою один имеют нрав.
Она вперед выходит — как воитель,
Сражается за стадо — как воитель,
Идет из дому первой — как воитель.
И в этом всем воитель есть она.
Она, как жрец, умеренна в питаньи.

Она, как жрец, скромна и терпелива,
Она, как жрец, куска лишь хлеба хочет,
И в этом всем собака есть как жрец.
Спит чутким сном она — как земледелец,
Идет из дому в ранний час — как он,
Хозяйство бережет — как земледелец,
Домой, как он, приходит в поздний час,
И в этом всем она есть земледелец.
Она капризна — как певец бродячий,
Она бранчлива — как певец бродячий,
И любит звуки — как певец бродячий,
Певец бродячий в этом всем она.
Как вор — собака любит тьму ночную,
Как вор — она готова объедаться,
Как вор — она добру плохой хранитель,
И в этом всем собака есть как вор.
Как зверь — она бродяжничает ночью,
Как зверь — она довольна черной тьмою,
Как зверь — она всегда напасть готова,
И в этом всем собака есть как зверь.
Кто близок к ней, тех ранит — как блудница.
По всем путям проходит — как блудница,
Причудлива и вздорна — как блудница.
И в этом всем блудница есть она.
Она нежна, дремотна — как ребенок,
Она всегда болтлива — как ребенок,
И роет лапой землю — как ребенок,
И в этом всем ребенок есть она.
Собака нрав восьми существ имеет,
Но сверх сего и нрав имеет свой,
А в этом с нею кто сравниться может?
Она само-одета и обуто,
Внимательна, бессонна, острозуба,
На злых бросает мощь и тяжесть тела,
От злых добро и жизни охраняет,
И волк и вор находят в ней врага,
Она чутьем издалека их слышит,
Предупреждает их явленье лаем,
И рвет в куски, и тает враг, как снег.

Собака создана Агурамаздой.
Агурамазда возлюбил хозяйство,
Им для хозяйства дан нам верный страж.
В глазах собаки — преданность и верность.

7. ГИМН К ВАЙЮ

Мы славословим Воды и Того,
Кто разделяет их! Хваленье Вайю!
Вот, жертвоприношение наше —Вайю,
К блестящему, к нему наш зов теперь!

Меня зовут, о, Заратустра, Вайю.
Мне имя — Вайю, потому что я
Два мира прохожу, воздушно вея,
Один из них был создан Духом Добрым.
Другой из них был создан Духом Злым.
Мне имя — Застигатель, Заратустра.
Я Застигатель, ибо я могу
Застигнуть существа миров обоих,
Того, где Добрый Дух, того, где Злой.
Мне имя — Всесразитель, Заратустра.
Я Всесразитель, потому что я
Могу сражать существ миров обоих,
Того, который создан Добрым Духом,
Того, который создан Духом Злым.
Мне имя — Благотворец, Заратустра,
Затем, что благо я творю, во имя
Агурамазды и Амеша-Спент,
Я вестник их, я их свершаю волю.
Мне имя — Тот, что шествует вперед.
Мне имя — Тот, что держит путь назад.
Мне имя — Тот, кому легко откинуть,
Кто опрокинет, Тот, кто разрушает.
Тот, кто возьмет, сметет, Тот, кто отыщет.
Мне имя — Храбрый, Сильный, Самый Храбрый.
Мне имя — Тот, кто единит, кто делит,
Вновь единит. Мне имя — Жгучий, Быстрый.
Мне имя — Мысль, Восторг, Освобожденье.
Мне имя — Разрушитель темных нор.

Копье, длина копья, его пронзенье.
Мне имя — Тот, кто мчит свое копье.
Мне имя — Славный, Самый Славный, Вайю.

Мы молимся тебе, Великий Вайю.
Вот, наша жертва — перед сильным Вайю.
Могучий из могучих, светлый Вайю.
Чтим Вайю мы, что с шлемом золотым.
Чтим Вайю мы, что с золотой короной.
Чтим Вайю, с ожерельем золотым.
Чтим Вайю, с золотою колесницей.
Чтим Вайю, с золотым его оружьем.
Чтим Вайю, в одеяньи золотом.
Чтим Вайю, на котором обувь — злато.
Чтим Вайю, препоясанного златом.
Да будет чтим святой верховный Вайю.
Здесь, в этом гимне, дышет Дух благой.
Здесь, в этом гимне, дышет светлый Вайю.

8. ГИМН К ВЕРЕТРАГНЕ

Гимн к Веретрагне, созданному Маздой,
К нему, что есть дробящий Восходитель,
Он Дух Победы, Гений Торжества.
Да примет он молитвы, жертвы, славу.
Вот, Веретрагна, наша жертва здесь!

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благотворитель,
Святой Творец вещественного Мира,
Кто всех вооруженней меж Богов?»
Ответствовал ему Агурамазда:
«То Веретрагна, созданный Агурой,
Он, Заратустра, всех Богов сильней».

Он, Веретрагна, созданный Агурой,
Примчался в первый раз как сильный ветер,
Красивый ветер, сотворенный Маздой;
Принес он Славу, созданную Маздой,
Принес он в Славе силу и здоровье.

И молвил самый Сильный Заратустре:
«Я самый сильный в Силе; я в Победе
Меж всеми победителен; я в Славе
Славнее всех; я, Милость оказуя,
Всех милостивей, всех добрей, щедрее;
Целительнее всех, когда целю.
И я разрушу ковы всех лукавых,
Лукавство Див, Людей, слепцов, глухих,
И всех, кто жмет, и всех, кто утесняет».

За этот блеск, за эту мощь и силу,
Мы Веретрагне жертву принесем.
Во имя Веретрагны возлиянья,
Согласно ритуалам первых дней;
Да опьянит Гаома, цвет бессмертья.
Слова напевов мудрых, слово чар,
Да скажутся слова в напевном строе.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Спросил Агурамазду Заратустра:
«О, Дух Святой вещественного Мира!
Кто всех сильней среди Богов небесных?»
И снова «Веретрагна» был ответ.

Вторично Веретрагна появился,
Примчавшись как красивый сильный бык,
С рогами закругленно-золотыми;
А на рогах крутых витала Сила.
Красиволикость Силы, и Победа,
Прекрасное создание Агуры.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

И вновь, и вновь явился Веретрагна.
Он в третий раз явил свой светлый образ
Как белый, весь — порыв, красивый конь;
Весь золотой, чепрак на нем был рдяный;
На лбу виднелась Сила и Победа,
Красиволикость быстролетной Славы.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В четвертый раз он прибежал верблюдом,
Длинноволосым, быстрым, острозубым,
Который в дни любовного безумья
Всех горячей меж сильными самцами,
К своим подходит самкам весь — огонь,
И хлопья белой пены ртом он мечет,
И, быстроглазый, видит издалека,
И четко видит даже в тьме ночей,
Стоит так твердо, как хозяин полный.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он в пятый раз примчался в виде вепря,
Упорного сразителя врагов,
Чей острый клык дает удар смертельный.
И сразу поражает, гневный, сильный,
Метущий все — опущенным лицом,
Сметающий все то, за что заденет,
Могучий вепрь, непобедимый клык.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В шестой он раз явился в новом виде,
Как юноша красивый, светлоглазый,
Пятнадцати расцветно-пышных весен.
Веселый, с узкой пяткой, весь — цветок.
Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!
В седьмой он раз как ворон прилетел,
Как в свете солнца весь отливный ворон.
Меж птицами быстрейшая в полете,
Легчайшая из всех, чей образ — крылья.
Из всех живых существ один лишь он
Полет стрелы, любой стрелы, обгонит.
Он весело взлетает с первым блеском
Зари, чтоб ночь скорей, скорей ушла,
Чтоб занялась заря скорей в полнеба.
Он знает тайну всех тропинок гор,
Вершины гор и глубь долин он знает.

С вершин деревьев смотрит высочайших.
И слушает, что в голосах всех птиц.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В восьмой он раз пришел бараном диким,
С красивыми загнутыми рогами.
В девятый раз пришел козлом задорным,
Наметившим красивый острый рог.
В десятый раз явился человеком,
Красивым, светлым, сотворенным Маздой:
Он меч держал, златое лезвие,
С отделкою из многих украшений.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Чтим созданного царственным Агурой,
Чьей властью — смерть, чьей властью —
возрожденье.
В ком — мир, и перед кем — свободный путь.

Ему молился с жертвой Заратустра,
Прося, чтоб даровал победность мысли,
Победность речи, дела, обращенья,
Внушал бы победительный ответ.
Создание Агуры, Веретрагна
Дал ключ ему, источник сил мужских,
Дал мощь оружья, в теле всем здоровье.
Дал крепость тела, бодрого во всем,
Дал зренье рыбы Кары, Рыбы рыб,
Живущей глубоко в подводном царстве.
Способной смерить малую струю,
Не толще, чем единый малый волос,
Меж вод Рангхи, чей край лежит далеко,
Чья глубь — тысячекратный человек.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он Заратустре силу дал мужскую,
Ту силу, что в мужчине бьет ключом.

Здоровье, крепость, и веселость тела.
И зренье, силу зренья жеребца,
Что ночью, в час, когда густеет полночь,
И в час, когда струится дождь и тьма,
Увидит на земле кобылий волос,
И знает, с головы ль он иль с хвоста.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он Заратустре силу дал мужскую,
Решительность, здоровье, стойкость тела,
И дал ему глаз коршуна, который,
Летая в ожерельи золотом,
На выси девяти пространств, увидит
Обрывок мяса — как кулак, не толще,
При свете, сколько может дать иголка.
Не вся иголка, а конец иглы.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благотворитель!
Когда на мне проклятие лежит,
Когда мои враги, что ненавидят,
Скуют волшебность чары на меня,
Какое средство силу ков разрушить?»
Ему Агурамазда отвечал:
«Возьми перо от птицы Варэнганы,
О, Заратустра. Ворона перо.
Ты тем пером натри себе все тело,
И то перо отбросит чару прочь,
Проклятие к врагам твоим откинет.
Кто кость хранит от этой сильной птицы,
Или перо от этой сильной птицы,
Никто его не может поразить,
Его не сможет увидать бегущим.
С ним будет Ворон. Ворон, он поможет.
Он в славе сохранит его, в лучах.
Владыка стран окажется бессильным,
И, хоть убийца, не убьет его,

Пред сонмом войск — его не дрогнут сотни,
А он сразит, и он пойдет вперед.
Все дрогнут перед тем, с кем тайно Ворон.
Та птица мчит все колесницы сильных,
Все колесницы тех, чей меток меч,
Ее влияньем взвился Кави Уса,
Всходя на Небо на престол орлов.
Ее влияньем жеребец несется,
Верблюд бежит, и мчатся воды рек.
На этой птице мчался Траэтана,
Кем был в бою сражен Ази Дагака,
Трехротый, трехголовый, шестиглазый,
И тысячу имевший разных чувств;
Могучий этот, адский Дрог! тот демон,
Губительный для мира и чумной,
Тот сильный Дрог, что создан Анграмайни,
Для гибели вещественной Вселенной,
Чтоб добрую Основу погубить.
Но сам Губитель в битве был погублен,
Крылом тут веял Ворон, Веретрагна.
Храни же, Заратустра, слово чар,
Тебе открытых, для отдачи верным,
От рта до рта пусть чуть они доходят,
Да знаешь ты Победу, Силу, Блеск».

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

9. ПОСЛЕ СМЕРТИ

1

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благотворитель,
Святой Творец вещественного Мира!
Когда один из верных отойдет,
Что в эту ночь душа его свершает?»

Ему Агурамазда отвечал:
«Близь головы его она садится,
Песнь напевая: «Счастлив человек...»

И возглашает счастье: «Да, он счастлив.
Кому осуществил Агурамазда,
Сполна, свершенье всех его желаний.
В ту ночь его душа вкушает столько
Блаженства, сколько может мир живущий
Его вкусить». — «А на вторую ночь?»

Агурамазда отвечал: «Садится
Она опять у головы его,
И вновь поет о счастьи: „Счастлив, счастлив...“
И вновь она вкушает наслажденье,
Как только может мир его вкушать».

«А где душа с приходом третьей ночи?»

Агурамазда отвечал: «Все то же.
Она поет о счастьи. Дышет счастье.
Так много счастья, как возможно вынесть».

За третьей ночью, чуть заря зажжется,
Является душе того, кто верен,
Что вот, кругом цветы и ароматы:
Как будто ветер нежно веет с Юга,
Благоуханный ветер, благовонней,
Чем ветры всех иных пределов мира.
И кажется душе: она вдыхает
Тот ветер, и как будто в человеке
Вопрос: «Откуда веет этот ветер?
Нежнее он всего, что я вдыхал!»
И кажется ему тогда, что совесть
Его к нему идет в том нежном ветре,
Во образе красивой светлой девы,
Прекрасной, стройной, сильной, белорукой,
Высокой, полногрудой, с нежным телом,
Той девушке пятнадцать лет, она
Из рода благородного, и чары
Той красоты красивее всего.

Он скажет ей: «О, девушка, кто ты?
Меж дев тебя красивей я не видел».

Его же совесть тут ему ответит:
«Ты, мыслей добрых, добрых слов и дел,
Ты, Доброй веры, совесть я твоя.
Ты каждым был любим за то величье,
За доброту, красивость, благовонность.
За силу и свободу от печали,
В которых предстаешь ты предо мной;
И потому, ты, слов и мыслей добрых,
Ты, добрых дел и доброй веры, любишь
Меня за то величье, доброту,
И красоту и вольность от печали,
В которых предстаю я пред тобой.
Когда бы увидал ты человека,
Которому что свято, то смешно,
Или того, кто бедного отгонит,
И с бранью перед ним затворит дверь.
Тогда бы ты сидел и пел молитвы.
Молясь святыне Вод, Огню живому,
И верных веселя, к тебе идущих.
Красива я была, меня ты сделал
Красивее еще; была нежна я,
Еще нежнее сделал ты меня;
Была желанной, я вдвойне желанна;
Была на первом месте, ты меня
На самом первом месте быть заставил,
Чрез мысль благую, чрез благое слово.
Через благое деланье твое;
И вот меня отныне почитают,
За долгодневность жертв моих, за мой
Глубокий разговор с Агурамаздой.
Чуть верная душа ступила шаг,
Она вступила вдруг в Рай Доброй Мысли;
Чуть шаг второй, в Рай Добрых Слов вступила;
Через третий шаг — в Рай Доброго Деянья;
Через четвертый — в бесконечность Светов».

Тогда один из верных, отошедших
Пред ним, его попросит, говоря:
«О, человек святой, как ты покинул
Ту жизнь? Как ты пришел сюда из мест,

Где столько стад, желаний и восторгов?
Оттуда, где любовь тебе смеялась?
Из мира вещества в духовный мир?
Из мира тленья в этот мир нетленный?
Как долго длилось счастие твое?»
Ответствует ему Агурамазда:
«Не спрашивай его, что вопрошаешь,
Он только что прошел жестокий путь,
Исполненный и страха и тревоги,
Путь, где душа должна расстаться с телом.
Пусть вкусит он от принесенной пищи,
От лучших яств блистательной Весны:
То пища для того, чьи мысли добры,
Чьи добры вера, дело, и слова,
Когда он отойдет от этой жизни,
Когда он отойдет от жизни той».

2

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благотворитель!
Когда один из злых окончит жизнь,
Где в эту ночь душа его, и что с ней?»
Ответствовал ему Агурамазда:
«Взметнувшись устремляется она,
Близ мертвой головы сидит, и с воплем
Поет: „Куда пойти теперь? Куда?
Куда идти мне, о, Агурамазда?
Кому молиться мне? Кого просить?“
В ту ночь его душа вкушает столько
Страданья, сколько может мир вкусить».

«А на вторую ночь — что с той душою?»

Агурамазда отвечал: «Взметнется,
И сядет вновь близ мертвой головы,
И вновь поет, о, Заратустра, с воплем:
„Куда идти? В какой я край пойду?“
И снова боль, которой бы хватило
На целый мир. — И то же в третью ночь.

Тоска и боль. «Куда пойти? Куда же?»
По окончаньи этой третьей ночи
Взойдет заря, и будет злой душе —
Как будто бы в снегу она, средь вони,
Как будто вихрь от Севера летит,
Из северных пределов, столь зловонный,
Что он зловонней в мире всех ветров.
И кажется тут злому человеку,
Что у него в ноздрях тот душный воздух.
Он думает: «Откуда этот ветер?
Я никогда подобным не дышал!»
И вот ему навстречу — злая ведьма,
Ужасная старуха, это — совесть,
Лик всех его деяний, мыслей, слов,
Распутная, нагая, и гнилая,
С раскрытым ртом, с уродством ног кривых,
Худые ляжки пятнами покрыты,
Пятно к пятну, она из пятен вся,
Нечистая. И сдавлен весь, он молвит:
«Кто ты? Я безобразнее не видел
Меж грязных всех оборышей Земли!»
Ответ скрипящий: «Я твои деянья,
Я помыслы твои, твои слова!
Твоею волей так я безобразна,
Твоею волей мерзость я и гниль,
Несчастная твоей, твоею волей.
Когда ты видел тех, в ком свет сиял
Объятого молитвенной мечтою,
Того, кто почитал Огонь и Воду,
Зверей, деревья, травы, все живое,
Ты Дьявольскую волю исполнял,
Кощунственные замышлял деянья.
И видя тех, кто был гостеприимен,
Кто дальнего и близкого встречал
Равно своей радушною улыбкой,
Ты жаден был, дверь замыкал свою.
И если я была и нечестива, —
Верней, меня считали таковой, —
Через тебя я нечестива вдвое;
И если я уродлива, ужасна,

В уродство, в ужас ты поверг меня;
Хоть с Демонами я в пределах льдяных,
На самый Север вдвинул ты меня;
В делах, в словах и в мыслях ты был злобным.
Я проклята, давно, Злой Дух со мной!»

Шаг первый — и душа в Аду Злой Мысли:
Второй — она во Аде Злого Слова;
Шаг третий — и разъят Ад Злого Дела;
Четвертый шаг — и Вечность Темноты.

Один из злых, пред этим отошедших,
Уж тут, и говорит: «Как ты погиб?
Несчастный человек, несчастный дьявол,
Как ты пришел? Как долог был твой путь?»
Лежачий, Анграмайни, тут промолвит:
«Что говорить с ним? Дай ему поесть,
Зловонный яд готов, шипит отрава,
Накормят пусть того, кто трижды зол».

Придет заря, и чуть заря займется,
Тут птица Пародарс, Карэто-Дасу,
Что слышит голос Пламени всегда,
Всплеснет крылами и поднимет голос:
«Восстаньте, люди! Женщины и дети,
Восстаньте, препояшьтесь, и омойтесь,
И спойте пять молений Заратустры!»
Но вражий долгорукий Бушияста
Взметнется вдруг из Северных пределов,
Воскликнет так, солжет опять он так:
«О, спите, люди! Тот, в ком грех, спи крепче.
Спи, спи, и продолжай жить во грехе!»

КИТАЙ

ЛАОТЦЕ

КНИГА ПУТИ И БЛАГОГО ЧАРОВАНИЯ

1

Путь, что есть Путь, то не путь обычный;
Имя, что Имя есть, то не имя обычное.
Неименуемое — это есть сущность Всемирного;
А именуемое — природа есть Личного.
Всегда достоверно: бесстрастный увидит ясно;
Всегда достоверно: страстный увидит смутно;
Два эти ряда — одно, но выявляются разно:
Неисследимое, неисследимого —
Это — Великой Тайны врата.

2

Это — Людское Сознанье Красивого
Отличает Красивое от Безобразного:
Это — Людское Сознание Доброго
Отличает Добро от Зла.
Быть и Не-Быть, это лишь Бытие расчлененное.
Возможное и Невозможное
Это лишь чувственный Мир расчлененного.
Высшее так же, как Низшее, это лишь Цельная
жизнь расчлененная.

Вперед и Назад, это есть Непрерывность одна,
расчлененная.
В соответствии с этим:
Совершенное — все изъясняет без мысли
и без познаванья!
Оно легкокрыло без слов;
Действует без побужденья;
Создает без чего бы то ни было;
Воспринимает без взгляда;
Свершает, хотя не творец.
В целом же:
Неизвестное делает Силу.

3

Путь отвлеченен, но сила его, его действенность —
неистощимы.
Неизмеримо-Глубинный, Он есть заправитель частичного
Мира, явленного.
Острое Он умеряет,
Сложное Он разбирает, распутывает,
Шумное в стройность приводит певучую,
Атомы вводит в порядок.
Свет, вечный Свет!
Я не знаю, ему кто бы мог предшествовать!
Чьим бы чадом считаться могло Существо Высочайшее!

4

Всемирное не ведает Любви:
над Личным проходит оно, как над средством, средой.
Совершенное не ощущает Любви;
проходит над Личностями, как над средствами,
как над средой.
Вселенная — словно покров:
Пустая, но неисчерпаемая:
в движеньи, творит всегда.
Человека не вычерпать словом:
но когда он не тратит слов,
ничего не теряет из Я.

5

Бессмертна жизненность Природы;
Она непостижимая есть Мать;
Мать непостижная — Всемирности есть корень;
Что жизнь всегда, — тому толчка не надо.

6

Всемирное — вечно,
Всемирное — вечно, затем, что не существует в Личности.
В этом есть свойство Вечности.
В соответствии с этим:
Совершенное, если вступает в затменье, вдвойне утверждается,
Тратя себя, укрепляется в Вечности,
Своекорыстья уйдя, обособляется.

7

Сила Благая подобна Воде,
Соразмеряясь со всем, ко всему она приспособляется:
Чем дальше она от Низменного,
Тем ближе она к Пути.
Итак она есть:
в соотношении с Жизнью, с Земностью,
в соотношении с Душой, с Глубиной,
в соотношении с Чувством, с Любовью,
в соотношении с Духом, с Чистосердечием,
в соотношении с Движеньем, с Развитием,
в соотношении с Действенным, с Силой,
в соотношении с Действием, с Должным в свой миг.

8

Первичные Строители Порядка,
Устроенные, знали лишь себя.

Одно свое существованье.
За ними — их любили и хвалили;
За ними — относились к ним со страхом;
За ними — относились с небреженьем;
Лишь Сплоченностью Сплоченность творится.
Величием исполненные, также
Как были полновесные слова их,
Они свершали ряд своих свершений;
Как думали тогда, был Самовзгляд,
Закон был обществ — Самоусмотренье.

9

Спутался Путь — возникает сознание долга;
Глянул рассудок, — поведения правда слепая исчезла;
Кровная пала Гармония, — встала Семейность;
Стройность из обществ ушла, — Отечестволюбье пришло.

10

Подниматься на цыпочки, это не значит стоять на ногах;
Ноги свои расставлять неумеренно, это не значит ходить.
Выставляться вперед, это значит во мгле оставаться;
Собою довольствоваться, это значит идти назад;
Быть напоказ пред людьми, это значит от них зависеть;
Собою самим услаждаться, это — в упадке быть.
В соотношении с Жизнью, это — душевный разврат;
В соотношении с Целью, это есть Беспомощность;
Тот. кто знает Путь, стоит далеко от этого.

11

Не пробегая по миру, можно познать человеческое,
Не смотря из окна, можно видеть четко,
Кто слишком смотрит, узнает мало.
В соответствии с этим:
Совершенный не странствуя знает.
не наблюдает, а видит,
не вступая в воленье, свершает.

12

Если Общество Путь соблюдает,
на пашне работают,
Если Общество Путь покидает,
на границе скопляются бранные кони.
Нет греха — более страсти.
Нет большего зла — как несдержанность,
Нет недостатка — сильней честолюбия:
Тот, кто умеет знать утоление, он утолен.

13

Вечный возврат, это — путь Пути;
Бездейственность, это есть двойственность Пути;
Существа земные возвращаются к Жизни.
В Жизни вновь возвращаются в Ничто.

14

Существует Энергия, Мощь Устроительная, Первобытная,
Первичнее Природы,
Неизменная, Неотелесненная,
Причина себя, что всегда в Саморавенстве,
И развивается правильно,
Жизни Основа.
Неназываемую, люди зовут ее Путь,
Энергия, это — Великое,
Великое, это — Безмерное,
Безмерное есть Бесконечно-далекое,
Бесконечно-далекое есть Возврат.
В соответствии с этим,
Путь есть Величие,
Небо — Величие,
Земля есть Величие,
Устроитель — Величие.

Итак существуют четыре Величия, а их
Устроитель — один.

Человек обусловлен Землей,
Земля обусловлена Небом,
Причина Неба есть Путь,
Причина Пути — в себе.

У ВРАТ ЗАКАТНЫХ

(Чи-Кинг)

Народная песня

У врат Закатных, городских,
Красавиц юных рой,
Как тучек легких и сквозных.
Толпа, весной, с зарей.
Но что мне в том, но что мне в том,
Что зорится в них кровь?
В покрове белом и густом
Вот здесь — моя любовь.

У врат Восточных, городских,
Красавиц нежных рой,
Как хоровод цветов лесных,
Что расцвели с весной.
Но что мне в том, но что мне в том,
Что вешняя в них кровь?
В покрове белом и густом
Вот здесь — моя любовь.

НЕНЮФАРЫ

Чанг-Чанг-Линг

Ненюфары, кувшинки, листами так схожи с цветной кисеей.
А цветы их так розовы нежно румянцем смеющихся лиц,
Что не знают глаза, где листы — кисеи, где цветок тут — речной,
Лишь по пению девушек видишь, меж трав, меж речных верениц.

В оны дни здесь любимицы Тцу, и красавицы Ю здесь толпой
Ненюфары срывали, река так была кисеей их нежна,
Что теперь каждый венчик дрожит перед каждой поющей сестрой,
И в ночи над рекою ведет их толпу снеговая Луна.

В УРОВЕНЬ С ВОДОЙ

Тху-Фу

Так быстро стремится ладья моя в зеркале вод,
И взор мой так быстро следит за теченьем реки.
Прозрачная ночь, в облаках, обняла небосвод,
Прозрачная ночь и в воде, где дрожат огоньки.

Чуть тучка, блестя, пред Луной в высоте промелькнет,
Я вижу в реке, как той тучки скользит хризолит.
И кажется мне, что ладья моя в Небо плывет,
И кажется мне, что любовь моя в сердце глядит.

ПРЕД СУМРАКОМ НОЧИ

(Крик воронов)

Ли-Тай-Пе

В облаке пыли Татарские лошади с ржаньем промчалися прочь.
В пыльной той дымности носятся вороны, — где б скоротать эту ночь.
Близятся к городу, скрытому в сумраке, ищут на черных стволах.
Криком скликаются, ворон с подругою, парно сидят на ветвях.

Бранный герой распростился с супругою, бранный герой — на войне.
Вороны каркают в пурпуре солнечном, красная гарь на окне.

К шелковой ткани она наклоняется, только что прыгал
челнок.
Карканье воронов слыша, замедлила, вот замирает станок.

Смотрит в раскрытые окна, где зорями дразнят пурпурности
штор.
Вечер разорванный в ночь превращается, черным
становится взор.
Молча идет на постель одинокую, вот, уронила слезу.
Слезы срываются, ливнем срываются, — дождь в громовую
грозу.

ОКЕАНИЯ

СОЛНЦЕ

Океанийское предание

Солнце есть женщина. Имя — Окэра.
Днем она светится. Бродит внизу.
Ходит, восходит. Свершается мера.
Тучи проводит. Сбирает грозу.

Вот нагулялась в полях распростертых.
Хочется спать ей. Уютно ли тут.
Солнце проходит чрез области мертвых.
Только приблизилась, тени растут.

Солнцу блестящему призраки рады,
Смотрят, толпятся, зовут погостить.
Только недолги ночные услады,
Утром ей нужно от них уходить.

Призраки Солнце из тьмы провожают.
Красного шкуру дают кэнгуру.
Скучно им. Пасмурны. Сумрачно тают.
Солнце же красным встает поутру.

СОЛНЦЕ И ГРОМ

Предание

Солнце создал Гром. Сказал:
«Будь!» И прочь прогрохотал.

Солнце — светлая жена,
Громом в бурю создана.

Две ноги всего ей дал.
А ходить ей приказал.
Две ноги, и много рук.
Видишь, сколько их вокруг.

«От зари и до зари»,
Солнцу Гром сказал, «гори!»
От зари и до другой
Солнце ходит над Землей.

Ночь. Работа свершена.
Хочет есть и пить она.
В Землю спустится, в туман,
Корни есть и игуан.

В Море спустится и пьет.
Морем черным Ночь течет.
Солнце с Громом в Море спят.
Завтра будет гром и град.

РОЖДЕНИЕ СОЛНЦА

Предание

Когда Окэрка родилась,
На Небе был Восточный час.
И распустился там цветок,
Он называется — Восток.

Пошла гулять. Идет. Плывет.
Прошла весь синий Небосвод.
Вдруг видит жаром полный сад.
Он называется — Закат.

В саду глядела на цветы,
И захотела темноты.
Нырнула в Море, скрылась прочь.
Зовут то Море в мире — Ночь.

«А где же первый мой цветок?»
Окэрка снова на Восток.
И новый цвет блестит, горя.
Он называется — Заря.

ЛУНА

Предание

Когда в седые времена
Не загорались, как теперь,
В выси ни Солнце, ни Луна,
Был человек, и был он зверь.

Он жил. Он умер. Погребли.
Уж минул год. Вдруг он встает.
Как юный отрок из земли.
И прямо — в быстрый хоровод.

Бежать в испуге — все кругом.
«Не бойтесь»! крикнул: «Будет час,
Я снова буду мертвецом,
Но жив, я жив на этот раз».

«Не бойтесь. Будем длить игру.
И будем в плясках и в цветах.
Когда же снова я помру,
Светло воскресну в Небесах».

Кто не послушался его,
Тот так и умер в тот же час.
А отчего? Да оттого,
Что в плясках час торопит нас.

А сам он вырос, жил и жил.
Когда ж он умер раз, с весной,
Он в свите вспыхнувших светил
На синем Небе стал Луной.

И вновь к нему приходит смерть,
И вновь, как в звонах нежных струн,

Взнеся свой тонкий серп на твердь,
Живет он жизнью юных лун.

Когда ж в ночах поет вода,
Но наш его не видит взгляд,
С двумя он женами тогда;
В стране, зовущейся — Закат.

ЗВЕЗДЫ

Предание

Когда скончались племена,
Что были звери здесь и птицы,
Тогда ущербная Луна
Ждала совета от Зарницы.

Когда скончались племена,
Что были птицы здесь и звери,
Вмиг стала звездной вышина,
Чтоб в мире не было потери.

И вон — созвездие Орла,
И вон — созвездье зоркой Рыси,
Вся степь небесная светла,
Покрыты душами все выси.

А та звезда, чей яркий сон —
Меж малых звезд в узоре тесном,
То Ворон, Черный, это он,
Со свитой жен, в пути небесном.

ЧАС ЛЮБВИ

Песня

Выходи, дочь моя, чтоб тебя,
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Ел, любя.

Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будет есть, ты на вкус так нежна.
Свежий мед
Будет есть, будет пить,
Обоймет,
Будет пить,
И любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тускло, — о, верь.
Выходи, дочь моя, чтоб тебя,
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Сжал, любя.

РОНО-АКУА

(Гавайи)

Роно-Акуа в Гавайях зеленых,
В древние дни, над морской глубиной,
Жил на полянах, бродил и на склонах,
Вместе с своею красивой женой.
Каики-Рани-Иари-Опуна.
Так называлась владычица грез.
Дом их — скала. Над кипеньем буруна.
Некто однажды взошел на утес.
Голос раздался к владычице Роно:
«Каики-Рани, шлет милый — привет.
Мужа оставь. И красивое лоно
Милому дай. С ним разлучности — нет».
Роно, услышав притворные речи,
Схвачен безумьем, супругу убил.
Долго искал с ненавистником встречи,
Плакал о нежной, с кем счастлив он был.
Все он, безумный, избегал Гавайи,
Бешено бился со встречным любым,

Встречных избил он огромные стаи.
Люди дивились «Он Злым одержим!»
Роно ответствовал: «Да, я безумный,
Но любовь моя к ней велика.
Ибо в тиши, и над бездною шумной,
Вижу ее, но она далека».
Игры устроив, в поминки желанной,
Роно промолвив «Прощайте» друзьям,
В море пустился в пироге трехгранной,
К дальним, к туманным, к безвестным краям.
Все ж возвестил он из бездны кипучей:
«Я возвращусь, как пройдут времена,
Будет пирогой мне остров плавучий,
Там будут ветви — цветы — тишина».

МЕРТВ МОЙ ВЛАДЫКА И ДРУГ

Мертв мой владыка и друг,
Мой друг в дни голодные, в час темноты.
Мой друг в дни, когда все иссохло вокруг,
Мой друг в долгий час нищеты,
Мой друг в дождь и ветер, и в солнце, и в зной,
Мой друг в горной стуже, на злой вышине,
Мой друг в град бичующий, в вихрь круговой,
Мой друг в тишине,
Мой друг в переменах восьми морей.
Мой друг, мой угадчик. Беда мне, беда!
Мой друг отошел, друг всей жизни моей.
Уж он не придет, никогда.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЬ

(Два голоса)

Нет для меня больше жизни, осталось лишь зло.
Солнце, чей свет согревал меня, Солнце зашло.
Месяц, который светил мне, ушел в темноту,
Звезда, что вела, отошла, умерла налету.

Все потерял я, отныне нет счастия дней,
Нет больше радости сердца, улыбки моей.
Тот, кем был жив весь народ наш, ушел навсегда.
Что с нами будет! Нет жизни. Лишь смотрит беда.

Я — схороненный отныне в глубокой ночи,
Горечь — мне Море, в ней все потонули лучи.
Я погружаюсь в пучину, бессильно весло,
Солнце, что грело и пело мне, Солнце зашло.

ЭЛЛАДА

ОРФЕЙ

Гимны мистерий

1. ГИМН К НОЧИ

Воскурение светильников

Ночь, жизнь нам даровавшая Богиня.
Целительный родник успокоенья,
Богов первоисточник и людей;
Внемли, благословенная Киприда,
Одетая сияньем многозвездным.
В молчаньи Сна эбеновая Ночь.
Мечты и сны — в твоей туманной свите,
И длишь ты мрак, напев рождая пирный,
Рассеиваешь скучную заботу,
Веселья друг, на вороных конях,
Вокруг Земли ты шествие свершаешь.
Богиня привидений и теней,
День делишь усыпительною властью,
И, выполняя приговор Судьбы,
В глубокий Ад, от зренья смертных дальний,
В Ад глубочайший посылаешь свет:
Необходимость Мира признавая,
Куешь для Мира строй алмазных уз.
Склони, Богиня, слух к словам молений,
Желанная для всех, у всех в почете,
Благослови, и страхи разгони
Грозящей тени сумрака немого.

2. ГИМН К НЕБУ

Воскурение ладана

Великое раскинутое Небо,
Чей мощный свод не ведает, что — отдых,
Отец всего, откуда Мир возник;
Источник и конец всего, родитель,
Вкруг этого Земного Шара вечно
Кружащийся; безмерный сад Богов,
Предел всего, и всех вещей хранитель,
Включающий в своем обширном лоне,
И в складках круговых нужду Природы,
Ее Необходимость роковую.
Эфирный мир, земной, и многоликий,
Лазурный, полный форм, и самовластный.
Сатурна ключ, и Хроноса источник,
Всевидящий, навек благословенный,
Возвышенно-святое Божество,
Будь благосклонно к робкому мистерий,
И увенчай коснувшегося тайн.

3. ГИМН К ЭФИРУ

Воскурение шафрана

Эфир, ты, никогда не покоренный,
Возвышенный, в Зевесовых владеньях;
Часть Звезд большая, часть Луны и Солнца.
С блестящим, ослепительным огнем;
Огонь, всепокоряющая сила,
Сияющий Эфирностью огонь,
Чей блеск живой рождает пламя жизни:
Вселенной наилучшая стихия,
Цветок роскошный, с властью светоносной,
Разубранный в сиянье сонмов Звезд;
Услышь мое просящее моленье,
Будь вечно ясен, кроток, и лучист.

4. ГИМН К ПЕРВОРОДНОМУ

Воскурение мирры

Могучий Перворродный, зов услышь,
Двойной, яйцерожденный ты, сквозь воздух
Блуждающий, могучим ревом бык;
На золотых крылах своих пресветлый,
Живой родник племен Богов и смертных.
Неизреченный, скрытый, славный, власть,
Цвет всех сияний, всех цветов и блесков.
Движенье, сущность, длительность, и самость,
Ты ото тьмы освобождаешь взор;
Протогонос, могучий Первородный,
Всемирный свет, небесно-осиянный,
Ты, вея, чрез Вселенную летишь.
Приап, блеск темноглазый и веселый,
Благословенный царь, тебя пою.
Склонись с благоприятным светлым ликом
На таинство священное, что здесь.

5. ГИМН К ЗВЕЗДАМ

Воскурение ароматов

Мой тихий зов — к вам, Звезды, сонм верховный.
Святые светы, демоны Небес
Небесное потомство темной Ночи,
В вертящихся кругах ваш свет лучится,
Бессмертные огни небесной выси,
Источники всего, что здесь внизу.
Судьба вложила в вас значенье ваше,
И людям вы простерли светлый путь.
В семи блестящих поясах сияет
Блуждающий ваш свет, Земля и Небо
Вам образуют искристый наш свод,
Нетленно, негасимо, нерушимо
Сквозь ткани Ночи светит сноп лучей.
Привет вам, вечно-бдительные светы.
Пошлите мне содружественность блесков,
Сознательными ясными лучами
На таинства излейте благодать.

6. ГИМН К ЛУНЕ

Воскурение ароматов

Услышь мой зов, Владычица Богиня,
Идущая в серебряных лучах,
В уборе из рогов быка могучих,
В великом круге, с свитою из Звезд,
Свет Ночи темной засветив над Миром;
Ты, с женской красотой, с мужскою властью,
С природою двойной и переменной,
То полная как круг, то вся ущерб,
Мать месяцев, твой путь горит плодами,
В Ночи родится полдень отраженный,
Твоим янтарным шаром он зажжен;
Конелюбивая Царица Ночи,
Всевидящая сила, озаренье,
Внимательно-глядящая, врагиня
Борьбы, мир возлюбившая и жизнь,
Лампада Ночи, украшенье Ночи,
Любовная свершительница мыслей,
Ты цели все ведешь к концу в Природе.
Царица Звезд, всемудрая Диана,
В красивом многозвездном одеяньи,
В покрове пышном нежная Богиня,
Зажги светильник лунный для меня,
И озари — тебе и тайне — верных.

7. ГИМН К ОБЛАКАМ

Воскурение мирры

Вы, Облака воздушные, по светлым
Долинам Неба бродите, рождая
Обильные течение дождей;
Весь влагою насыщенный, ваш образ
Проносится под бурными ветрами,
Вы кормите расцветы и плоды,
Над травками блуждаете вкруг Мира,
Вы громкозвучны, темны, с львиным ревом,
С прорывами огней, с могучим громом,

Вас воздух неоглядный приютил.
Плывете вы, и правит парусами
Веселая и звучная гроза.
Но с нежным ветром очертанья ваши
Зову дать светлых капель для Земли.

8. ГИМН К ЗЕМЛЕ

Воскурение всякого рода семян,
исключая бобов и ароматов

О, мать Земля, родник Богов и смертных.
Обильная, всегубящая сила,
Ты разрушаешь в миг, когда творишь;
Родительница всех, ты расцвечаешь
Цветы меж изумрудов и плоды.
Вселикая, упор миров бессмертных,
Венчанная безмерностью отрад;
Из чрева у тебя, как бы от корня,
Который без конца, многообразно
Растут плоды, побеги, крепнут в соке.
О, ты, глубокогрудая, с лугами,
Где зелен пышно-вьющий убор,
Как нежен дух твой свежий за дождями.
Всецветный Демон, средоточье Мира,
Вокруг тебя несутся брызги Звезд,
Как кинуты, прекрасные, так вечно
И мчатся в дивно-яростном круженьи.
И несравненна мудрость их и блеск.
Внемли, благословенная Богиня,
Умножь везде душистые плоды,
И с красочною свитою Смен Года
Молящего тебя благослови.

9. ГИМН К ЛЮБВИ

Воскурение ароматов

Великая Любовь, тебя зову я,
Источник самых нежных наслаждений.
Ты, чистая, манящая наш взор;

Стремительный, стрелоподобный Гений.
Порывно-неудержное желанье,
Богами ты и смертными играешь,
Ты шутишь, ты блуждающий Огонь,
Двойной, проворный, ты звенишь ключами
Земли и Неба, Воздуха и Вод,
Ключарь воздушный, Морем ты владеешь;
Тебе — поля обильные Цереры,
Все то, в чем жизнь, и без чего нет жизни,
Все то, что мрачный Тартар скрыл в себе,
Вся глубь, вся широта, вся бесконечность,
Тебе — все многоликости Природы,
Один, во всем, всемирно правишь ты.
Приди, взгляни на таинства, будь наш,
И отврати безумные желанья.

10. ГИМН К ОКЕАНУ

Воскурение ароматов

Я Океан зову, что в вечном токе,
Равно родник Богов и человеков;
Неосквернимо-царственный Владыка,
Чьи воды замыкают круг Земли;
Отсюда — реки, Море истекает,
Журчащие прозрачные ключи.
Внемли, Могучий, ты царишь безбрежно,
Из всех властей божественных, о, Царь,
Ты в Мире величайший Очиститель.
Земле ты ставишь дружески предел,
Ты водоем предельности полярной,
Окружно катишь ты просторы волн.
Будь к нам, Зеркально-ясный, благосклонен,
Все наши тайны-таинства — твои.

11. ГИМН К ФУРИЯМ

Воскурение ароматов

Внемлите, свита Фурий Вакханальных,
Кричащих. Силы страшные, зову вас,

Глубокие, ночные, в мире тайн
Вы кроетесь, и все вас почитают,
Алекто, Тизифона, и Мэгера,
В провале вы, пещерном и ночном,
Где Стикс течет, невидимым для зренья.
К нечестью человеков вечно-близки.
Фатальны, их карать спешите вы.
Орудье ваше — пытка, скорбь, и мщенье,
Вы сильны тем, что сущность ваша — месть.
Чудовищные девственницы, ужас,
Который остается навсегда,
Многообразный, страшно разноликий,
Чье местопребыванье — нижний Ад;
Воздушные, незримые для смертных,
Порывистые, быстрые, как мысль.
Напрасно Солнце, с озареньем ярким,
Напрасно нежно-кроткая Луна
Свои касанья к мудрости протянут,
Искусство не возбудит наш восторг,
Коль вас не будет в заговоре этом,
И вы не отвратите прочь свой гнев.
Над пламенем неисчислимым смертных
Блюдете вы, и прав ваш приговор.
Придите, змеевласые, о, Судьбы,
Чей дивный вид так страшно многолик,
Склонитесь к нашим таинствам без гнева.

12. ГИМН К ЗЕФИРУ

Воскурение ладана

Рожденный Морем, с Запада летящий,
Воздушный, нежно-легкий Ветерок,
Усталому труду дающий отдых.
Лепечущий, весенний, травянистый,
В морях глубоких кораблям приятный;
Услышавши дыхание Зефира,
Они плывут в своем предназначеньи.
Зефир незримый, вольный, легкокрылый,
Овей меня, овей меня слегка.

13. ГИМН КО СНУ

Воскурение мака

Сон, Царь Богов и смертных, Царь всего,
Лелеемый праматерью Землею;
Владычество твое одно верховно,
Все знает Сон, ты веешь надо всем.
Ты все тела, с умом, к добру наклонным,
В немедные оковы заключаешь.
Заботам ты велишь смежить глаза,
Усталому стремленью быть спокойным,
И огорченья более не плачут.
Твои воздушно-нежные оковы
От темной мысли душу берегут,
И даже ужас смерти погашают;
Недаром Смерть и Лету нарекли
Здесь близнецами, с влагой струй забвенных.
Склонись ко мне дремотно-благосклонный,
Позволь мне в кротких таинствах побыть.

САФО

1

Звезды быстро прячут светлые лики.
Чуть Луна, показавшись, свет свой прольет,
Так, чуть явишь ты свой вид среброликий.
Нежных дев вмиг бледнеет весь хоровод.

2

Кругом — свежий ропот в ветвях
Яблонь, и вот уж листвы зашуршавшей,
Как дождь-перешепот, струится он.

3

Зашла Луна,
Зашли Плеяды,

Час поздний ночи,
Уходит время,
А я одна.

4

Сладкий яблок краснеет, там на верхушке, вдали.
Сверху — на ветке верхней: рвали — срывали — забыли.
И не забыли, пожалуй, а просто достать не могли.

5

Веспер, ты, что приводишь все, что заря рассевает,
Коз, и ягнят, — ты приводишь с вечером к матери дочь.

6

Вот, счастливый супруг,
Свадьба, которой желал ты.
Брак совершен, и с тобой —
Та дева, которой желал.

7

С чем, о, любимый, тебя я, с чем я сравню?
С гибкою веткой тебя я, с веткой сравню.

8

Девственность, девственность, стой! Ты куда?
Я к тебе не вернусь, не вернусь, никогда.

СКАНДИНАВИЯ

МИРОЗДАНИЕ
(Voluspa)

Довременны были времена,
Как хозяйничал Имир,
Не было ни Моря, ни песков,
Ни прохладных струй,
Не было Земли, ни Неба сверху,
Пасть была, и не было травы.
Не было стеблей, одно жерло!

Перед тем как плоскость вверх подъяли
Первородного сыны,
Те, что создали Мидгард,
Дивный Город Средоточья,
Солнце с Юга засияло
На чертоги сокамнений,
И тогда травой зеленой
Почва обросла.

Пребывали в Идавелли,
В круге действ неутомимых,
Асы, те, кем был воздвигнут,
Высоко оплот святынь.
Очаги они сложили,
И выковывали злато,
И щипцы изготовляли,

И орудья создавали.
И они играли в кости
Во дворе.

Были веселы, и не было
Им в злате недостатка,
До тех пор как три пришли
Исполинши-Девы к ним,
Мощные из Иотунгейма.

ГИБЕЛЬ МИРА И ВОЗРОЖДЕНИЕ

(Voluspa)

Солнце чернеть начинает,
Погружается в Море Земля,
Исчезают с Небес
Лучезарные звезды;
Дым бушует, и, жизни питатель, Огонь,
До самого Неба высокий вздымается зной.

Провидица видит опять,
Как вторично Земля выступает из Моря,
И свежая зелень на ней;
Водопады кипят,
Над ними Орел пролетает,
За рыбой охотясь в горах.

Асы сидят в Идавелли,
О Змее великом их речь,
Сжимающем звеньями Землю,
Вспоминают о мощных событьях,
Вспоминают о том, что о Высшем
Старинные руны гласят.

Находят потом между трав
Золотые чудо-таблицы,
Которыми в оное время
Владели они.

Без посевов — на пашнях хлеба,
Из злого встает улучшенье.

Бальдер придет:
Гедер и Бальдер
В победных чертогах живут
Верховного Рупта,
В доме Богов-Бойцов.
Что еще может знать кто-нибудь?

РЕЧИ ВЫСОКОГО (ОДИНА)

(Эдда)

1

Другом для друга мужчина быть долженствует,
Другом его, и его друзей.
Другом для друга недруга быть да не смеет
Никто понимающий дружбу друзей.

2

Молод я некогда был, блуждал одиноко.
Заплутался в путях.
Богатым сéбе показался, другого нашедши,
Мужчина мужчине есть радость во днях.

3

Не только великое нужно давать человеку,
Можно нередко малым снискать нам хвалу.
Половиною хлеба, вполовину уж выпитым кубком
Друга себе я нашел.

4

Головня головнею живится, огонь огнем,
Пламя играет от пламени.
Мужчина от речи становится более мудрым,
От молчанья тупеет надменного.

5

Огонь наилучшее есть между детей человека,
И солнечный лик,
И здоровье телесное, раз человеку возможно
Без бесчестия жить.

6

Невполне человек злополучен, хотя бы он был больным.
Один сыновьями богат,
Другие друзьями, другие богатством владений,
Иные величием дел.

7

Лучше живому, чем мертвому в мире,
Он еще может иметь стада.
В доме богатого видел огонь в очаге я,
Сам же он мертвый пред дверью лежал.

8

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Не умирает, не ведает смерти одна лишь
Добрая слава людей.

9

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Я знаю одно, что не ведает смерти: —
Приговор над любым, кто мертвец.

БРЕТАНЬ

РЯДЫ

(Друид и ребенок)

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ты хочешь, чтоб спел пред тобой?

— Ты о ряде мне спой одного,
Пока я не запомню его.

— Для счисленья один — ряда нет,
Неизбежность одна, кладезь Бед,
Смерть, а до — ничего больше нет.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ж сегодня мне спеть пред тобой?

— Спой о ряде мне двух, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Два быка, а в упряжке одной,
Пред одною идут скорлупой.
Вот помрут. Видишь их, нежный мой?

— Спой о ряде мне трех, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Тройствен мир, у него три лица,
Три начала и три есть конца,
Муж и дуб ждут того же венца.

Три есть царства Мерлина, и в них
Свет цветов, свет плодов золотых,
В свете дети, с улыбками их.

— Спой про ряд четырех, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Счет четыре — Мерлин, счет камней,
Тех, чтоб меч отточить нам острей,
Чтоб сражать лезвиями мечей.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ты хочешь, чтоб спел пред тобой?

— Спой о ряде пяти, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Пять полос у Земли, пять веков
В океанности наших часов,
У сестры нашей пять маяков.

— Спой о ряде шести, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Шесть младенцев из воска, тень сна,
Их живит своей властью Луна,
Ты не знаешь, я знаю сполна.

Шесть целительных трав в кипятке,
Карлик сок их смешал в котелке,
Палец в рот — слышит все вдалеке.

Спой о ряде семи, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Семь есть солнц, семь есть лун, семь планет,
И Наседка в ряду этих смет,
Семь Стихий, в них мука — точек свет.

— Спой о ряде восьми, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Восемь ветров и восемь огней,
Вместе с Высшим Огнем Майских дней,
Что горят на горе мятежей.

Восемь белых, как пена, телиц,
Выгон их — остров вод без границ,
Восемь их у Царицы цариц.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что мне сызнова спеть пред тобой?

— Спой про ряд девяти, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Девять маленьких рук над гумном,
Возле Башни, где ночью и днем
Стонут матери, девять числом.

Корриганы, — цветы в волосах, —
Пляшут в белом, их девять в ночах,
Близ ключа, в полнолунных лучах.

Кабаниха, семья кабанят,
Девять, хрюкают, роют, ворчат,
А кабан возле яблони, — рад.

— Спой про ряд десяти, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Десять вражьих идут кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вам десять скорбей.

— Ряд одиннадцать спой, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Вон жрецы, глянь, одиннадцать встреч,
То Венеды, с кровавости сеч,
Глянь, у каждого сломанный меч.

В запыленных покровах своих,
В окровавленных, в пятнах густых,
Было триста, — одиннадцать их.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что еще мне пропеть пред тобой?

— Ряд двенадцать мне спой, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

— Месяц к месяцу, знаки сквозь мглу,
Их двенадцать, пропевших хвалу,
И Стрелец уж спускает стрелу.

Знаки, знаков двенадцать, война,
Со звездою Корова, черна,
Весь прошла Лес Останков она.

В грудь вонзилася жалом стрела,
Кровь течет, горяча и светла,
Лик с мычанием вверх подняла.

Рог звучит; огнь и гром; ветр и свет;
Гром и огнь; дождь; утраченный след;
Ничего; ничего; ряда нет.

Вон жрецы, глянь, одиннадцать встреч,
То Венеды с кровавости сеч,
Глянь, у каждого сломанный меч.

Десять вражьих идут кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вам десять скорбей.

Девять маленьких рук над гумном,
Возле Башни, где ночью и днем,
Стонут матери, девять числом.

Восемь белых, как пена, телиц,
Выгон их — остров вод без границ,
Восемь их у Царицы цариц.

Семь есть солнц, семь есть лун, семь планет,
И Наседка в ряду этих смет,
Семь Стихий, в них мука — точек свет.

Шесть целительных трав в кипятке,
Карлик сок их смешал в котелке,
Палец в рот — слышит все вдалеке.

Пять полос у Земли, пять веков,
В океанности наших часов,
У сестры нашей пять маяков.

Счет четыре — Мерлин, счет камней,
Тех, чтоб меч отточить нам острей,
Чтоб сражать лезвиями мечей.

Тройствен мир, у него три лица,
Три начала, и три есть конца,
Муж и дуб ждут того же венца.

Два быка, а в упряжке одной,
Пред одною идут скорлупой.
Вот помрут. Видишь их, нежный мой?

Для счисленья один ряда нет,
Неизбежность одна, кладезь Бед,
Смерть, а до — ничего больше нет.

ПРОРОЧЕСТВО ГВЕНК'ГЛАНА

1

Если Солнце заходит, если Море грозней,
Я пою на пороге перед дверью моей.
В оны дни пел я звонко, пел всю юность мою.
Дни прошли, вот и старость, я пою и пою.
Я пою днем и ночью, для меня нет — доколь,
И, однако, я горе, и, однако, я боль.
Коль главой поникаю, коль страдание я,
Есть на это причина, то не прихоть моя.
Тут не то, чтобы страх был, раз убьют, суждено.
Тут не то, чтобы страх был, жить мне было дано.
Раз меня ты не ищешь, ты меня обретешь,
А когда меня ищешь, ты меня не найдешь.
Что случится, — неважно. Рок сужден, — он с тобой.
Умереть нужно трижды, лишь за этим — покой.

2

Вот я вижу, из леса выступает кабан,
Он хромает, он ранен, у него много ран.
Кровью глотка зияет, а щетина седа,
Вкруг него кабанята, голод — малых страда.
Вот я вижу, навстречу конь выходит морской,
В страхе берег трепещет, волны плещут «На бой»!
Бел и он, белоснежен, а челом сребролит,
Молнегромные ноздри, вал под белым кипит.
Встали кони морские, — пруд с травой, рой густой.
— Конь морской! Крепче, крепче! Бей его! Смело в бой!

Кровь. Нога поскользнулась. Бей сильнее, сильней!
Прямо в голову! Крепче! Кровь ручьем! Бей же! Бей!
До колен кровь доходит! Дли, в багряном, игру!
Бей сильней! Бей сильнее! Отдохнешь поутру!
Конь морской, бей сильнее! Бей сильней! Бей сильней!
Прямо в голову! Крепче! Бей еще! Бей! О! Бей!

3

Я тихонько в могиле спал и спал, мгла росла,
Вдруг в безмолвии ночи я услышал Орла.
Всех орлят созывал он, всех, кто быстр в небесах,
Говорил: Поднимайтесь на своих двух крылах!
Не для мяса гнилого псов, овец, стройтесь в ряд,
Христианского тела наши клювы хотят.
— Ворон моря, поведай, у тебя что в когтях?
— Голова полководца, в красных вроюсь глазах.
У него вырывал я глаза потому,
Что твои он исторгнул, погрузив тебя в тьму.

— Ты, лисица, ответствуй, что там держишь, скажи?
— Я держу его сердце, — как мое, сердце лжи.
Потому это сердце я держу, что оно
Смерть твою поманило, и ты умер давно.
— Ты мне, жаба, промолви, ты во рту у него
Почему притаилась? — Поджидаю его.
Как душа его будет проходить, тут в меня
И войдет, и замкнется до последнего дня.
То — возмездье за злое, что над Бардом свершил,
Он меж Рок'х и Порзгвеном не живет, там, где жил.

ПЬЯНОСТЬ СОЛНЦА И ПЛЯСКА МЕЧА

1

Белое есть вино,
        Так пьяно!
Белое есть вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Красная кровь с вином
        Бьет ключом,
Красная кровь с вином,

Новое пить вино
        Суждено,
Новое пить вино.

Лучше вино, чем мед,
        Жарче бьет,
Лучше вино, чем мед.

Галльский тот сок — живит,
        Яблок спит,
Галльский тот сок — живит.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Галлы, лоза для вас,
        В быстрый час,
Галлы, лоза для вас.

Ты же, Бретонец, пей,
        Пьяность лей,
Ты же Бретонец, пей.

Белое свет-вино
        Нам дано,
Белое свет-вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Кровь и вино слились,
        Вот, зажглись,
Кровь и вино слились.

Белое с красным жжет,
        Пламя вот,
Белое с красным жжет.

Галльская кровь течет,
        Спутан счет,
Галльская кровь течет.

Выпил я кровь с вином,
Пьян огнем,
Выпил я кровь с вином.

Кровь и вино пьянят,
Блещет взгляд,
Кровь и вино пьянят.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

2

Пляска, вино и кровь
Солнцу вновь.
Пляска, вино и кровь.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Пляска, и песнь, и бой,
Круговой,
Пляска, и песнь, и бой.

Пляска меча, кругом,
Жизнь с мечом,
Пляска меча, кругом.

Меч, голубой, как твердь,
Любит смерть,
Меч, голубой, как твердь.

Синяя песнь меча
Горяча,
Синяя песнь меча.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Бой, где владыка — меч,
В вихре сеч,
Бой, где владыка — меч.

Меч властелин людей,
    В битвах дней,
Меч властелин людей.

Радуга пусть горит,
    Меч с ней слит,
Радуга пусть горит.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ЕГИПЕТ

«Предстание пред Ликом Дня», более известное Европейцам как «Книга Мертвых», представляет из себя один из древнейших памятников благоговейной Человеческой Мысли. Молитвенные песнопения, заклинанья и религиозные помыслы, составляющие эту цельную слитность Египетских текстов, были записаны, загадочными письменами, на стенах гробниц и саркофагов, на траурных колоннах, папирусах и амулетах. Египетский народ был одним из самых религиозных народов, когда-либо существовавших на Земле, и цель этих молитвенных в заклинательных надписей — удостоверить благое состояние отшедших за пределами посюсторонней жизни. Тексты эти, главным образом, были найдены в Фивах. Эти благоговейные мысли возникали и светились в Египетских умах в течение многих тысячелетий, — и пяти, и семи, и свыше, — и были одинаково живыми — как перед умственными взорами Фараона, так и пред умственными взорами обыкновенного пахаря или рабочего. Это — мыслительный клад, сиянья которого распространялись одинаково на всех.

Религия древних Египтян, этих поселенцев из погибшей Атлантиды, так же как религия Майев и Мексиканцев, им чрезвычайно родственных, и тоже озаренных запоздалыми зорями Атлантиды, есть религия по преимуществу Солнечная. Благоговейным своим сознанием, Египтяне сливают в одну великую цельность небесные Светила с земными Цветами, Человеческий мир с миром Зверей и Богов, текущее Мгновение с безызмерною Вечностью, и здешнее Сегодня с запредельным Завтра. Поэтому все Искусство Египтян отмечено печатью высокой взнесенности, каждая фигура их живо-

писи, каждое изваяние изумительной их скульптуры, каждая черта всего строя их мысли и их исторического лика — полны тонкой духовности, завершенной идеальности, как завершены в своей красоте, и не могут быть иными, стебель папируса, нежный лотос, строгий стих и математическая фигура.

Гимнов к Солнцу у Египтян много, — кому же и петь хвалы, как не ему, в этой бездождной, но пышно цветущей озаренной долине, — и в каждом гимне они творчески сливают лик Солнца видимого с ликом Солнца духовного, властью которого идут и ведутся миры. Я выбрал отрывки, которые казались мне наиболее отличительными. Кто хочет вполне воспринимать Египетские песнопения, тот должен, конечно, обратиться к изучению Египта, литература о котором подробна и огромна, и при этом находится не в законченности, а в движении. Но многое из красоты этих гимнов просвечивает и для каждого внимательного взгляда, без специальных изучений. Изъяснение тех слов и имен, смысл которых недостаточно явствует из самого текста, я прилагаю.

Ра — Солнце, творец Мироздания. Ветхий деньми, Выходящий из-за горизонта, Содружный с Утренней Звездой, Обожаемый глазами, он в некоторых надписях является более древним, чем самый Небосвод. Главное местопребывание Солнечного культа в Анну [греческое Гелиополис]. Ра обычно изображался в лик человека с головою сокола, увенчанного солнечным диском и уреем [кобра]. В левой руке его — царственный скипетр. В правой — знак жизни, крест тау с вершинным яйцевидным ободком. Зоркий и сильный, змейнопроворный и неуловимый, стройный и вечно живой. Будем как он. Будем как Солнце.

Хепер, или Хепера, Самосозданный, создатель Богов, символ Возрожденья, он есть также одна из ипостасей Восходящего Солнца. Знак его — священный скарабей. Он изображается как человек с священным жуком над головой или с жуком вместо головы. На стенах погребальных зданий он плывет в скользящей ладье Солнца.

Нёт, женская основа небесного Океана, Ну. Она изображается как выгибающая дугою свое звездное тело над Землей, которой она, выгибаясь, касается кончиками пальцев рук и ног. Иногда она изображается также даятельницей молока, коровой.

Ману — гора Заката.

Маат — воплощенье Порядка и Стройности, жена Измерителя, Тота, дочь Ра. Она Властительница Неба, Правительница Земли, и Главенствующая Мира Запредельного. Она изображается как сидящая женщина, с дыбящимся пером Справедливости на голове.

Иногда с повязкою на глазах. В левой рук ее — цветочный скипетр. В правой — знак жизни.

Геру-кхути [Гармахис], Горус с двумя горизонтами, есть одна из ипостасей Солнечного бога, особливо бога Восходящего Солнца, и как таковой представляемый Великим Сфинксом. Он изображается с головою сокола, и с диском, также как с уреем.

Бакхатет — гора Востока, обратный Солнечный полюс по сравнению с горой Ману.

Тот — Лунный бог, изобретатель точных знаний, письмен и искусств. Это он написал священные Книги, и вместе с Изидой обладал великими знаньями в магии. Иногда он является в лике ибиса, но большею частью как человек с головою ибиса, над ней полумесяц и диск, в руках — кисть и перо, или зазубренная отметинами длинная пальмовая ветвь. Греки отождествляли его с Гермесом Трисмегистом, имя которого священно через века для каждого, кто в той или иной мере соприкасается с Тайноведением.

Себау — Лик Демонов, змееликий сонм Дьяволов, врагов Света. Колыхающийся пред лучами, Сумрак лишается рук и ног пред победным ликом Солнца.

Апеп, иначе Апепи, великий многоликий Змей, враг Солнца, и воплощение духовного Зла. Он изображается как Змей, с многочисленными извивами, в каждый из которых воткнут нож. Солнце, встречая Апепа с его воинством, бьется с ним всю ночь до зари. Иногда этот Демон отождествляется с Тифоном. Он силен, темен, и облачен. Лишь огонь и кремневый меч бога Солнца загоняют его в подземные пещеры. Один из его имен есть Ревун. Он изображается слепым.

Абту — священная рыба, которая на гробах и на других погребальных изображениях плывет при носовой части ладьи бога Солнца, также как рыба Ант.

Горус — сын Озириса и Изиды, то изображается как мальчик, то как юноша с головою сокола, Солнечная ипостась.

Озирис, величайшая из всех Сил, бог-царь Египта, даровавший людям свет знания, законы, научивший их молиться и возделывать поля. Сын Неба и Земли, супруг и брат Изиды. С именем Озириса были связаны все упования Египтян на жизнь будущую. Светлый символ Бессмертия.

Исповедь Отрицающаяся. Сень смертная, мир запредельный. Чертог двойной Маатии, то есть Чертог Изиды и сестры ее, Нефтис, символизирующих Правду и Справедливость. В Чертоге сидят или стоят 42 бога, к каждому из них обращается отшедший, и дает отрицательный ответ, — если он может дать отрицательный ответ, — на каждый из 42 основных вопросов, сводящих в одно це-

лое этические представления древних Египтян. В средоточьи кровли, украшенной карнизом из божественных уреев, и перьев, символизирующих Маат, сидит Божество, голубовато-зеленое, с руками распростертыми.

Аменти — Закатный край, страна Заходящего Солнца и Сени Смертной. Ее владыка-Озирис. Через эту Сень Смертную ночью Солнце должно свершать свой путь. Аменти разделено на двенадцать частей, полями, городами, домами, а через все это течет река, по которой, в ладье своей, Солнце совершает обратный путь к Восточному краю. Многочисленные демоны, в лике зверином и человеческом, особливо же в лике змеином, осаждают его путь. «Он, что в Аменти» — есть Озирис в форме мумии. Отшедший, будучи отождествляем с Озирисом, победил всех своих недругов, — и как лучезарносияющий Ра прошел через Ночь, чтобы встать на Востоке, так Египтянин, осуществивший заветы, уйдя из этой жизни, проходит Сень Смертную и вступает в Жизнь Благословенную.

О священной птице Бенну, лучезарной прародительнице эллинского Феникса, и русской Жар-Птицы, есть красивое предание, что эта Возвратная [значение ее имени], — что птица эта с пением вознеслась из пламени, возникшего из особого дерева, и так было волшебно ее пение, что сам Ра слушал ее песню.

Сэт — ночной брат Озириса. Муж Нефтис. В ранние дни он был благоволительным. Позднее он стал не только богом Тьмы, но и богом духовного Зла. В дни упадка Египетского царства имя его, как отвратительное и ненавистное, уничтожалось на памятниках.

Тэм — ипостась Ночного Солнца. Самосозданный, Тэм есть создатель Богов и Человеков.

Изида, чье имя более знаменито среди Европейцев, чем имя кого-либо из Богов Египетских, есть дочь Сэба, Земли, и Нёт, Небосвода, сестра и супруга Озириса. Она всегда изображается как женщина, на голове которой, в виде украшения, трон. Престол есть и гиероглиф для ее имени. Иногда голова ее украшена диском, рогами, и двойной короной. Воплощенье красоты жены и матери. В преданьях о Солнечном боге ее именуют Великой Волшебницей. Нелишенная интереса гипотеза Американского писателя Лё-Плёнжона, сделавшего чрезвычайно ценные раскопки в Уксмале и Чичен-Итца, где мне приходилось говорить о нем с туземцами, считает Изиду одною из Майских цариц, бежавшей из Майи, от преследований влюбленного в нее брата, убившего ее мужа-брата, в Египет, как в родственную Антлантову колонию. Майская живопись и скульптура дают тень правдоподобия такой догадке, которую, однако, трудно принять.

МЕКСИКА

Если Египет озарен золотым, нежно-желтым Солнцем, Мексика вся освещена заревами Солнца алого. В ее гимнах слышишь песню крови. Ее главный бог — Вицтлипохтли, бог Войны, национальный бог Мексиканцев, особливо города Мехико. Он называется также Левша, т. е. Южный. Он явился, и являлся, своим верным, в лике колибри, самой цветистой и самой сильной из птиц, несмотря на свою малость. Птица вечного движения, неустанного полета. Вицтлипохтли — исторгатель сердец, ибо, как известно, в Мексике пленников возводили, с целым рядом религиозных церемоний, на высокие пирамидные теокалли, и там жрец, обсидиановым мечом, высекал у пленного сердце, и приносил это, еще живое, дымящееся, сердце в жертву Солнцу, в чертоги которого, по смерти, возносились погибшие воители.

В «Песни Со-Щитом-Рожденного и Владычицы Земных Людей» рассказывается очень распространенная в древней Мексике легенда о рождении Вицтлипохтли Матерью-Девой. Эта легенда цветовыми и световыми своими эффектами напоминает златоцветную живопись Итальянских примитивов. Грозовой и облачный миф. Вечная борьба змеевидной молнии с чудовищами-тучами, которые она разбивает при их повторном множестве.

Икскосаукви, Желтоликий, или Ксиутекутли, Голубой Владыка, он же Куэцальтцин, Священное Пламя, он же Уэуэтеотль, Древний Бог, он же Тота Наш Отец. Подобно этому и Агни, в «Ведийских Гимнах», четвероглазый бог с медовым языком, зовется богом среди богов, Хранителем, и Нашим Отцом. Мексиканцы говорили о боге Огня, что, будучи отцом всех богов, он пребывает в прибежище Воды, и между цветов, которые суть зубчатые стены между водных облаков.

«Песнь Облачных Змей», проникновенной своей срывчатостью, странно напоминает некоторые из оргийных песен наших Белых Братьев, когда они изображают сошествие Святого Духа.

Богиня Земли, Цигуакоатль, Женщина-Змея. См. о ней мое песнопение, под таковым заглавием, в книге «Птицы в Воздухе», в отделе «Майя». Богиня Койоакана, древней столицы Мексиканских царей. Лик оленя, в котором она между прочим являлась верным, показывает, что она не только Воительница, но и богиня Огня, ибо у Мексиканцев олень означал огонь и огненный дождь. 13 — священное число у Мексиканцев. У жрецов, почитавших бога Воздуха, Кветцалькоатля, был тайный священный календарь с годом в 260 дней — 20 месяцев, по 13-ти дней в месяц. Этот календарь был основан на видимом движении Венеры, которая светила 260 дней

как утренняя звезда и 260 дней как вечерняя. Общий календарь — 18 месяцев по 20-ти дней, с 5-ю добавочными заклятыми днями, в которые ничего нельзя было предпринимать.

«Песнь Богини Рождений» напоминает наши Народные заговоры. В одном из Мексиканских кодексов на черепах изображается богиня агавы, Майяуэль. У ней было четыреста грудей — и она превратилась в агаву.

Ксочипилли, Царь цветов, Цветочный Властитель, был сверстником Макуильксочитля, бога игры, песни, и пляски, а также и любовной страсти. В точнейшем смысле, он бог Произрожденья и Юный Маисовый бог. В одном из кодексов Ксочипилли, в пляске, изображен как бог Манса, рядом с ним темный его товарищ Икстлильтон, бог пляски, против них — бог Ветра, Кветцалькоатль, и богиня Земли, Коатликуэ или Цигуакоатль. Ксочипилли разрисован красным, но верхняя половина лица его — желтая, а на нижней половине, окружая его рот, белым цветом отделяясь от зеленого фона, виднеется фигура мотылька. Он украшен перьями кветцальококскокстли, — птица вроде нашего токующего тетерева. Эта птица поет на рассвете. Саагун приводит чарующие строки: «Уж начало светать, уж утренняя краска поднялась, уж песню начал огненный петух, уж огненная ласточка щебечет, уж вот порхают мотыльки огня». — Не только у Ацтеков, но и у других Мексиканских племен, Утренний бог есть Певец и бог Музыки. — Аииао, аииао, — Ацтекский припев, также как и напевные, полные гипнотизирующей музыкальности, слова в «Песни Бога обновленных Полей».

Тлалок — бог Влаги. О нем также см. «Маиию» в «Птицах в Воздухе».

Чикомекоуатль, Семизмейная, богиня Маиса, есть как бы воплощение числа 7. Это число в ряду чисел 1—13 стоит как раз посередине. Поэтому она означала сердце в человеке. Число 7 — самое счастливое [el setimo numero de todos los signos era bien afortunado y prospero]. Эта песня пелась во время посева маиса. Тамоанчан — Закатный Край, Дом Нисхождения, Дом Рождения.

Ксочикветцаль, Изумрудная Роза, Богиня Цветов и Любви, раньше была супругою бога Дождей, Тлалока, но Дразнитель Двух Сторон, Тецкатлипока, украл ее у него, унес ее на девятое небо, и она стада богинею Любви. Она там царит, в Тамоанчане, растет там цветущее Древо, и воздухи там весьма прохладительные и деликатные. Она покровительница беременных, ткачих, и швей. Не ткут ли стебли свой наряд? Не исполнены ли луга самым узорным вышиваньем? Не таит ли стебель всегда в своем лоне новую, еще не тронутую взглядом, красоту, которую вот-вот он родит, которая вот-вот

засияет своими детскими глазками? Жители теплых долин, в южных частях Мексиканского плоскогорья, праздновали, в нашем месяце Октябре, праздник Ксочикветцаль, и при этом мальчиков и девочек лет девяти-десяти напаивали допьяна, и предоставляли им свершать всякие несдержанности. А разве цветы не посылают друг другу цветочную пыль, едва лишь успеют раскрыться? Тласкальтеки свершали праздник в честь Розы Изумрудной и в честь бога Охоты одновременно, и во время этого праздника много девушек приносили в жертву, и вольные девушки, подруги неженатых воителей, теснились, чтоб принять жертву. Потому богиня Цветов есть покровительница вольных девушек. Богиня, воплощавшая цвет изумрудный, была облечена в богатую одежду, и особым ее знаком было omequetzalli, на темени два пучка перьев изумрудной птицы кветцаль. Тамоанчан, мысленный Запад, египетское Аменти, символизуется в мексиканской живописи сломанным Древом, из раны которого струится кровь. Этот Запад и первичная Родина был Сад. Его постоянный синоним — *Xochitl icacan, где стоят цветы.* Саагун называет его *Рай земной, Paraiso terrenal.* В кодексе Борджиа, сломанное Древо, т. е. лик Тамоанчана, является гиероглифом легендарной птицы, голова которой образует гиероглиф 15-го годового праздника Майи, имя коего есть Моан, или Муан. Моан означает затуманенье, покрытье облаками. Цветы и Любовь уводят Мысль к Древу, и к облачной вершине его, к узорной туче, к огню, что рисует свои изломы в мгновенности, перед паденьем бриллиантовых дождей. Солнечный бог Ксочипилли, третий из девяти владык часов ночных, покрывает все это цветистое счастье своим возрождающим поцелуем.

Пульке, национальный пьянительный напиток Мексиканцев, коим они упиваются изрядно в предместиях города Мехико, и во многих городах и деревнях, в области Ацтеков, Цапотеков, и иных. Это беловатый и сладко-освежительный, перебродивший сок агавы [магэй], их национального растения, из которого они делают решительно все, от пьянственного напитка до циновок под ноги и до орудий молитвенности, каковыми остриями, колючками агавы, они жертвенно пронзали себе уши, язык, и иные части тела своего. Тотохтин, Кролик, бог Пульке, также представлялся и богом Жатвы. Время жатвы естественно совпадало с приятною необходимостью опьяняться. Бог жатвы таким образом становился гением растенья, ликом умиранья и возрожденья Природы, причем самый сон опьяневшего как бы отображал эту временную смерть Природы, оцепенелую смерть, за которой не сразу, но встаешь освеженный. Таким образом, бог Пульке был двуцветный, он разрисовывался красным и черным, он был слитием двух ипостасей, Солнца и Ночи. Пьянс-

твенный кролик находился также в тесном соотношении с Месяцем, который то прибывает, то убывает в своей круговой лунности, в пирной своей осиянности. Бог Пульке был украшен гиероглифом Луны, костяным полукольцом. Он звался также Тецкатцонкатль — бог с зеркалом в волосах, или бог Тецкатцонко, храма с зеркалами на коньке кровли. Опьяненье от Пульке считалось священным. Вместе с соком агавы в человека входил властный демон, и опьяневший был одержимый. — «Песнь Бога Пульке» тоже напоминает, своим таинственным тоном, некоторые из Народных Русских заговоров. В книге фраи Мартина де Леона, изображающего исповедь в Мексике, в те дни как древняя религия Мексиканцев была еще жива, есть интересная подробность: — «Не плескал ли ты пульке в огонь, чтоб зазвездилась она, и чтоб узнал ты что-нибудь, услышав, не плачет ли он?»

Ксипе-Тотек, Земной Бог, есть Дух Полей. Его чествовали во время посева, в начальные дни весны. В это время свершалась жестокая жертва. В гладиаторской игре убивали военнопленного. Кровью его орошали землю, чтоб она была плодородной, а затем устраивался маскированный бал, во время которого жрецы, в особых костюмах, изображали все, что производит Земля. Этот бог был покровитель золотых дел мастеров. Золотая Змея, огненная змея, делающаяся зеленой, означает переход от пустынного зноя к пышной растительности. В Мексике часто, много раз проходишь или проезжаешь по какой-нибудь равнине, и все видишь ее желтой и бесплодной. Отлучишься, а в это время начнется пора летних дождей. Вернешься, и не узнаешь прежней пустыни в этих зеленых оазисах. Так было со мною, когда я увидел окрестности Веракрус, сначала в Феврале, а потом в Мае и в Июне. Какой четкий и живописный образ — сказать о боге Маиса, что он — Вождь несчетных дружин. Так и видишь безбрежное желтое поле с этими мощными полновесными колосьями.

«Песнь Бога Обновленных Полей» — одно из лучших Мексиканских песнопений, в нем слышится голос Земли. Мелодический припев невольно переносит нас в эту живописную страну, где мысли, растенья, и птицы красочны, и где бронзовые люди в каждом цветке чувствуют творящую, поющую, причудливую душу. Во время этого праздника Обновления, перед храмом бога Дождя, Тлалока, помещали водоем, наполненный змеями. Оттуда некие люди, так называемые *мацатеки*, зубами вытаскивали из воды живых змей, танцевали с ними круговую пляску и потом удушали их. Все Боги плясали на этом празднестве, в средоточии же божеского круга — Ксочикветцаль, Цветок изумрудный, богиня поцелуев и расцветных лепестков. И маска за маской проходили в весеннем танце.

Полевые звери, птицы, бабочки, пчелы, жуки и мошки, гроздья плодов, маисовые колосья, за ними бедняки и люди, пораженные Тлалоком, а также птицы, посвященные богине Земли, совы и филины. Змеи в этом празднестве символизировали молнию. Колибри и другие цветные птицы, а также нарядные бабочки, это — души, умерших в битве, воителей. Они вознесутся в чертоги Солнца, побудут там, а потом порхают среди цветов, как мотыльки, или поют, как звенящие птицы, или безмолвно проплывают по Небу, как облака с золотыми краями.

Макуиль-Ксочитль, бог Пяти Цветков, бог Музыки и Игры, брат поцелуйного Ксочипилли. В то время как у Ксочипилли вокруг рта нарисовано изображение мотылька, вокруг рта у Макуиль-Ксочитля видны очертанья человеческой руки, символизирующей число 5. Он также и Ауйатеотль, бог Страсти. Недавно, в Мехико, при раскопках, на том месте, где был главный храм, нашли выкрашенное в красный цвет каменное изваяние этого бога, а вокруг него, тоже выкрашенные в красное, каменные и глиняные изображения музыкальных инструментов. Сделав Цветочного Властителя и Пятицветкового Бога братьями, и поцелуйными благословителями страсти, Мексиканская фантазия сочетала в весеннем нежно-брачном единеньи музыку, пляску, цветы и румяные губы, проникающие к румяным губам.

МАЙЯ

Майские руины, поныне живущие в глубине Центральной Америки, на Юкатанском полуострове, среди лесов Паленке, украшены гиероглифами, причудливость которых доныне еще не вполне разгадана. Однако Ф.-А. де Ларошфуко, в своей книге о Паленке, много сделал для их расшифрования, и его имя должно быть в ряду почетных имен, из которых первое — Брассэр-де-Бурбур, а наиболее важные из новейших — Альфредо Чаверо, Эдуард Сэлер, Август Лё-Плонжон и Целия Нутталь. Барельефные гиероглифы Паленке рассказывают поэму национального освобождения Майев от ига Тольтеков. В Майском календаре, как в Мексиканском, было 18 месяцев, по 20-ти дней в месяц, и 5 дней дополнительных. Этот счет помогает в расшифровке гиероглифов, он дал идею — чтения их треугольником. Священный треугольник, триада, есть ключ к Майским письменам. Среди гиероглифов, покрывающих своими запутанными узорами красивые пластины в храме Солнцепоклонников, изобилуют фигуры раковин, жемчугов, и приморских камешков, голышей. Любопытно, что звук, изображаемый Латинскою бук-

вой *i*, в Майском алфавите имеет почти такое же начертание — дуга с двумя кружочками на каждом конце. Любопытно также, что звук *л* изображается у Майев фигурою эллипса, в которой внутри находится фигура греческого *тау*. «Слово о слове» Майского ваятеля кажется мне самым красноречивым гимном слову, какой где-либо мне приходилось встречать.

ПЕРУ

Подсолнечник, красующийся у нас на полях и в деревенских огородах, стал таким национальным Русским растением, что многие удивятся, если я скажу, что растение это Перуанское, а между тем это именно так. Подсолнечник и гвоздика, золотой цвет и красный, верно навсегда будут нам сиять и рассказывать своим сияньем, что грубая жажда золота однажды повлекла бледноликих хищников за моря, и там невинною кровью они залили узорные золотые сны Мексики и Перу. В Перу еще сильнее, чем в Мексике, был порыв душ к Солнцу, и храмы Солнца и Луны отличались поразительною пышностью. Хоровая песнь Перуанцев к Солнцу весьма типична для них, как своею нежностью, так и слитностью целого народа в одно целое. Перуанская культура представляет много достопримечательных черт, и между прочим любопытна тем, что в Перу каждый человек был поистине частью целого, в Перу не было забытых, как не было голодных, и хорошо ли это, или дурно, но руководящая государственная мысль обнимала, истинным попечением, безусловно всех.

«Владычица Влаги» — отображенье грозового мифа. Перуанский лиризм утончен и нежен, как их гончарное искусство. [В музее Трокадеро, в Париже, есть хорошая коллекция Перуанских ваз.]

Драма «Оллянтай» — один из немногих уцелевших памятников древней Перуанской литературы. Туйя — название одной американской маленькой птицы, которая в Перу, во время жатвы, причиняет значительные ущербы полям.

ХАЛДЕЯ, АССИРИЯ

Заклятье от Семи Губительных Гениев есть лучшее по силе заклинание, какое только есть во всемирной сокровищнице заговоров. Литература заклинаний вообще очень богата в Халдее. В ветрах пустынь есть много сказок, и много губительных веяний.

Эа — Морской царь и Владыка мудрости.

Мирри-Дугга, иначе Мардук, есть Солнечный бог. Ипостась Бэла.

Ассирийцы, так же, как древние Иудеи, живописны в своем упоении кровью, битвами, издевательством над побежденным врагом. Все в словах Ассириянина выпукло, наивно в жестокой грубости, полновесно, как топор. Живопись Ассирийская, и стенные их украшения, это летопись крови, легенда убийства, узор войны, охоты и палачества. И вся Ассирия, в историческом лике своем, есть излюбленная фигура, созданная Ассирийским искусством: лев, пронзенный копьем, и в последней ярости бессильно грызущий древко, пронзившего его копья.

ИНДИЯ, ИРАН

Две прекрасные братские страны, родные нам, Европейцам, два великие народа, полные благородства мысли, уваженья к Человеческому Лику, влюбленности в Небо и Землю, в зиждительный труд, в красивое устроение жизни, благое, светлое, светоносное. Два великие утверждения, два завета, на которые можно опереться, мысля о созданьи красивой справедливости, мысля о весенней жизни на Земле и о весенней Жизни за ее пределами.

Два братские народа, развив до полноты, каждый, единственный и неповторяемый лик свой, оба коснулись грани, полюса. Индия, будучи живой, постигла то, что связано с Полюсом Смерти. Иран, боле преданный земному, воплотил в своем религиозно-поэтическом творчестве очарование Жизни. Но как Индия, так и Иран, молятся Огню и Солнцу, мысли Парсов и мысли Индусов исполнены сияний, пряного запаха цветов, и свежего запаха полевых злаков. Только в утонченном поэтическом и философском восприятии Индусов более ощущается пьяный запах цветов, или боль сердца, в котором опьянение кончилось, а в полном мужественности жизнестроительстве Парсов, влюбленников Земли, чувствуется вся красота возделанного поля, поэзия тяжелого снопа. Но как у Индусов есть *сома*, так у Парсов есть *гаома*, духовный цвет — и тех и других — ведет к светлым экстатическим состояниям и вводит их в стройное Миропознание. И Начикетас, так же, как Заратустра, у самой Смерти исторг слова, которые хочется всегда слушать, и которые сочетают смерть с жизнью — светлою перевязью, морскими жемчугами, земными изумрудами, и всеозаряющими бриллиантами и сафирами Неба.

КИТАЙ

Китай, так же, как Египет, тысячи лет тому назад пережил то, к чему мы еще приближаемся, или только приблизимся, в нашем историческом Завтра. Китайская живопись, Китайская поэзия, и Китайская мудрость известны нам, сколько-нибудь, лишь по своему отображению в Японской призме. Мы еле-еле знаем, что та воздушность, утонченность и одухотворенность чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, например, восхищаемся в Японской живописи, в гораздо большей степени, и как в первоисточнике, существуют в том Солнечном царстве, чье имя Китай. Словам Китайского мудреца, Лаотце, уже за 3000 лет, а в них дышет свежесть задумавшегося Сегодня. И «Чи-Кинг», «Книга Стихов», ость собрание Китайских Народных Песен, которые начали собирать по благому почину императора Йя около 5000 лет тому назад. У Китайских императоров была счастливая мысль — ездить из области в область, слушать песни, которые поет Китайский народ, и поручать сведущим лицам собирать их в сборники. Так возникло это песнехранилище, «Чи-Кинг».

Уанг-Чанг-Линг, Тху-Фу, и царь Китайских поэтов, Ли-Тай-Пе, жили в первую половину нашей эры, а именно в 8-м веке. Ли-Тай-Пе был поэт-бродяга, предпочитавший вольность полей и дороги царскому дворцу.

ОКЕАНИЯ

Я готовлю в данное время целую книгу легенд, и книгу Мексиканских преданий. Океанийские космогонии, особенно космогонии Черных, как она отобразилась в Австралийских легендах, отличаются необычайною роскошью фантазии и первобытною свежестью. Хочется сказать, что, как Австралийские бабочки самые богатые по узорности и красочности крыльев, так и в Австралийских легендах светят мысли единственные по причудливости мечты, каких нигде не найдешь, — разве в Мексике, с которою эти области Черных имеют странное сродство.

ЭЛЛАДА

Мистические гимны Орфея имеются в чрезвычайно ценном издании Английского ученого Томаса Тэйлора [1787]. Есть современное издание этой книги, перепечатанное Английским Теософским Обществом [Лондон, 1896]. Хорошие издания отрывков, сохранив-

шихся из нежно-медового творчества Сафо, есть между прочим в Италии, с которой ее лик так гармонирует. Например, Л. А. Микельанджели, Болонья, 1889.

СКАНДИНАВИЯ

Скандинавской «Эдде» также мною будет посвящен в «Пантеоне» особый выпуск, равно как Скандинавским народным сказкам.

Нет Норвежца, который не знал бы слов, составляющих «Речи Высокого». И если перед Норвежцем прочтешь наизусть слова Одина о дружбе, Скандинав прослушает их, как слушают псалом.

БРЕТАНЬ

Кельтийские жрецы, Друиды, были не только вещунами-жрецами, но и духовными возрастителями Бретонского детства и Бретонской юности. Они говорили возрастающим о Звездах, о Луне и Солнце, и учили их мерить Землю Небом, и Небо ставили в звездную связь с Землей.

Загадка и образ — обычный язык Бретонцев. Они мыслят символами. Размер напевный в священных стихах Друидов, или вернее один из размеров излюбленных, троезвучие, третьей повторной рифмой усиливающее мысль и подчеркивающее достигнутую взволнованность чувств. «Ряды» один из наилучших образцов Бретонского поэтического творчества. Распутать все загадки, скрывающиеся в этом песнопении, довольно затруднительно. Делаю, что могу. Причем некоторые истолкования заимствую у собирателя Бретонских народных песен, виконта Эрсара Де-Ля-Вильмарка, в некоторых же совершенно с ним разнствую. Один, Единственный — был верховный бог Друидов. Это был их Отец, Фатум, Судьба. — Два быка — День и Ночь, скорлупа — корабль наших Суток. — Три начала и конца, — в миропонимании Бардов человек рождается и умирает трижды, во свершении полного развития своего человеческого лика во Времени и Пространстве. Дуб в поэзии Бардов означает не только дерево дуб, но и служит символическим означением друида. Три царства Мерлина — друидический Рай. — Счет четыре — Мерлин, ибо Мерлин подарил Бретонцам 13 талисманов, в том числе четыре камня, сводящиеся к одному волшебному камню. Этот талисман переходил по наследству к Арморикапским вождям. Если храбрый чуть-чуть касался этого камня, его меч мог рассекать даже сталь. Каждый, кто был ранен таким мечом, умирал мгновенно. Но, если этого камня касался своим мечом трус, его меч тотчас

же превращался в пыль. — Пять полос у Земли, — Друидам было известно, сколько частей света. Пять соответствующих эпох. Пять маяков у Сестры нашей, Морской водности. — Младенцы из воска, числом шесть, страшные куклы из воска, употреблявшиеся в старину — и употребляющиеся ныне — в черной магии, для погубления врага. Кто хотел извести недруга томленьем и тоской, тот делал такую куклу, запеленывал ее и отдавал юной девушке. Та носила ее на лоне своем девять месяцев. По истечении их, недобрый священник крестил такого младенца в мельничной воде, при свете Луны, под жерновом. На лбу его писали имя недруга, на спине имя Демона, и заклинанье свершалось. Не означают ли эти шесть восковых младенцев — шесть месяцев года, с парными дополнительными шестью? Руководимые Луною, и воплощая тень сна, — а жизнь есть сон, — они тают, ибо тает воск, и так без конца. Шесть целебных трав у Друидов — белена, самол, вербена, омела, первоцвет, и трилистник. Карлик Бретонской легенды постиг язык всех вещей, когда три капли кипятившегося волшебного напитка брызнули ему на руку, и он поднес палец к губам. Подобно этому и Сигурди, отведав крови убитого им Фафнира, стал понимать язык птиц. Подобные же есть и Русские народные сказки. — Число 7 священно у всех народов, и роль его в Космогониях и в размерениях времени общеизвестна. Барды насчитывали семь Стихий: Земля, Вода, Огонь, Воздух, Туманы, Ветер и Атомы. — Восемь — священное число огней. Семь огней поддерживали Друиды в храмах беспрерывно, восьмой же был священный огонь Бель-тан, который они зажигали в Мае, на высотах, в честь Солнца. На Бретонском острове Мон почитали богиню Владычицу владычиц, и у нее было восемь белых священных телиц. — Ряд 9 особенно означителен. Число материнства. Восходящая круговая башня — символ Жизни. На гумне вымолачивают поспевшие колосья, и свежее золотистое зерно открывает собою новую жизнь. Впрочем, в Порз-Кеинане, что значит Гавань Сетований, некогда, около башни приносили в жертву детей. Историческое предание таким образом сливается с естественным символизмом бытия. Корриганы, или Горриганы, суть маленькие гномы и феи Бретонской фантазии. Они танцуют свои пляски у воды, при свете Луны, как Литовские Вандиннии. Кабан — столь же обычный образ в Бретонской поэзии, как медведь и волк в нашей, слон и тигр — в Индусской, или кролик, пума и змея — в Мексиканской. — Ряд 10 и ряд 11 говорят о роковых для Венедов событиях. — 12 — число Зодиака, число годового круговозврата, и символ гибели дней в Году. Черная Корова с белою звездой, проходящая Лес Останков, и пораженная стрелою в грудь, — какой изумительный, первичною силой дышащий, образ завершенного Года! И за этим ма-

жорное торжество звуков и светов, звучащий рог, огонь и гром, ветер и свет, дождь, и ничего, ничего больше. Застывшее в тайне человеческое лицо, и брызнувшие слезы из глаз. И всего страшнее этот обратный путь видений увиденного, это обратное шествие — отшествие рядов, 11, 9, 7, 4, 2, 1, ничего. Смерть, а до — ничего больше нет. Как будто колдун, в заклинании, вызвал на миг перед взором глядящего двенадцать таинственных призраков, и потом, мановеньем руки, отпускает обратно одного за другим. И снова под Луною равнина пуста.

Гвенк'Глан существовал воистину. Он жил в эпоху борьбы Христианства с религией Друидов. Он был ослеплен своим врагом, предсказал его гибель, и враг погиб. Он глубоко ненавидел Христиан, и предсказал их гибель. В его пророчестве дышет такая сила, как будто не одинокая человеческая душа, а дух Луны или Звезды скорбит здесь.

«Пьяность Солнца и Пляска меча» пелась под стук мечей, в то время как стройные юноши кружились в пляске, и, не прекращая ее, подбрасывали в воздух меч и налету ловили его. Гимн — Лезвию.

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ИСПАНЕЦ – ПЕСНЯ

От речи мы требуем логики, от песни — полета. Речь есть разумное строительство, песня есть срыв и безумие. Неуместны в речи вскрики, в песне хороши все вопли, когда они музыкальны. Взгляните на испанца как на песню — вам все будет понятно в его нраве и в его фантастической истории. У испанца одна только логика — логика чувства, у него одно лишь построение — план войны, которая все разрушает, он весь в порыве, в безумье хотенья. Взглянуть, пожелать, побежать, схватить. Отметить чужое как свое. Завладев, разметать и остаться, как прежде, вольным и нищим. Один лирический взмах.

Испанский язык — самый певучий и красочный из всех европейских языков. Змеино-вкрадчив и внезапно-мужествен. Женски-лукав и рыцарски-прям. Сладок, как скрипка и флейта, а вдруг в нем бой барабанов. Влюбит — и стрелы пускает отравленные. Поцелует — и острым взмахнет лезвием. Такие есть в Мексике цветы — к ним нельзя прикоснуться, не обрезавшись и не исколовшись.

В испанском языке есть вся напевность нежной итальянской речи, но еще в нем чувствуется жгучий ветер, прилетевший из Африки, дикий порыв арабской стремительности, мешающий ему стать изнеженным и вечно напоминающий о битвах. В нем есть также дуновения древнейших иберийских влияний, уводящие нас вовсе от наших дней — к алым зорям и расцветам Атлантиды.

Испанец не похож на европейца. В нем есть что-то, что делает его совершенно иным. Глаза, которые видят, руки, которые берут, воистину берут. Во всем цельность и непосредственность прикосновения. Он душой осязает, как мы осязаем телом. Словами целует. Плывет в пустынных морях испанский корабль, видят матросы остров, женские лица на нем, а где же мужчины? Их нет, и испанец со

смехом и детски дивуясь воскликнул: «Mujeres!» — «Женщины!» Кажется, что в том, чтоб так воскликнуть? Ничего и что-то. Ибо вот прошли столетия, а остров этот так и зовется «Женщины», женским остался он островом.

Испанцы на нас не похожи. Мне вспоминается одно из моих путевых впечатлений.

В зимний день, в конце января, я уезжал из Гамбурга в Мексику на большом океанском корабле «Принц Иоахим» общества «Hamburg-Amerika-Linie». Публика была ультраевропейская. Немцы, еще немцы и еще немцы. Итальянский авантюрист, французский коммерсант с острова Кубы, несколько англичанок с младенцами, воцарившихся на корабле решительно и импозантно, ибо ведь Англия — царица морей, и двое недовольных. Русские, из которых один — я. Недовольны же мы были потому, что, в русской наивности, думали как сядем на корабль, так и будет там все по-особенному, уж почти что будем в Мексике. А тут самая низкая Европа. И печально алело закатное солнце нашего Севера, когда корабль отплывал по густо-синему морю, расталкивая пловучие льдины. И вот, через сколько-то круговратностей часов, мы заехали в испанский портовый город Корунью. И сразу — сказка. Сбросив с себя тюремный костюм, или что то же — шуба, без всяких лишних покрышек мы бродили по нежному цветущему саду, смотрели на белые арумы, на пестрые ромашки, на нежную лазурь ирисов, на иные цветы, золотые и красные. А вечером, когда мы отплыли далее, вся первоклассная международная публика забыла о своих обычных разговорах и, застывши, в молчаньи смотрела и слушала; на палубе, там, где не слишком уютно, огромная толпа испанских эмигрантов предавалась детскому веселью: покидая свою родину, быть может, навсегда, испанцы, многие полуоборванные, плясали и пели под аккомпанемент неизбежной гитары. И столько было чего-то беззаветного, безудержного в этих коротеньких, быстро сменявшихся песенках, столько воли было в этих коротких энергических вскриках и метких насмешках, столько красоты было и нежной чувственности в разнообразных движениях многоименного, разноликого испанского танца, что думать о чем-либо ином, когда пели и плясали испанцы, было невозможно. Один, уж почти что солидный, молодой немецкий купец, перегнувшись через перила лесенки, от прогулки первоклассников вниз, долго глядел на молодую испанку, долго вызывал у нее своею фигурою смех, наконец, не вытерпел и крикнул по-испански: «Почему, сеньорита, вы смеетесь надо мной?» — «Потому что сеньор так наклонился, что свалится, пожалуй, в Испанию», — ответила она тотчас при общем смехе — и через секунду уже забыла его в движениях своей пляски, а его сердце во-

истину свалилось в Испанию, как тяжесть с горы, обрадовавшись, что, наконец, нашелся узывчивый стройный уклон, на который вступив непременно покатишься вниз.

Испанцы все свои ощущения связывают с песней, как радостные, так и темноцветные. Любят — поют, ненавидят — поют, тоскуют — напевом, целуют — созвучьем. Как говорится в одной испанской песне:

У меня покорно сердце,
Исполняет все веленья:
«Плачь», скажу — и сердце плачет,
«Пой», скажу — оно поет.

Об этой общей испанцам склонности претворять свои ощущения во внезапно рождающуюся песню хорошо говорит в одной из своих книг собиратель испанских народных песен, Франсиско Родригес Марин: «В Испании, прежде всего в области Андалусской, где, как в Сицилии, *tutto parla di poesia*, поистине изумительна поэтическая плодовитость народа, так же как необычайная его легкость в творчестве. Города и деревни все, где молодежь обоего пола в веселых ночных собраниях, зимою освещенных классической свечой, а летом серебряной луной, влюбляется, ссорится, бранится, взаимно насмехается, в непрерывной перестрелке четырехстрочных песенок. Вряд ли встретится какая-нибудь мысль, для выражения которой они не нашли бы подходящей песни. Если не знают, импровизируют; если импровизация неудачна, она теряется так же быстро, как смолкает голос, который ее пропел; если же она хороша, если вполне отвечает особому состоянию души, если в песне замкнута оригинальная мысль, заслуживающая труда быть сохраненной, новой песенке выпадает счастливая судьба: на следующий день ее повторяют все в деревне, а десять лет спустя поет ее весь полуостров, и полувеком позднее она находит соответствия в народных литературах почти всех стран».

В объемистой пятитомной коллекции Франсиско Родригес Марин собрал всю эту сокровищницу испанского поэтического творчества: Cantos Populares Espanoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodriguez Marin. 5 tomos. Sevilla. 1882. По полноте своей это собрание может быть сравнено с такими собраниями русских народных песен, какие дали нам Шеин и профессор Соболевский, но собрание Марина, как приобретение в области народознания, имеет еще и ту ценность, что в нем огромное множество изъяснительных замечаний и параллелей из португальского фольклора, сицилийского и общеитальянского. Песни, собранные Марином, об-

нимают полнозвучностью тем и настроений. Колыбельные песни, детские игры, загадки, бранности, заклинанья, заговоры, влюбленность, признания, нежность, ревность, серенады, ненависть, презрение, примирение, любовные советы, пляски, исторические песни, местные и прочее и прочее. Из всего этого разнообразия я беру один основной момент — любовь — с его естественным дополнением — ненавистью. Любовь и ненависть по природе своей однородны, но только ненависть есть обратный лик любви. Одно есть от Бога, другое от Дьявола, одно есть прямое, другое — опрокинутое.

Вспоминаю то, что я говорил когда-то об испанских народных песнях, печатая впервые небольшое их собрание в своей книге «Горные вершины».

Немногословные и яркие испанские песни, созданные безымянными поэтами из народа, можно было бы назвать «Цветами влюбленных». Они так же исполнены любовью, как воздух весны — ароматом расцветших растений.

Испанская манера выражать любовь резко отличается от манеры, свойственной нам, северянам. В северных странах очертания предметов окутаны дымкой. В странах, озаренных жгучим солнцем, очертания предметов предстают отчетливо, со всеми их крупными и мелкими подробностями. Эта истина повторяется и в мире природы, и в жизни души. Норвежские горы и фьорды, русские леса и равнины так же туманны и загадочны, как души их обитателей, печальные души, полные пропастей и всегда недосказанных слов, всегда недовершенных сновидений. Воздушные окрестности Неаполя, залитая солнцем природа Андалузии отчетливы и ясны в своей красоте, — они полны тех же определенных эффектов светотени, которые восхищают нас в быстрых переходах от гнева к нежности и от ласки к ревности, составляющих неизбежную черту полудиких красивых южан. Когда северянин влюблен, он просто чувствует красоту любимой женщины, он получает общее впечатление ее очарования. Если он на чем-нибудь остановит детальное внимание, это, конечно, будут глаза, вечно глаза, только глаза, потому что души через взгляды легче всего соприкасаются одна с другой. Но южанин видит все лицо, и для каждой отдельной части его он находит чарующий образ. Он видит, что губы напоминают гвоздику, любимый цветок испанцев, что рот напоминает закрывшиеся лепестки, что зубы — как жемчуг в темнице из кораллов, и он описывает подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Он говорит о глазах. Но вы думаете, что глаза — не более как глаза? Какая ошибка! Глаза состоят из зрачка, всегда переменчивого, из белка с синими жилками, напоминающими облачное небо, из острых, как иглы, ресниц, черных, как ночь, из бровей, похожих на луну в новолуние.

Что для северянина одновременно — начало и конец, то для южанина превращается в длинную цепь отдельных звеньев: он разъединяет начало и конец, заполняя промежуточное пространство цельными в своей частичности впечатлениями.

Безымянные певцы из среды испанского народа сходятся в этом отношении с лучшими образцами любовной лирики.

Взгляните, как индийские поэты описывают тип совершенной женщины, чье имя Падмини, женщина — лотос (Kâmasûtram). Она прекрасна, как нераскрывшийся лотос, как наслаждение. У нее стройный стан и поступь лебедя. Ее голос как пение птицы, манящей другую, ее слова — как сладостная сома. От нее исходит дыхание мускуса, и за нею летит золотая пчела, кружась над ней, как над цветком, таящим нежный запах меда. Ее длинные шелковистые волосы волнисты; они благоуханны сами по себе, и лицо ее окружено ими, как лунный диск в полнолуние. Ее глаза, чей разрез прекрасен, блестящи, нежны и пугливы, как глаза газели; черные, как ночь, их зрачки горят в глубине орбит, как звезды в мрачном небе; их длинные ресницы дают взгляду силу притягательную. Ее чувственные губы розовы, как венчик нерасцветшего цветка, или красны, как красные плоды. Ее белые зубы как аравийский жемчуг; улыбнется — и они как жемчужные четки в оправе из коралла. Изящная, как воздушный лепесток, она любит белые одежды, белые цветы, красивые драгоценности и богатые наряды.

Совершенно так же и в «Песни Песней» мы видим, как великий царственный поэт, плененный смуглою дочерью пустыни, воссоздает перед нами, в частичных гимнах, образ своей возлюбленной, чьи поцелуи слаще мирры и вина. И Шелли, в поэме «Эпипсихидион», отдается тому же побуждению, когда, описывая идеальную Эмилию Вивиани, он нагромождает один образ на другой. И Эдгар По в своей гениальной фантазии «Лигейя», рисуя сказочную женщину, создает поэму женского лица.

Мы имеем здесь дело с той способностью человеческой души, которую я назову радостью многогранности и — как ни страшно научное слово — назову еще усладою классификации. Эта способность проявляется у людей влюбленных, у людей, страстно любящих что-нибудь, понуждаемых этой исключительной любовью к непрерывному созерцанию любимого, а отсюда к открытию в том, что любишь, вечно новых и новых оттенков. Эта способность составляет неотъемлемую черту целых народов, которые по страстности своей всегда находятся в космической влюбленности. Мы, северяне, мы, белолицые, бледные, смотря на родную природу, куда как односложны в наименованиях. Видим иву, скажем — плакучая ива, ветвистая ива и снова — плакучая ива. Лесную красавицу

нашу, березу, называем белой березой, кудрявой, скажем иногда — тонкоствольная береза, сравним иногда березу с молодою девушкой. Дальше не пойдем. Вырвется у нас, в счастливую минуту, пять-шесть определений, и затем северная мысль вступает в круг повторностей. Возьмите индусскую фантазию, индусскую восприимчивость, и вы увидите нечто совершенно иное. Каждому растению индус, кроме основного названия, дает еще целый ряд других. (См., например, Hector Dufrené. La Flore Sanscrite. Paris. 1887.) Бамбук для индуса не только бамбук, но еще — жадный до воды; узлистый; стеблеподобный; древо для лука; на крайних ветвях плодоносный; семя смерти; цепко за землю схватившийся; чей плод похож на ячмень; звучащий; зародыш огня; множество; великая трава; благополучие дающий; добрый узел; возлюбленный царями; враг врага. И в то время, как мы о водной лилии говорим лишь, что она белая да чистая, индус говорит о священном лотосе: друг черной пчелы; черный корень; радость земная; водный камыш; луна; из вод растущий; воду покрывающий; рождающийся в воде; из влаги исшедший; водой порожденный; прудовой; вода; влага; подобный оку; столистный; тысячелистный; обиталище весны; пребывание Лакшми (богини красоты); солнечный дар; красотою возлюбленный; лучезарный; богатство; округлый лист; богатый лист; лист огня.

Подобно этому, испанская мысль, прикасаясь к чему-нибудь, открывает все новые и новые стороны предмета, параллелизирует и без конца тешится сравнениями, наряжает избранный предмет то в один образ, то в другой. Как рождается любовь?

Любовь родится в зрении,
Растет из обращенья,
Ее питает ревность,
И смерть ей — в оскорбленьи.
Когда ж она умрет,
Тут новая любовь
Зарыть ее несет.

Вечность круговорота. Из любви умершей рождается новая любовь, как из пожелтевшего осенью листка, через падение его на землю, возникает новый изумрудный побег, и в новом весеннем ветерке будут без конца качаться свежие зеленые листки и стебельки, играя переливами и уводя мысль в мечту.

Если любовь питается ревностью — и чем не питается она? — конечно, она должна гореть неугасимо, ибо здесь мы касаемся бездонности.

В колодец ревности
Спустился я испить,
Испил там ревности,
Мне с жаждой вечно быть.

И если влюбленная мечта поет, что, когда любовь умирает, гробовщиком ей служит новая любовь, та же мечта, капризно себе противореча, говорит, что, в конце концов, любовь и вовсе не может умереть, пришла — так уж так и останется, ничем ее не выгонишь.

Тоска убивает тоску,
Печаль убивает печаль,
Гвоздь выбивает гвоздь,
Любовь не выбьет любовь.

Любовь, в сущности, ничего о себе не знает, она лишь познает себя, беспрерывно, вспышками, вечно играет сама с собою в прятки, теряет себя и находит. В отделе «Испанских народных песен», носящем название «Teoria y consejos amatorios», «Теория и советы любовные», есть определительное в этом смысле четверостишие.

Любовь ребенком изображают,
Глаза повязкою покрыты,
Вот почему всегда влюбленный
Живет в потемках и в слепоте.

Без конца ощупывая в слепоте самое себя, любовь дает себе многоразличные определения.

Любовь есть ребенок: когда родится, ей малого довольно, а потом давай все больше и больше. Любовь есть червь: войдет через глаза, дойдет до сердца и смертные причиняет муки. Любовь — зловредный червь: укусит — не найдешь в аптеке лекарства. Любовь — червоточина: овладевает человеком распространяясь. Любовь — моль: кормится тем, из чего рождается, и всегда грызет то, что ее породило. Любовь — паук: родившись, питается собственным ядом, а мы, полюбив, живем умирая. Любовь — осторожный паук: забравшись в тайный уголок души, она раскидывает свои паутинки так незаметно, что и самый мудрый не сумеет обрезать нить. Любовь — рыба: много острых костей выпадает на долю влюбленных. Любовь — гора: очень высокая, и трудно взойти на вершину, а раз наверху, ежеминутно можно сорваться. Любовь — тропинка заводящая: кто по ней идет наиболее прямо, тот наиболее теряется. Любовь — веселый луг: войдешь — изумлен развлечениями. Любовь — поле: сохнет от зноя, а брызнули капли — цветет. Любовь —

огонь неугасимый: чем больше горит, себя сжигая, тем ярче горит. Любовь — огонь и вместе дым: огонь, если пламени в двух сердцах горят, и черный дым, если одно лишь сердце чувствует пытку. Любовь — пламя непонятное: дыма не видно, а пожар весь в заревах. Любовь — одних освежает, другие — в ней тонут. Любовь — мед, и любовь — желчь. Любовь — книга: прочтешь первые листы — в страхе и ужасе, а дойдешь до середины и забота пропала. Любовь — колесо вечно вращающееся: одних поднимает, других опускает, бойтесь, многих заставило вниз покатиться. Любовь — табак: никто куренье не бросит, а многим хотелось бы, и тот, кто на время бросает, курит с наибольшею страстью. Любовь — азартная игра: сколько обыгранных. Любовь — школа разочарований: здесь и самые мудрые поучаются, но, сколько бы ни поучались, неисправимые слепцы, всегда забывают науку. Любовь — воображаемые монеты: никто их не видит, а торговля идет своим порядком. Любовь — торговля, основанная на банкротстве: кто выигрывает, тот теряет, и, в конце концов, если есть какой-нибудь барыш, его уносит Дьявол. Любовь — ремесло без выучки: знает его и старый и малый, в мастерских этого ремесла наилучшие учителя — женщины. Любовь — комедия, и так как нет хорошей комедии без репетиций, первая любовь требует второй, а затем — число увлекает. Любовь — луна: от новолунья — до новолунья, ущерб — и снова. Любовь — величайшая эпидемия, какая существовала в мире; кто ее не знал. И наконец —

Любовь есть тяжба,
Судись, коль хочешь, —
При пересмотре
Ее теряешь.

А если потерял, струна сейчас же запоет —

Сердце без любви —
Растение без плода,
Несчастный, что не любит,
Зачем живет он в мире?

Испанские народные песни, будут ли это трехстрочные soleares, или четырехстрочные coplas, или семистрочные seguidillas, — три обычных ритма испанского поэтического творчества, — всегда воздушны, тонки по настроениям и зеркальны в своей озаренности. В одной сэгидилье ревнующая девушка говорит своему милому:

— На луну я взглянула,
И увидела в ней,
Что влюблен ты в другую
И тешишься с ней.
— Кто тебе рассказал это?
— Мне никто не сказал это,
Там в луне, я увидела в ней.

Любящая душа связана со всем миром, отовсюду воспринимает тайные влияния и делается воздушно-проникновенной. Это зеркально-лунное ясновидение испанской девушки означительно для всего народного творчества Испании, и оно напоминает в то же время прелестную монгольскую песню «Зеркало», которой я закончу эти строки.

Я коня вороного тебе оседлала,
Отточила твой нож, заострила копье.
Если нужно, так в путь, встреть змеиное жало,
Но в бою не забудь ту, чье сердце — твое.
Как в том зеркальце малом, в том зеркальце чудном,
Что мне с ярмарки раз ты из Кяхты привез,
Обещай мне, что буду в пути многотрудном
Отражаться в душе твоей, в зеркале грез.
Прежде чем ты уедешь, мне дай обещанье
Каждый вечер смотреть, в третий час, на луну,
В этот час, как ее так зеркально сиянье,
Ты гляди в серебро, ты гляди в глубину.
Прежде чем ты уедешь, тебе обещанье
Так же дам, что смотреть, в трети час, на луну
Каждый вечер я буду, завидев сиянье,
В тот серебряный круг, в ту ее глубину.
Каждый вечер твои буду чувствовать очи,
Каждый вечер глаза будешь чуять мои,
И взаправду луна, в приближении ночи,
Будет зеркалом нам, в серебре, в забытьи.
Каждый вечер увижу коня вороного,
И тебя в том краю, где играет война,
Каждый вечер увидишь ты снова и снова,
Как тебя я люблю, как тебе я верна.

К. Бальмонт

Париж, Пасси, 60, улица Башни.
1908. Июнь, 3—4

ИСПАНСКИЕ ПЕСНИ

— Кто-нибудь нас слышит? — Нет.
— Поболтаем, хочешь? — Да.
— У тебя есть милый? — Нет.
— Хочешь, я им буду? — Да.

Испанская песенка

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

1

Мать, что тебя породила,
Ранняя роза была,
Она лепесток обронила,
Когда тебя родила.

2

С головы до ног
Ты один цветок.
О, счастлива мать,
Чья такая дочь.

3

Когда ты проходишь по улице,
Говоря со своими друзьями,
Ты как будто король надо всеми,
И нежен зеркальный мой лик.

4

Приходит Март с цветами;
И с розами Апрель,
И Май, он весь в гвоздиках,
Чтоб увенчать тебя,

5

Чуть вошел в твою улицу,
Королевой зову тебя,
Приношу, чтоб венчать тебя,
Ветви пальмы и лилии.

6

Сбрось, молю, мантилью эту,
Дай мне волосы увидеть:
Для того, чтоб видеть образ,
Ткань с него отодвигают.

7

Волна твоих волос
Есть цепь для многих душ;
Когда распустишь их,
Ты вяжешь цепь тесней.

8

Кудри украла
Светлянка у солнца,
У меня же украла
Сердце и жизнь.

9

Белок твоих глаз
С лазурными жилками —
Как будто бы небо
В тот день, когда облачно.

10

Эти синие глазенки
Ты украла у небес,
Небу дашь отчет за козни
Этих хитрых двух повес.

11

Твои глаза — лазурные,
Глаза благословенные,
Мои глядят и молятся,
И просят милосердия.

12

Твои глаза — два зеркала,
Я в них смотрюсь. Постой.
Не закрывай их, жизнь моя.
Не закрывай. Открой.

13

Глаза моей смуглянки —
Как горести мои:
Большие, как печали,
И черные, как думы.

14

Брови твои — как две новых луны,
Очи — две утренних ярких звезды,
Светят и ночью, и днем,
Светлей, чем на небе родном.

15

Звезд на небе, звезд на небе —
Тысяча и семь,
А твои считая очи —
Тысяча и девять.

16

Гаснет, гаснет луна. —
— Пусть ее погасает.
Луна, что меня освещает,
Здесь у окна.

17

Твои глаза — разбойники,
Воруют, убивают,
Ресницы — горы темные,
Разбойников скрывают.

18

Зачем вы, черные глаза,
Зачем на исповедь нейдете?
Вы столько крадете сердец,
И стольких каждый миг убьет.

19

Твои ресницы, крошка,
Пригоршни острых игол:
Чуть только ты посмотришь,
И душу мне пронзишь.

20

Ресницы глаз твоих
Черны, как мавританки,
Среди ресниц твоих
Мерцают две звезды.

21

Твой нежный рот — тюрьма,
Темница без ключей,
В нем узники — жемчужины,
В нем из кораллов дверь.

22

Твой нежный рот такого
Исполнен чpraванья,
Что мой схватиться хочет
С ним в битве поцелуев.

23

Твой рот, моя малютка,
Закрывшийся цветок,
О, если б поцелуем
Его раскрыть я мог.

24

Губы твои —
Две гвоздики,
Дай им напиться, —
Засохли.

25

Веселая пташка
Твой клюнула рот,
Подумала — роза
Так ярко цветет.

26

Когда ты смеешься,
Румяные губы,
По блеску и краске,
Как яркий рубин.

27

Твои губы — две гардины,
Ярко-красная тафта,
Меж гардиной и гардиной
Ожидаю «да».

28

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная с каплями росы,
Эти раскрасневшиеся губы
Не твои, теперь они мои.

29

Зубы твои, волшебница,
Цепи из кости слоновой.
Сердце мое оковано,
Сердце с душой в плену.

30

Снег по лицу твоему
Нежно прошел, сказав: —
Там, где не нужен я,
Что же и делать мне?

31

Из снега и пурпура
Щеки твои,
И снег этот светится,
Пурпур горит.

32

В лице твоем лучшее все,
Что в небе и здесь на земле:
На щеках твоих розы цветут,
А в глазах твоих звезды горят.

33

Не цветут зимой гвоздики,
Сушит их мороз жесток,
На твоем лице гвоздикам
Бог весь год цвести позволил.

34

Лицо твое сравню я,
О, светлая любимка,
С январскою луною
И с августовским солнцем.

35

С луною январской
Тебя я сравнил.
Светлей она, ярче
Всех прочих в году.

36

Создав тебя, Бог восхотел
Отметить печатью тебя,
И родинку он положил
На нежную щеку твою.

37

Как вода переливается
Под лавровым под кустом,
Красота переливается
На лице твоем.

38

Белизной твоей шеи
Ты пленила меня,
Привяжи волосами,
Так и выкуп придет.

39

Светлянка, солнце солнц,
Лицо твое — ковчег,
А грудь твоя есть путь
В страну эдемских нег.

40

Твои руки — царственные пальмы,
Твои пальцы — десять белых лилий,
Твои губы — нежные кораллы,
Твои зубы — тонкий светлый жемчуг.

41

Какие пальцы для колец!
Какая грудь для алмаза!
Какие уши для блесков!
И вся для влюбленного глаза!

42

Какие руки для перчаток!
Какие пальцы для перстней!
Какая шея для ожерелья!
И рот, и рот, чтоб целовать!

43

Ты стройна, тонка,
Что камыш речной,
Вся ты лик цветка
Над волной.

44

Из Веракрус в Испанию
Три вышли корабля,
И все-то с поясочками
Для талии твоей.

45

Ты гвоздика Апреля
И ты Майская роза,
Лунный лик ты Январский,
И я в чаре твоей.

46

Ты мускатная роза,
Ты душистая роза,
И ты белый жасмин
Средь Апрельских долин.

47

Ты более желанна,
Чем утренняя свежесть,
Ты более красива,
Чем розы ранний цвет.

48

Ты лучшая гвоздика,
Расцветность молодая,
Расцветшая с росою
Начавшегося Мая.

49

Ты пальма роскошная,
Ты красивейший лавр,
Ты белая лилия,
Ты гвоздика гвоздик.

50

Ты пальма роскошная,
Ты на небо идешь,
Чтобы жить и звездиться там,
Между звезд серафим.

51

Ты светлей, чем солнце светлое,
Ты белей, чем белый снег,
Роза ты Александрийская,
Что в расцвете круглый год.

52

Ты как вербена
На зеленом лугу,
Ты словно сладость,
Что тает во рту.

53

Ты чеканное золото,
Ты печать серебра,
Колесница победная
И сирена морей.

54

Звездочки небесные
Жалуются Богу,
Для чего не создал их
С красотой твоей.

55

Одна звезда потерялась,
Нет ее более в небе,
Она в твоей комнате светит,
Твое лицо освещает.

56

Этой легкою ногою,
Этой поступью воздушной,
Столько ты людей убила,
Как песку на дне морском.

57

Я думал, что луна
Явилась на балконе,
Я думал, что луна
Была луна и солнце.

58

Я родился белый,
А теперь я смуглый,
Обожаю солнце,
Жжет оно меня.

59

Луна остановилась
В стремлении своем,
Тебя в восторге видя
Волшебницей такой.

60

Солнце затменьем объято,
Солнце любовью объято.
Если влюбилося солнце,
Что ж это будет с людьми.

НЕЖНОСТИ

1

Пой ты песнь, и буду петь я,
Птичка на зеленой ветке,
Пой ты песнь, и буду петь я,
Всякий поет, кто любит.

2

Птичка, пролетая,
Держит в клюве надпись,
Буквы золотые:
«Пленница любви».

3

Из птиц, что летают,
Мне нравится ворон:
Любовь моей жизни
Одета вся в черном.

4

Тебе я дал вчерашней ночью
В окошко пять гвоздик,

Пять чувств то были, о, малютка,
Что отдал я тебе.

5

Если б тысячу жизней имел я,
Я тебе бы их отдал все вместе,
Лишь одну я имею, — возьми,
Но возьми ее тысячу раз.

6

Этот кинжал золоченый
Возьми и пронзи мое сердце;
И цвет моей крови расскажет,
Люблю ли тебя.

7

Ты для меня мой отдых,
Ты для меня утоленье,
Гвоздика, чье нежно дыханье,
И все мои, все владенья.

8

Я утес обрывный,
Я суровый камень,
Я для всех, как бронза,
Для тебя, как воск.

9

Ты округлая радуга
Над моими печалями,
Ею нежно врачуются
Все мои огорчения.

10

На дворе своем
Ела девушка,

Я ей знаками
— Дай немножечко.
Мне ответила
— Приходи, поешь
Сердца этого.

11

Будь море — чернила,
Будь небо — бумага,
Написать я не мог бы,
Как тебя я люблю.

12

В перламутровой раковине
Я тебя нарисую,
Чтоб была ты со мною,
Чтоб тебя не искал я.

13

Хоть бы ты взошла на небо,
Хоть была бы рядом с Богом,
Так святые не полюбят,
Как тебя люблю я.

14

За обедней взглянула
На меня ты с улыбкой.
Как лицо повернула,
Показалась мне солнцем.

15

О, крылатый, как птицы,
Ты, мой милый, мой милый,
Мне мешают ресницы
На тебя наглядеться.

16

Я хотел бы быть с тобою
Каждый месяц тридцать дней,
И еще семь дней в неделю,
Каждую минуту раз.

17

Сердце мое в тот день,
Когда я с тобою не вижусь,
Словно печальная птичка,
Что с ветки на ветку летит.

18

Я хотел бы, чтобы дом твой
Был из хрусталя,
Говорить с тобой нельзя мне,
Видел бы тебя.

19

Та, кого люблю я сердцем,
Точно белая гвоздика,
Что раскрылась поутру.

20

Ты моей души мученье,
Ты моей тоски начало,
Вот тебя я и люблю.

21

Я люблю любовью нежной,
Что нежней, чем слитный дух
Роз, гвоздики и жасмина.

22

Подожди, еще останься,
Каждый раз, как ты уходишь,
Это жизнь уходит прочь.

23

Если мои воздыханья
До подушки твоей дойдут,
Ты уж к ним будь милосердна,
Дай им приют.

24

Между мной и луной — жемчуга,
Между мною и солнцем — жасмин,
Между мною и миленьким — цепи,
Цепь любви, чтобы он не забыл.

25

Обожаю невозможность,
В чем есть свойство тех, в ком тонкость,
А возможности желанны
Только тем, кто глуп.

26

Сегодняшней ночью мне снилось, —
О, если б мне сон не солгал! —
Завязан передник твой лентой,
Я ленту твою развязал.

27

Как солнечный луч я хотел бы
В окошко твое заблестеть,
Чулки, башмачонки и юбку
Помог бы тебе я надеть.

28

Когда б под ключом я
С тобой очутился,
И слесарь бы умер,
И ключ бы сломился!

29

Лестница поставлена,
Хочешь, я взойду,
Наслаждаться блесками
Красоты твоей?

30

Когда же захочет Создатель,
Чтоб вспыхнуло пламя зари:
— Ты любишь меня? — Обожаю.
— И ты мне позволишь? — Бери.

РЕВНОСТЬ

1

В колодец ревности
Спустился я испить;
Испил там ревности,
Мне с жаждой вечно быть.

2

Меня зовут — ревнивый.
О, боль! Но как же быть?
Работник я, и дом свой
Желаю сохранить.

3

Раз люблю тебя, ревную.
Без любви, где взял бы ревность?

Раз тебя я не любил бы,
Хоть бы Дьявол взял тебя.

4

Цветник из роз,
Его храню я,
Шипы в нем есть,
Их не довольно.
И стерегу,
И берегу,
Так стерегу, что глазу больно.

5

Мой друг вопрошал меня:
Что есть ревность? Скажи мне.
Он не знает, — как счастлив он
В том незнаньи своем.

6

Сегодня ночью
Ты так ревнива,
Что словно роза,
Кругом в шипах.

7

Да, твоя любовь как ветер,
А моя любовь как камень,
Что недвижен навсегда.

8

Ты себя со мной сравнила.
Ты из всех металлов слиток.
Я — беспримесный металл.

9

О, безумна, ты безумна,
Ты как колокол, в который
Каждый может позвонить.

10

От тоски я умираю, —
Ты живешь еще на свете,
Ты, умерший для меня.

11

Как хрусталь — влеченье сердца,
Как бокал — любовь людская,
Чуть толкнешь его неловко,
Разобьется на куски.
И уж так всегда бывает:
Чем нежнее, тем скорее
Разобьется навсегда.

12

Ревность — как волны:
Думаешь — горы,
Смотришь — как пена,
Вот уже нет.
С ветром приходят
Ревность и волны,
С ветром уйдут.

13

Дай мне печали,
Дай мне тревоги,
Все, что ты хочешь,
Только не ревность.

14

Огонь нещадный,
Пожар, в котором
Горю, ревнуя,
И умираю.
Убить хочу я:
Погибнуть легче
В одном пожаре.

15

Я умираю,
Уж я покойник,
Так жалит ревность,
Так отравляет.
Кто с ней не хочет
Жить неразлучно,
Вмиг убивает.

16

Если бы знал я, по каким ты
Здесь камням проходишь,
Я бы их перевернул,
Да никто не ступит.

17

Мой муж — мой муж,
Он муж ничей,
Кто хочет мужа,
Воюй, бери.

18

Очи моей смуглянки,
Святая Люсия, храни их.
Если ж не мне они светят,
Вороны, выклюйте их.

19

Мой милый так непостоянен,
Нейдет, нейдет, а я все жду.
Что, если тешится теперь он
Цветами, но в другом саду!

20

Уж слышен звон о душах,
А милый мой нейдет.
Что, ежели другая
С ним счет часов ведет!

21

— На луну я взглянула
И увидела в ней,
Что влюблен ты в другую
И тешишься с ней.
— Кто тебе рассказал это?
— Мне никто не сказал это,
Там в луне, я увидела в ней.

22

Тем же веером, которым
На себя ты веешь ветром,
Ты тому, кого ты знаешь,
Посылаешь тайно знаки.
Тот же веер и движенье,
Для тебя в нем освеженье,
Для меня пожар.

23

Я птичкой ручною
К руке твоей льну,
А ты улетаешь
С другим.

24

Скорее мертвой
Тебя хотел бы,
Чем близ другого
Я увидать.
Скорей в могиле!
Ты не была бы,
Но не была бы тогда чужой.

25

В саду моей царицы
Садовником был я.
Когда ж раскрылись розы,
Пришел их рвать другой.

26

Иди в недобрый час,
Устал тебя любить,
На башне ты фонарь,
Ты светишься для всех.

27

Если любишь лишь меня,
Буду твердой я стеной,
Если люб тебе другой,
Скроюсь молниею я.

28

У тебя любовь с другой,
И любви со мною хочешь,
Хочешь ты делить любовь,
Не хочу любви раздельной.

29

Я не люблю сердец,
Где трещина видна.
Когда даю свое,
Даю его сполна.

30

Если б я родился василиском,
Я тебя бы взором умертвил,
Чтоб тебя совсем отнять у мира,
Чтоб тебя никто в нем не любил.

ПРИЗНАНИЯ

1

Как жемчужины — признанья,
Чуть жемчужина сорвется,
За одной — другая, третья,
Ожерелье распадется.

2

Если здесь ты чужестранка
И любви искать приходишь,
Жизнь моя, вот я, слепец твой,
От твоих двух солнц ослепший.

3

Если я и чужестранка,
Не любви искать пришла я,
Ибо я в земле родимой
Ветвь оставила с цветами.

4

Где есть радость, там счастия мера,
И мне нравится тот кабальеро,
Потому что он в траур одет,
А мне радостен черный цвет.

5

Дама в черном покрове,
Кто умер, в чем скорбь твоя?
Если отец — сокрушайся,
Если милый, так вот здесь я.

6

На высокое небо взошел я,
Чтобы имя узнать красоты,
И один серафим мне поведал,
Что зовешься Долорес ты.

7

«Пресвятая Мария!» взывает
Погибающий в море моряк.
На земле я, но кличу: «Мария,
О, Мария, даруй мне знак».

8

Ай, как высок тот балкон!
Ай, тот балкон золоченый!
Ай, что за нежная там!
Ай, кто ж у милой влюбленный!

9

Более не веселят
Ни розы меня, ни жасмины,

Веселит лишь твое лицо,
Скажи, где живешь ты, малютка?

10

Скажи, где живешь ты, малютка,
Хочу я тебя узнать,
И если дружка не имеешь,
Приду на тебя притязать.

11

Ты малая роза в бутоне,
Своего не раскрыла огня.
Если еще ты не любишь,
Полюби для начала меня.

12

Яблочек нежно-цветистый,
Тебя я нашел на земле.
Если еще ты не любишь,
Влюбившись, предайся мне.

13

Чуть засну, во сне мне снишься,
Чуть проснусь, и в мыслях ты.
Расскажи-ка мне, подружка,
Так же ль точно и с тобой?

14

Только ты взглянешь,
И только взгляну я,
Говорю я глазами
То, о чем я молчу.
Так как не вижу
В тебе я ответа, —
Гляжу и молчу.

15

Глазами гляжу на тебя,
И ртом я с тобой говорю,
И глазами тебе говорю я
То, о чем мои губы молчат.

16

Обожаю солнце,
Почитаю образ,
Чувствую: люблю я,
А она не знает!

17

Хоть и знает сердце,
Что тебя так любит,
Но скрывать умеет,
Чтоб не оскорбить.

18

Больше глаза мои любят тебя,
В скрытности прячась своей,
Нежели те, что кричат тебе громко,
Нежели те, что шумят.

19

Много имею сказать тебе, много,
Но говорю это только молчанью,
Много тебе говорю умолчаньем,
Если в тебе только есть разуменье.

20

Только могу говорить тебе
Полуслова.
То, что язык начинает,

Довершает душа.
Ибо так уж выходит,
Что любовь есть очень ребенок,
И не может она говорить.

21

Сердце мое загорелось,
Дыма же нет.
Это вот значит — сгорать
Без очевидных примет.

22

И твои глаза и мои
Друг на друга глядят, говорят,
Но сердца бессловесны,
Нет меж них объясненья.
Я, однако, тебе сообщаю,
Если нет от тебя изъясненья,
Не понимаю тебя.

23

Тебя хочу я и не хочу я, —
Тут разнородность:
Тебя хочу я и не хочу я,
Чтоб это знал ты.

24

Я хотел бы на минутку
Быть твоей сережкой светлой,
На ушко тебе сказал бы
То, что в сердце у меня.

25

Чуть увидел тебя, — полюбил,
Как тебя полюбил, — умираю,

Умирая тобой, чрез тебя,
Я счастливым себя почитаю.

26

С тех пор, как увидел тебя, — полюбил,
Мне жаль, что случилося это так поздно,
Затем что хотел бы я, счастье мое,
Тебя обожать от минуты рожденья.

27

Прежде чем тебя узнал,
Я тебя уже любил,
Потому что возвещала
Мне о том моя звезда.
Да, звезда моя такая,
Что мне счастье возвещает,
Не узнав еще его.

28

Только я, светловолоска,
Лик пресветлый твой увидел,
Книзу пали, долу пали
Крылья сердца моего.

29

Закон, что, кто тебя увидит,
Тебя тот должен обожать.
Тебя я видел и не стану
Я на законы посягать.
А то вполне я заслужил бы
Изгнанья от твоих очей,
Как исто-справедливой кары.

30

Студентом я быть собирался.
Твою красоту увидал я,

Чернила, перо и бумагу
Из самого Ада тут взял я.

31

Все звезды, все светы ночные
Покорствуют лику дневному,
У ног я твоих и покорный,
Смуглянка моей души.

32

Мария, Мария, цветок красоты,
Тобою я болен, тобой умираю.
Имеешь целебное ты врачеванье,
Больному здоровье верни.

33

Говорят, голубое есть ревность,
И что алое есть веселость,
А зеленое есть надежда,
На тебя, жизнь моя, уповаю.

34

Дай мне руку, голубка,
Чтоб взойти в голубятню;
Мне сказали, одна ты, —
Вот в компанию я.

35

Видит Бог, тебе я б отдал
За лицо твое, смуглянка,
Своего лица глаза,
Хоть бы я слепой остался.

36

Высокий и маленький
Под моими окнами ходят:

Высокий покажется,
Словно солнце всходит,
А маленький выйдет,
Как будто луна
Январская светит.

37

Купидончик, напрасно
Ты не траться на шутки:
Коль теперь не люблю я,
Я ведь знала любовь.
Ты не траться напрасно:
Коль теперь не люблю я,
Я надеюсь, надеюсь.

38

Один я на свете, одна ты на свете,
Один и одна — это два.
Должны бы в одно эти два сочетаться,
Когда б того Бог пожелал!

39

Так же кратко *да*, как *нет*,
Одинаковы размеры.
Скажешь *да* — и жизнь даешь,
Скажешь *нет* — и смерть мне в этом.

40

Столько ж букв имеет *sì*,
Сколько букв имеет *no*.
Скажешь *sì* — даешь мне жизнь,
Скажешь *no* — мне смерть.

41

Я зовусь — *коль будет случай*,
Брат родной — *коли придется*,

Я племянник — *если можно,*
Внук — *ну да, а впрочем, нет.*

42

Чтоб взойти, луна у неба
Позволенья просит.
Так и я прошу: позволь
Говорить с тобою.

43

Возьми мое сердце, — раскрыто,
Коль хочешь убить его, — можешь,
Но так как ты в нем, в этом сердце,
Убивши, умрешь и сама.

44

У ног твоих сердце мое,
И ты не поднимешь его!
О, горькое сердце мое,
Ни отдыха сердцу, ни сна!

45

Под окном твоим разрушь
Мостовую и взгляни,
Ты увидишь там следы
Моего коня;
А смети еще песок,
И увидишь ты следы,
Что оставил я.

46

Ты скажи мне, наконец,
Что ж, уйти мне иль остаться,
Ибо так я прямо таю,
Словно соль в воде.

47

Хоть бы стала ты змеею,
Хоть ушла бы прямо в море,
Хоть в песке бы ты зарылась,
А женюсь я на тебе.

48

Я убегаю и ты убегаешь,
Кто упорнее, это увидим.
Я как солнце ищу тебя, где ты?
Ты как день от меня ускользаешь.

49

Я в глубочайшую пещеру,
Что в средоточьи океана,
Уйду, коль только не достигну
Того, о чем замыслил я.

50

От капели неустанной
Самый твердый камень мягче.
Я вздыхаю, но не в силах
Сердце я твое смягчить.

51

Моей владеть ты будешь жизнью,
Коль соответствовать сумеешь.
Но переменчива ты, знаю,
Ты женщина в конце концов.

52

Я тебя полюблю, мой желанный,
Коль признанья твои не обманны;
Но коль ты непризнательным будешь,
Саван мне приготовь.

53

Это мой вкус — только с тем говорить,
Кто понимает, что я говорю,
Тех забывать, кто меня забывает,
Кто меня любит, — любить.

54

Чтобы тебя я полюбила,
Должна пять раз я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю, о, жизнь, тебя любить.

55

Коль я себя не понимаю,
Уж кто ж тогда меня поймет:
Что не люблю тебя, твержу я,
А по тебе схожу с ума.

56

Ну, скорей, иди, не бойся,
Ну, иди к моей родимой,
Нет тебе она не скажет, —
Сердце мне про то вещает.

57

Матери твоей сказал я,
А отцу сказать не смею,
Но коль матери известно,
И отец узнает тотчас.

58

Как родимой я сказала,
Мне она в ответ: «Увидим»
Недурной ответ. Сыграем
Свадебку с тобой.

59

До последней капли крови
Всю бы кровь тебе я отдал,
Чтобы только ты жила ей,
Говоря всегда мне: Да.

60

Хвала, на меня ты взглянула!
Хвала, на тебя я взглянул!
Хвала, ты меня полюбила!
Хвала, я тебя полюбил!

СЕТОВАНИЯ

1

Начал из каприза,
Продолжал как прихоть,
Закрепил в бессонном,
Кончил же тоской.
Это оттого-то
Страшны мне капризы
Более, чем смерть.

2

Любовь теснит меня
С такой упрямостью,
Что миллионы мне
Терзаний шлет.

3

Боль в груди у меня,
А враги говорят,
То не боль, а любовь,
Укрепляясь, растет.

4

Я думал, что любить
Не больше, как игрушка,
А вижу я, что тут
Проходишь через смерть.

5

Я думал, что, ежели любишь,
Совсем легко позабыть,
А этот заулок столь узок,
Что вошел — и не выйдешь назад.

6

Я был, как начал я любить,
Совсем-совсем мальчонкой,
Когда же я открыл глаза,
Я был в своей могиле.

7

На меня кто ни посмотрит,
Говорят: — Ахти, беда!
Ведь совсем еще мальчонка,
А попал в тюрьму любви.

8

Каждым утром, каждым утром
Розмарин я вопрошаю,
Излечима ль боль любви,
От любви я умираю.

9

Пошел я в поле,
Спросил фиалку,
Нам от любви,

Мол, есть лекарство?
Мне отвечала,
Что нет лекарства
И быть не может.

10

Святая Тереза в пещере
Надела, молясь, власяницу,
А мне-то пришлося, а мне-то
Надеть власяницу любви.

11

Белый-белый голубочек,
Весь, как облак, беленький,
Клюнул в грудь меня, родная,
Очень больно сделал мне.

12

У меня кинжальный шрамик,
Ранен девушкою я.
Никогда кинжалом не был
Я так больно поражен.

13

Я влюбился в воздух,
В воздух, в женский дух;
Женщина есть воздух,
В воздухе вишу.

14

Пой, жизнь моя, пой,
Пой и больше не плачь;
Если песни поются,
Веселятся сердца.

15

Должен с песней умереть,
Ибо с плачем я родился,
Счастье кончилось навеки
В этом мире для меня.

16

Кто поет, тот беду свою гонит,
А кто плачет, ее умножает;
Я пою, чтобы эти тоскишки
Не терзали меня.

17

Хоть видишь, что пою я,
Поет лишь рот;
А сердце дышит болью,
В нем боль растет.

18

Кто мое услышит пенье,
Тот подумает — я весел,
А неправда: я — как птица,
Что поет и умирает.

19

Не убивай, не убивай,
Дай мне пожить, дай мне пожить,
Дай мне пройти, дай мне пройти
Чрез боли в этом мире.

20

Сердце мое
Черно, как колонны
В храме Соломона.

21

В груди моей, в сердце
Как мельничный жернов:
Могу ли я сетовать,
Можешь ты видеть.

22

Сердце мое схватили
И в тюрьму его заключили,
И хоть нет за ним преступленья,
К смерти его присудили.

23

Печальное сетует сердце,
Печально его вопрошаю:
— Почему ты умерло, сердце? —
Говорит: — Потому, что любило.

24

Говорил тебе, сердце,
И опять повторяю:
Не стучись в эту дверь,
Здесь тебе не откроют.

25

Ах, я, бедный, ах, бедняжка,
Вздохи ветру отдаю,
У меня берет их ветер,
А никто их не сбирает.

26

У ног моей матери
Родился я с плачем,

Возвещая те беды,
Что терплю я теперь.

27

Я посеял в дерне,
Зерна чарованья,
Оросил слезами,
Да умрет рыданье.

28

Страдаю, плачу,
Терплю, вздыхая,
Люблю — и этим
Я все сказал.

29

Если б слезы, что роняю,
В камни обратились,
Я на море на соленом
Выстроил бы крепость.

30

В моей груди, внутри меня,
Две лестницы хрустальные,
Одной восходит боль моя,
Другой нисходит отдых мой.

31

Птицы в Аравии
Вечно живут,
Ибо не знают,
Что есть тоска.
Если бы ведали,
В мире бы не было
Птиц Аравийских.

32

Мысль моя
Словно дым:
Поднимаяся,
Тает.

33

Я ранен без крови,
Я мертвый без стали,
Тоскуя, живу я,
В тоске умираю.

34

Без жизни живу я,
Живя в этой жизни:
Живу — не живу я,
Живя, умираю.

35

Одна я, одна родилась,
Одну меня мать породила,
Одна я должна помереть.
Одиночество, будь же со мною.

36

Уж в окошко не гляжу я
В то, в которое глядела я,
А в окошко я гляжу,
Что выходит в одиночество.

37

— Чего, поел ты,
Что так ты бледен?
— Поел я пепла
Огней любви.

38

Я не знаю, кто был я,
Я не знаю, чем был:
Я есмь образ печали,
Прислоненный к стене.

39

Смерти сказал я:
Дай свою руку,
Ибо по жизни
Устал я ходить.
Но смерть не приходит,
Когда ее кличешь, —
Боишься ее, так придет.

40

Смерть я воззвал и промолвил ей,
Чтобы пришла, унесла меня,
Смерть свой ответ возвестила мне:
Жди и терпи.

НЕНАВИСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ

1

Любить — любил, возненавидел,
Раз любишь, нет тут преступленья:
Ведь я, когда возненавидел,
Был более чем ненавидим.

2

Не хочу, чтоб меня ты хотел,
И тебя не хочу я хотеть,
Но чтоб ты ненавидел меня,
И хочу ненавидеть тебя.

3

Вижу, меня ты не любишь,
Купил я себе не любви,
Славную сделал покупку,
Тотчас тебя не взлюбил.

4

Прочь с глаз моих,
Чтобы не видеть:
Ты мне противен,
Как смертный грех.

5

Как раньше тебя я любила,
Так мне ты теперь ненавистен,
Я в церкви тебя увидала, —
Обедни лишилась — ушла.

6

Башмачок я разорвала,
Чем бы мне его зашить?
Ах, отлично: остриями,
Злых и лживых языков.

7

О, чтоб Бог меня услышал,
И чтоб камни возопили,
И чтоб ты узнал возмездье,
Как желаю я его!

8

Моего умоляю я Бога,
Да умрешь, как меня убиваешь, —
Да увижу моими глазами,
Что ты любишь, и ты нелюбим.

9

Да угодно Всевышнему будет,
Чтоб в тюрьме очутился ты темной,
И чтоб вся твоя, вся твоя пища
Через руки мои проходила!

10

Я тебе посылаю проклятье, —
Да свершится отныне неложно,
Чтобы денег имел ты с излишком,
Но чтоб вкуса тебе не хватало!

11

Успевай, уходи себе с Богом!
Ничего к тебе злого не кличу...
Да не знаешь ни часа покоя
До тех пор, как живешь в этом мире!

12

Сколько листьев в лесу многоствольном,
На горах, что стоят пред Гранадой,
Да умчит тебя дьяволов столько
В час, как вспомнишь меня!

13

Мать! Кто был причиной лютой
Злонесчастья моего,
Пусть утратить миг за мигом,
Крылья сердца своего!

14

Чтоб в тебя угодили кинжалом,
И чтоб в Риме святейший отец
Излечить эту рану не мог!

15

Пусть тебя ранят кинжалом,
Сердце пронижут твое;
То, что со мною ты сделал,
Да не простит тебе Бог!

16

Он да погибнет от кинжала,
Кто научил меня любить:
Владела чувствами своими, —
Утратила над ними власть.

17

Сердце мое, как ребенок,
Тебе показало хотенье,
Ты им пренебрег — уходи же,
И скорей да застрелят тебя!

18

Ты больна, говорят мне,
Бог тебя да поднимет...
От постели до гроба.
Чтобы в землю тебя!

19

Хоть я пою, как видишь ты,
Я бешенствую в пении,
Затем, что я, как женщина,
Бессильна отомстить.

20

Если твой язык иссохнет,
Замолчит в параличе,
Никого не обвиняй ты, —
То проклятия мои.

21

Я хотела бы быть василиском,
На часы, на часы и минуты,
Убивала б, кого пожелаю,
Отдыхало бы тело мое.

22

Есть камни, и камень о камень
Стучится в теченьи реки,
Молись, чтоб тебе не столкнуться
Со мной на едином пути.

23

Сплю, мыслишь? Нет, бодрствую.
И раз попадешься мне,
Сильнее мы схватимся,
Чем Франция с Англией.

24

Я клянусь тебе, что где бы
Ты со мной ни повстречалась,
У тебя оплачен гроб.

25

Время просил я у времени,
И вот мне время ответило:
Случится, конечно, со временем
И время, и место, и все.

26

Тебя я любил — достоверно,
Тебя позабыл я — не ложь,
Затем, что цветы на деревьях
Не длятся всю жизнь.

27

Что тебя любила — правда,
Отрицаться было б глупо,
Но, хотя б сто лет ты прожил,
Для меня мертвец.

28

Говорят мне, меня ты не любишь,
Знает Бог, как мне радостно это:
По природе своей я послушна,
Только то, что ты любишь, люблю.

29

Если хочешь, чтоб сказал я,
В песне я тебе скажу:
Как любовь к нам приходила,
Так же точно и ушла.

30

Замок создал я из перьев,
Ветер вдруг его унес.
Я любовь к тебе лелеял,
Побыла, и нет ее.

31

Не говори, что тебя я любил,
Не говори, что меня ты любила,
Лучше скажи — это был лишь каприз,
Так, у обоих причуда.

32

Тебя я когда-то
Любила, не знала,
На какую ты ногу хром,

Уловки твои были новы.
Теперь я тебя понимаю;
Поверь, ты не будешь находкой,
Что стала бы я ревновать.

33

Любить тебя было каприз,
Говорить с тобой было причуда,
А забыть тебя было услада,
Потому что тебя не любила.

34

Как мне весть передавали,
Что меня не любишь ты,
В море я не утопилась...
Холодна была вода.

35

Как мне весть передавали.
Что меня не любишь ты,
В нашем доме даже кот,
На меня смотря, смеялся.

36

Иди, тебя уж не люблю я,
Моя любовь совсем прошла;
Тебя я вымела из сердца,
И хорошо метла мела.

37

Иди, ступай, иль оставайся,
Мне все равно, любовь прошла;
Иди, воришка неразумный,
Теперь другую обмани.

38

Иди, уж тебя не люблю я,
Иди, ты мне больше не мил,
Иди, проводи свое лето,
Где зиму свою проводил.

39

Я любил одну неделю,
А другую не любил,
Потому что так хотелось.

40

От огня твоей свечи
Я уж больше не сгораю.
То, что было и прошло,
Это словно не бывало.

41

Что ни утро — я к обедне,
Чтобы в церкви помолиться,
Вознести благодаренья,
Что избавлен от тебя.

42

За то, что видел,
Благодаренье;
Будь, чьей желаешь,
Я — вовсе мой.
Освободился
Твоей свободой,
Кто был твой раб.

43

Соль имею, хоть немного,
Но запомни и заметь:

Соль свою я с теми трачу,
С кем угодно тратить мне.

44

Товарищ, товарищ,
С тобой не хочу я
Товарищем быть,
Хоть бы в Рай нам идти.

45

Ты дал мне гвоздику,
В ней алость горела,
Возьми же там пепел,
Ее я сожгла.

46

У меня ничего твоего,
А когда бы я что имела,
Я в огонь бы швырнула его,
Чтоб сгорело.

47

Мой милый, вот мой нрав, запомни:
Не помираю ни по ком, —
Коли приходишь, принимаю,
Коли уходишь, добрый путь.

48

Кто, ветку срезая,
Не трогает корень,
То знак, что он хочет
К ней снова вернуться.
Но я не такой:
Коль ветку срезаю,
И корень долой.

49

Свеча дымит и погасает,
Что было в ней гореть, сгорело,
Не говорю тебе — уйди,
Не говорю тебе — останься.

50

Что тебе за польза плакать
И кричать, как сумасшедший?
Я ведь женщина, ты знаешь,
Изменить тебе должна.

51

Говорил, меня любишь так сильно,
Из-за меня умираешь:
Умри, чтобы я увидала,
Тогда я скажу тебе: «Да».

52

Я влюбился ночью,
Солгала луна мне.
Если вновь влюблюсь,
Так уж днем, при солнце.

53

Белая, сказал ты,
Чтобы посмеяться.
Я смуглянка, щеголь,
Только не твоя.

54

Я тебя любил когда-то,
А уж больше не люблю,
Ибо встретил я голубку,
Чей возвышенней полет.

55

Говоришь, что не любишь ты,
Что не любишь меня,
Если дверь запирается,
Сто дверей раскрываются.

56

Меня полюбил ты, меня позабыл ты,
И снова меня полюбил;
Когда башмаки я свои износила,
Я больше уж их не ношу.

57

Башмаки, что износила
И швырнула в грязь,
Если кто другой наденет, –
Что мне из того?

58

В улице этой живет,
Живет и жила
Моего жениха невеста,
Моя супротивница.
А я-то смеюсь,
Что она подбирает
Остатки мои.

59

Если хочешь забыть ты меня,
Помести на балконе своем
Эту надпись, гласящую:
«Уж окончилось».
А напротив и я помещу
Эту надпись, гласящую:
«Вплоть до смерти».

60

Скажите тому молодцу,
Что стоит на углу и ждет, —
Что раз у него лихорадка,
Пусть хины он примет.

61

Уйди с угла,
Юнец, — ведь дождик,
И дай воде
Бежать, где нужно.

62

Иди и притязанья брось,
Заметь еще себе, что ты
Ничем особым не отмечен.

63

Не взносися так высоко,
Ты ведь здесь не королева,
Я без лестницы дерзаю
До тебя достать.

64

Слишком много изощрений,
Ты как будто наступил
На цветок, чье имя глупость.

65

С тех пор, как ваша милость
По улицам гуляет,
Совсем не продаются
Удилища нигде.

66

Невеста двадцати влюбленных,
Нейдущая ни с кем венчаться,
Коль королю себя ты прочишь —
В колоде карт четыре их.

67

Иди и скажи своей матери,
Чтоб тебя причесала она и умыла,
Чтобы снова тебя молочком покормила
И тебя бы мужчиною быть научила.

68

Без цепей!
Дышу свободно,
Наслаждаюсь
Волей мысли.
Как доволен,
Что ушел я
Прочь от рабства!

69

Любил — терзался
И ревновал,
Из зол жестоких
Я изошел.
Теперь спокоен, —
Не воспылаю,
Не задрожу.

70

Когда-то любил я,
Любви больше нет,
Скажу тебе точно:
Доволен весьма.

Довольно любви мне,
Жить вольным хочу,
Довольно любви!

СЕРЕНАДА

1

Если б знал я, жизнь моя,
Что ты слушаешь меня,
Я бы пел, как соловей,
Вплоть до утренних лучей.

2

Слово песни — капля меда,
Что пролилась через край
Переполненного сердца.

3

Я иду вперед, как пленник,
Тень моя идет за мною,
Предо мною — мысль моя.

4

Из Мадрида я пришел
По шипам и по колючкам,
Чтоб тебя увидеть только,
Ты, очей моих гвоздика.

5

Предстань пред окном твоим,
Луна полноликая,
Звезда предрассветная,
Зеркальность моя.

6

Приблизься к этому окошку,
О, лик расцветного жасмина,
Тебе слагает серенаду,
Кто будет мужем для тебя.

7

В этой улице, сеньор,
Все вы петь должны звучнее,
Здесь цветет при входе — роза,
А при выходе — гвоздика.

8

Предстань же у окна,
И мы тебя увидим,
И светом глаз твоих
Закурим мы сигару.

9

С этими кудрями золотыми,
Вдоль лица упавшими вперед,
Кажешься ты башней золотою,
В церковь призывающей народ.

10

Едва увидал, полюбил,
Как поздно, мое наслажденье,
Тебя я хотел бы любить
От самой минуты рожденья.

11

Увидать, пожелать, полюбить,
Это все так случилось внезапно.
Я не знаю, что раньше пришло,
Полюбил ли тебя иль увидел.

12

Приблизься к этому окошку,
О, красота земли,
Увидишь тотчас ты, что солнце
Остановило бег.

13

Сердце мое и твое
Между собой совещались,
Было у них решено,
Что жить им в разлуке нельзя.

14

Счастье мира проходит,
Время и жизнь исчезают,
То, что всегда остается,
Это — любовь.

15

Не знаю, что такое,
Что в первой есть любви,
Так властно входит в душу,
А выйти ей нельзя.

16

Первая любовь —
Вплоть до самой смерти,
Все любви другие
Вспыхнут и умрут.

17

Под грудою пепла
Огонь сохранится,
Чем дольше разлука,
Тем тверже любовь.

18

Луна заскучала о солнце
За три часа до рассвета,
Так о тебе я скучаю,
Жизнь и блаженство мое.

19

Родилось святое Воскресенье,
На челе его горит звезда.
Со звездой родилась я, смуглянка,
Та звезда — любить тебя всегда.

20

Красавица нежно спала,
Во сне говорила:
— Где же мой милый? О, где?
Жизнь без него мне могила.
Проснись, наклонись же ко мне.
Ты видишь, о, мой повелитель,
Тебя я люблю — и во сне.

21

Если б луна не убывала,
Я бы сравнил ее с тобой,
Нет, я сравню тебя с солнцем
С солнцем и с утренней звездой.

22

Сердце мое, летая,
В грудь к тебе залетело,
Вдруг утратило крылья,
И вот осталось внутри.
Ты люби его крепче,
Сердце мое уж не может
Теперь улететь от тебя.

23

Любовь моя к тебе
Как тень идет вперед,
Чем дальше от тебя,
Тем более растет.

24

Слава Богу, что пришел я
К этой нежной голубятне,
Здесь живет одна голубка,
Чьи — серебряныя крылья.

25

Слава Богу, что пришел я,
Увидал любовь мою,
Слава Богу, что пропел я,
Слава Богу, что пою.

26

Я знаю, что ты в постели,
Но что сон к желанной нейдет,
И слушаешь ты: — В самом деле?
Мой милый? Он песню поет?

27

Просыпайся, просыпайся,
Пробудиться миг приспел:
Разве это справедливо,
Чтобы я для спящей пел?

28

Ты горишь звездой полярной,
Что ведет плывущих в море,
С той поры, как ночь наступит,
До того, как день настанет.

29

Если в Ад пойдешь ты,
Я пойду с тобой,
Если ты со мною,
Всюду Рай со мной.

30

Приблизился месяц к заходу,
От кровель спускаются тени.
О, как мне расстаться с блаженством
Гвоздик позлащенных твоих!

31

Прощаются двое влюбленных
Под тенью зеленой оливы,
И горько прощанье влюбленных,
Как горечь зеленой оливы.

32

Я быть без тебя не могу,
Я жить не могу не любя,
И жизнь я утрачу свою,
Когда я уйду от тебя.

33

Я видел, как жил человек,
Имевший сто шрамов кинжальных,
Я видел, как умер он вдруг
От силы единого взгляда.

34

Говорят, ты уходишь, уходишь,
Говорят, ты уходишь, мой милый,
Если пить ты захочешь в разлуке,
Не касайся до влаги забвенья.

35

Я с твоей прощаюсь дверью,
Словно солнце со стенами:
Солнце вечером уходит,
Чтобы утром вновь прийти.

36

Прощай, серафим бессмертный,
Прощай, серафим прекрасный,
Я ухожу с надеждой
Снова увидеть тебя.

37

Пусть Бог пребывает с тобою,
Пусть небо тебя охраняет,
Звезда пусть тобой руководит,
И ангел тебя провожает.

38

Прощай, волшебница души,
Прощай, восторг существованья,
Прощай, полярный свет любви.
Прощай, о, море упованья!

39

Хоть ухожу, не ухожу я,
Хоть ухожу, не отлучаюсь,
Хоть ухожу своею песней,
Не ухожу своей мечтой.

40

Прощай, возлюбленное сердце,
Прощай, победа красоты,
Прощай, жасмин, прощай, гвоздика,
Прощайте, светлые черты.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1

Засыпает роза,
Вся в росе блестя.
Наступает вечер,
Спи, мое дитя.

2

Спи, мое дитятко малое,
Нежу я детку мою,
Вот колыбель закачалася,
Баюшки-баю-баю.

3

Пред дверью, что в Рай ведет,
Продают башмачоночки,
Для маленьких ангелов,
Которые босы.

4

— Вы, птички-щеглятки,
Чего вы поели?
— А супцу из миски,
Водички из речки.

5

На деток, что дремлют,
Бог ласково смотрит,
Недремлющей матери
Бог помогает.

6

Ты усни, мое дитятко,
Спи же, сердце мое,

С нами Дева Пречистая,
С нами Божье Дитя.

7

Ты усни, мое дитятко,
Ты усни, мое счастьице,
А то Дева Скорбящая
С неба видит тебя.

8

Ребенку мать «Усни» твердит,
Ребенок на нее глядит,
В одном его глазке: «Кись! кись!»
В другом его глазенке: «Брысь!»

9

Спи, дитятко, ну, задремли же,
А то к нам придет домовой,
Тех деток, что спят неохотно,
К себе он уносит домой.

10

Больненьким видеть тебя
Сердце мое разрывает,
Плачу, когда я пою,
Голос в груди погасает.

11

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что с тобою будет,
Если я умру?

12

— Баю-бай, мое дитятко,
Баю-бай, засыпай.

— В колыбельке, родимая,
Ты меня укачай.

13

— Баю-бай, баю-баю,
Баю-бай тебе пою.
— Колыбель, родная, рай,
Колыбель мою качай.

14

Не бойся, малютка,
Спи, детка моя,
Пусть воют собаки,
Пусть ветры свистят.

15

Спи, дитя ненаглядное,
Жизнь моя, засыпай,
У твоей колыбелечки
Мать родная не спит.

16

Все, что малюсенько,
Очень мне нравится,
Даже гримасочки,
Если в полчетверти.

17

Сердчишко мое,
Не плачь и не бейся,
Я с вестью любви, —
Засмейся, засмейся.

18

Усни, дитя, усни, дитя,
А то придет цыганка,

И глянет к нам, и спросит там:
Кто плачет спозаранка?

19

Спи, дитятко родное,
Спи, деточка. Уснула
С открытыми глазами,
Как боязливый зайчик.

20

Не выходи ты замуж,
Останься вечно деткой,
А то на щечках розы
От поцелуев вянут.

21

Спи, малютка, задремли же,
И не плачь здесь в долгу ночь,
А не то все ангелочки
Удалятся прочь.

22

Усни, мое дитятко, спи же,
Не плачь и усни же, я тут,
А то к нам придут ангелочки
И в небо тебя унесут.

23

— Мой мальчик, мой милый,
Ты умер, замкнулся.
— Не плачь, моя матушка,
Смотри, я проснулся.

24

Не плачь, моя детка,
Что вянут цветочки,

Есть новая ветка,
И снова цветочки.

25

Баю-баюшки-баю,
Потеряла жизнь мою.
Баю-баю-баю-бай,
Снова в жизни светит рай.

26

Эа-ля-эа,
Эа-ля-эа!
В сон твой да смотрится
Святой Иоанн.

27

Мое дитя ко сну отходит,
Да спит и радует меня,
Как у святого Иоанна
Пусть длится сон его три дня.

28

Эа-ля-нана,
Эа-ля-нана!
Звездочка утра,
Спи, еще рано.

29

Эа-ля-ро-ро,
Эа-ля-ро-ро!
Спи. Просыпаться нам
Еще не скоро.

30

Нет у этого малютки,
Нету матери родимой,

Родила его цыганка
И подкинула его.

31

Спи, мое дитятко, спи,
Нет твоей матери дома.
Пречистая Дева Мария
Взяла ее в дом свой служить.

32

Спи, моя деточка,
Ты, незаметная,
Спи, моя звездочка,
Спи, предрассветная.

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПРИЗНАНИЯ

К песне 2-й. — Образ глаз-солнц часто повторяется как в испанской поэзии, так и в индийской, с которой поэзия испанская являет часто поразительное сходство, — надо думать, ввиду повышенной страстности того и другого народа.

К песне 8-й. — В Испании доселе не редкость пение песен под балконом, с аккомпанементом гитары. Песни при этом и припоминаются и, вызываемые теми или иными обстоятельствами, рождаются новые, внезапно.

К песне 9-й. — Северянину несколько странно слышать, как мужчина говорит, что его более не веселят ни розы, ни жасмины. Для этого нужно любить цветы так, как их любят в Испании или Мексике. В Испании вы постоянно можете видеть, как возчик, лежащий на телеге, нагруженной чем-нибудь совсем не стихотворным, мурлычет песню, а во рту его стебель цветка, красная головка которого нарядно покачивается.

К песне 11-й. — Шутливая форма многих испанских песен, указывающая на южную грацию и тонкость ощущения, совсем не указывает на шуточность чувств. В испанском нраве много тигриного, кошачьего. И испанцы любят играть мягкими лапками, в которых спрятаны когти. Любят танцевать — вкруг костра и над срывом.

К песне 13-й. — Это напоминает известную песенку Гейнриха Гейне, в «Buch der Lieder». Поэзия Гейне, вообще очень близкая к народной поэзии, особенно родственна с испанскими народными песнями.

К песне 14-й. — Эта песенка, сколько мог заметить, особенно знаменита среди испанцев. Им молчать, когда они любят, труднее, чем норвежцу или англичанину.

К песне 26-й. — В своей поэме «Эпипсихидион» Шелли, обращаясь к Эмилии Вивиани, говорит (Шелли, т. 3):

О, если бы мы были близнецами!

И далее:

...Хочу тобой дышать.
Ты слишком поздно стала мной любима,
Я слишком скоро начал обожать
Тебя, мой кормчий, призрак серафима...
Тебя я должен был бы на земле
Сопровождать от самого рожденья,
Как тень дрожать, склоняясь и любя,
Гореть тобой и жить как отраженье.
Не как теперь: — О, я люблю тебя!

К песне 27-й. — Воспоминание о встрече душ, бывшей до встречи тел, до встречи двух душ, вот в этих двух телах, состояние хорошо известное каждому, кто воистину любил.

К песне 28-й. — Вечная легенда Эроса и Психеи.

К песне 33-й. — Есть такая разнопевность:

Говорят, что черное есть траур,
Говорят, что алое — веселье,
Нарядись в зеленое, малютка,
Будешь ты надеждою моей.

В «Romancero General» — нечто вроде наших исторических былин — читаем, между прочим, описание ревнующего кабальеро (2-a ed. I, ns. 46, 49).

Шесть его сопровождают
Слуг, что служат господину,
Все в зеленое одеты:
Цвет надежды при любви.
На копье, с железкой рядом,
Голубую мчит он ленту:
Это — ревность, тех, кто любит,
Заставляет прегрешать.

Испанский народ сохраняет в песнях эту символику. Пример тому — следующие *coplas*.

Уж давно, как зеленое
Мне дает беспокойство,
Ибо все мои чаянья
Обернулись в лазурные.

Говорят, что меня ты не любишь,
Мне мало до этого дела,
Одеваюсь завтра я в траур
Из белой тафты.

Сколь многие с надеждой
Превесело живут!
Ослов на свете сколько
Зеленое едят!

Знаменитый Го́нгора, испанский утонченник старинных времен, писавший за 300 лет до нынешних «декадентов», также любил символику красок.

Цветочки розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня голубые,
А завтра будут мед.
Ревнуешь ты, малютка...

У разных народов символика красок разная. В то время как испанцы связывают ревность с голубым цветом, Отелло погибает, мучимый зеленоглазым чудовищем ревности. Бретонцы полагают, что голубой цвет неба есть цвет времени. Древние майи считали голубой цвет символом святости и целомудрия, а отсюда — счастья, как освобождения от пут вещества. В Египте и в Индии голубой — это цвет богов. Вишну на своем семиглавом змее — голубой. В Египте, в Майе и в Халдее голубой цвет связывался со смертью и употреблялся при похоронах, как это доселе в Бухаре. Желтый — в Китае и в Майе — принадлежность царской фамилии, красный — благородных. Великий египетский сфинкс был окрашен в красный цвет. Римские солдаты выкрашивали свое тело в красное — в знак победительной храбрости. У многих народов красный есть цвет жизни и страсти.

Символика и тайный смысл цветов очень интересная и мало разработанная область. Влияние каждого отдельного цвета на возникновение отдельных, совершенно определенных душевных состояний есть факт несомненный. Но психология красок

различествует весьма, когда мы имеем дело с особо впечатлительными художественными натурами. Я лично могу сказать про себя, что ярко-красный цвет и золотисто-желтый вызывают во мне ликующую радость жизни, причем алый цвет тревожит, а золотистый умиротворяет в волнении. Зеленый цвет доставляет тихую радость, счастье длительное. Голубой — вызывает уходящую мечтательность. Темно-синий подавляет. Лиловый производит гнетущее впечатление, и даже светло-лиловый — связан с чем-то зловещим. Белый и черный цвет, отрицаемые, как таковые, но признаваемые глазом, при всем своем различии производят однородное впечатление — изысканной красоты, благородства и стройности. Я сказал бы, что черный и белый цвет, два эти предельных цвета, по их действию на меня так же похожи и так же различны, как черный лебедь и белый лебедь. Их одежда различна, а душа одна.

В своей поэме «Фата-Моргана» («Литургия красоты») я попытался свести в художественное целое свои ощущения от различных красок. Дальнейшую попытку в этом направлении, очень интересную, сделал в будущем весьма крупный, но и теперь уже несомненный поэт Сергей Городецкий в поэме «Радуга» («Дикая воля»).

Настанет время — и оно не так далеко, — когда жизнь наша, в больших, в великих городах, так же, как среди природы, построенная на принципе художественной гармонии, каждому цвету даст определенное место и точно выработанные соотношения, и мы будем играть красками с той же уверенностью и с теми же великими последствиями, как теперь мы играем электричеством и паром.

К песне 34-й. — Есть разнопевность:

Протянись ко мне, голубка,
Да войду в твое гнездо.
Ты одна, мне рассказали,
Я хочу с тобой побыть.

Этот мотив повторяется различно.

— Птичка неба, расскажи мне,
Где твое гнездо?
— А оно в сосне зеленой,
Скрытно меж ветвей.

Подобная же португальская песня звучит с угрожающей иронией (Theophilo Braga, *Cancioneiro e romanceiro geral portuguez*, Porto, 1867, II, 75, 1):

Помираешь, чтоб разведать,
Где постель моя. Но, слушай,
На прибрежьи, над рекою,
Там, где шпажная трава.

К песне 35-й. — Разнопевность:

Видит Бог, что тебе бы я отдал,
За смуглый твой цвет золотистый,
Глаза мои, ясные очи,
Хотя бы остался слепым.

К песне 36-й. Тот же мотив в итальянской песне (Тоскана) (Giuseppe Tigri, *Canti popolari toscani,* Firenze. 1869, n. 337).

В двоих я, в двух юношей я влюблена,
К кому прилепиться, никак не пойму я:
Поменьше — красивый, в нем чара нежна,
Того, кто побольше, терять не хочу я.
Тому, что поменьше, я жизнь отдала,
Тому, что поболее, пальму в расцвете.
К тому, что поменьше, душа вся ушла,
К тому, что поболее, пальма вся в цвете.
Тому, кто поменьше, все сердце, весь свет,
Тому, кто побольше, фиалок букет.

К песне 37-й. Разнопевность:

Полно, купидончик,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Знала я любовь.
Полно, купидончик,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Верно, полюблю.

К песне 39-й. — Португальская песня (Braga, II, 112, 1):

Лишь одно твое словечко
Есть судьбы моей решенье:
Скажешь: да, даешь мне жизнь,
Скажешь: нет, и смерть мне в этом.

К песне 41-й. — Разнопевность:

Я зовусь — *коль есть здесь место,*
Родственник — *когда есть случай,*

Брат двоюродный — *коль можешь,*
Ждущий *да* или же *нет.*

К песне 42-й. — Разнопевность:

Луна, чтобы выйти на волю,
Позволения просит у неба,
И я, чтоб с тобой говорить,
Прошу позволенья смиренно.

К песне 43-й. — Португальская песня (Braga, II, 116, 5):

Вот возьми, пред тобой мое сердце,
Если хочешь убить его, можешь,
Но заметь, что внутри — это ты здесь,
Коль убьешь его, также умрешь.

К песне 44-й. — Разнопевность:

У ног твоих сердце мое,
Возьми, чтоб восстал я, взнесенный!
Взгляни, не люблю ли тебя,
У ног я твоих, побежденный!

К песне 45-й. — Разнопевность:

Вырву камни в улице твоей,
Всю ее сплошным песком покрою,
Чтобы все я видеть мог следы,
Тех, кто ходит под твою решетку.

К песне 46-й. — Итальянская песня (Сицилия) (Giuseppe Pitré, *Canti popolari siciliani,* Palermo, 189, I, n. 136):

Или *да* мне скажи,
Или *нет* мне скажи,
Не могу же я быть
На полях без межи.

Требуя определенного ответа, влюбленный взамен может предложить нечто определенное — и он не скупится. Как восклицает испанский поэт Беккер:

За взгляд один я мир бы отдал,
За луч улыбки все бы небо,
За поцелуй... О, я не знаю,
Что дал бы я за поцелуй!

Португальская же песня говорит (Braga, II, 83, 7):

За один твой нежный взгляд
Дал бы жизни половину,
За улыбку дал бы жизнь,
За поцелуй я дал бы вечность.

К песне 47-й. — Разнопевность:

Хоть бы стала ты змеею
И скользнула в бездны моря,
За тобой я, за тобою,
Что замыслил, то свершу.

К песне 48-й. — Португальская песня (Braga, II, 71, 2):

Я влюбленный, влюбленная ты,
Кто из нас будет более твердый?
Я как солнце гонюсь за тобой,
Ты как тень от меня убегаешь.

К песне 50-й. — Все, конечно, помнят латинский стих:

Gutta cavat lapidem, non vi, sed saepe cadendo.
Капля камень долбит, не силой, но частым паденьем.

Есть португальская песня (Braga, II, 17, 7):

Нет, нет, говоришь ты, не будет,
Любить никогда я не стану.
Вода упадает на камень
Так долго, что камень смягчит.

К песне 51-й. — Всечеловеческое или, вернее, всемужчинское заблуждение, что женщина и непостоянство суть одно. Мужчины много более заслуживают рекриминации. — В старинных *romances* мысль о неверности женщины часто повторяется (Duran, Bomancero general, I, ns. 22, 50):

Отлучка моя будет краткой,
Да не будет такой твоя твердость:
Постарайся, хоть женщина ты,
Быть на всех других непохожей.

Слову женщины не верить,
Слово женское — пушинка,
В быстром ветре пух летящий
Или надпись на воде.

Другие *romances* более вежливы (ib., 25):

Справедливо ты промолвил —
Низки женщины. Однако
И весьма они различны,
Как солдаты под ружем.

И еще:

Все дурные — невозможность,
Все хорошие — нельзя.
Травы есть, что жизнь даруют,
Травы есть, в которых смерть.

К песне 54-й. — Разнопевность:

Чтобы тебя я полюбила,
Должна семь раз я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю я,
Люблю любить, тебя любить.

НЕНАВИСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ

К песне 5-й. — Испанки очень любят ходить к обедне.
Так что уйти из церкви, когда там можно было бы еще быть, для испанки действительно лишение.
К песне 8-й. — Португальская песня (Braga, II, 93, 7):

Обманщик, да позволит Небо,
Чтоб заплатил ты за обман,
И чтоб тебе, когда полюбишь,
Любовь была бы не верна.

И еще:

Неблагодарный, да свершится,
Что ты за это зло заплатишь,
Чтоб тот, кому ты очень верен,
Тебе бы очень изменил.

К песне 9-й. — Во всех тех песнях, где выражается ненависть и презрение возненавидевшей женщины, гораздо более тонкости, остроумия, находчивости и настоящей змеиной злости, нежели в словах мужчины, которые почти всегда элементарны и, во всяком случае, являют мало изобретательности. Можно подумать, что, побыв вместе с мужчиной, женщина не только научается мужским, по-мужски твердым, мыслям, но и вовсе похищает его мужской ум, и, отточив свою нежность, превращает ее в острие ненависти.

К песне 51-й. — Разнопевность:

То и дело все твердишь мне —
Умираю, умираю.
А умри, тогда увидим,
И тогда скажу я: да.

К песне 66-й — Разнопевность:

Ах, Мария, не по вкусу
Ни один тебе мужчина!
Короля, быть может, хочешь?
Их в колоде карт четыре.

Франсиско Родригес Марин, которому нельзя не верить, говорит об испанских песнях ненависти и презрения (*Cantos Populares Espanoles,* t. III. p. 283), что значительное число песен, выражающих ненависть, суть порождения расы гитан, особливо те, в которых изобличается душа низкая и мысль трусливая и предательская. Он обращает внимание на то, что число *coplas de odio* (песен ненависти) незначительно в сравнении с песнями, посвященными другим чувствам. Объяснение этому дается одной народной испанской песней:

Кто воистину любит, забывает тот поздно,
И хотя бы забыл, не начнет ненавидеть;
И увидевши то, что любил он любовью,
Снова любит, едва лишь к нему обратится.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Ни у одного европейского народа нет таких изящных и нежных, тонко-воздушных колыбельных песенок, как у испанцев. Странно думать, что именно в испанском национальном темпераменте, — в его историческом прошлом, — так много жестокого и темного. Как истинно страстные люди, испанцы во всем доходят

до крайности и предельности, и, если чрезвычайно жестоки их завоевательные набеги, исключительно-нежны кроткие состояния испанской души. Нужно еще заметить, что ни один, кажется, народ в Европе не испытывает такой нежной любви к детям, как именно испанцы.

Ни в одной стране, во время многочисленных моих путешествий, я не видал, чтобы взрослые, не только женщины, но и мужчины, выказывали такую заботливость и ласковость к детям. Грубой же сцены с детьми я не видел в Испании ни разу, хотя изъездил Испанию из конца в конец и бывал в ней многократно. Припевы «Эа-ля-эа», «Эа-ля-ро-ро», «Эа-ля-нана» играют в испанской колыбельной напевности ту же роль, как у нас припев «Баюшки-баю», «Баю-бай», «Баю-баю».

Песенки 26-я и 27-я нуждаются в пояснении. Испанское предание гласит, что святой Иоанн Креститель весьма любит небесные шумы. День его, 24 июня, праздновался шумными торжествами, на это указывают громовые раскаты, обычно совпадающие с данным временем. Во избежание подобной сумятицы, Господь заставляет его спать три дня без перерыва, считая с кануна Иванова дня. И святой не может таким образом праздновать свой день, ибо, когда просыпается, он уже прошел. В области Бадахоса есть соответствующая поговорка:

Когда бы святой Иоанн
Праздник свой знал,
Тогда бы, в весельи, святой Иоанн
По всем небесам громыхал.

Или еще:

Тогда бы он небо с землей
Сочетал в напев громовой.

В некоторых андалусских селениях его называют беспокойным. Иванов день и Иванова ночь во всех европейских странах связаны с целым рядом примет и обычаев. Русские говорят, что на Иванов день солнце на всходе играет. Сербы говорят: на Иванов день солнце на небе трижды останавливается. См. интересную книгу — *А. Ермолова. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. Всенародный Месяцеслов. С.-Петербурга. 1901 года.*

В пятом томе своего собрания *«Испанских народных песен»* Марин приводит, в примечаниях, интересную литургическую драму, столь же нежную, сколь краткую.

МАВРИТАНСКИЙ ЦАРЬ И ХРИСТИАНКА

1

(У мавританскою царя была пленница, которая пела, покуда спал ее ребенок):

1-й голос. Когда деткой была я,
В лугах я гуляла,
За мотыльками
По лугам убегала.
Когда деткой была я,
В лугах я блуждала,
За мотыльками,
Как они, я летала.
В луг я ушла,
По траве я пошла,
Розы там сея.
Шипы собрала.
Эа! эа! эа!
Не так уж дурна я лицом.
А если дурна я, скажу, не робея:
Так да будет, и дело с концом.
Эа! пою я, усталая.
Если дурна я, какое же дело вам в том?
Сон тебе, деточка, сон подкрепи.
Спи, мое дитятко малое,
Спи.

(Царь, который слушал, отвечает):

2-й голос. Люблю тебя, детка моя,
Люблю тебя, спи.
Больше люблю, чем цветочки, что ветер
Колыбелит весной на степи.
Больше, чем звоны ручья,
Что поет: «Торопи же себя, торопи».
Я люблю тебя, детка моя,
Спи.
И меня полюби.
Как цветочки, тебя я люблю,
Прошепчи мне сквозь сон: «Вот я сплю».
Сон тебя, сон подкрепи,
Деточка, спи.
Как ручей, тебя я люблю.

1-й голос. Я назареянка,
Была назареянка.
Раз назареянка,
Не для тебя я.
У Девы Пречистой,
У Девы Лучистой
Так дремало Дитя засыпая.
И Дева, вздыхая,
И Дева Святая,
Дремала она, засыпая.
На горе на Голгофской
Были ветви оливы.
Были птички среди ветвей.
Кровь Христа утишали,
И в ветвях распевали
Четыре щегленка и один соловей.

1-й голос. Ты белая голубка,
Ты белая как снег,
Сядь у реки и испей.

2-й голос. У меня сизые крылья,
Крылья как ирисы,
Темные в лазурности своей.

1-й голос. Белая голубка,
Иди со мной.
Крыло у тебя ранено
Острою стрелой.
Бедая голубка,
Иди со мной.

2-й голос. Не крыло мое ранено,
А душа пронзена,
Оттого эта алая
Кровь здесь видна.

1-й голос. У тебя сизые крылья,
Крылья как ирисы,
Белая голубка,
Иди со мной.

2-й голос. Я одна-одинешенька,
Я одна здесь пою,

Без дружка, без любови я,
И в чужом я краю.
Я одна-одинешенька,
Я одна здесь пою.

1-й голос. Замолчи, о, голубка,
Я плачу с тобой.
Ты ранишь мне сердце
Своею мольбой.
Я дам тебе крылья,
Чтоб ты легкой была,
Чтоб на вольную волю
Улететь ты могла.

«Испанские колыбельные песни», «Nanas ó coplas de cuna», родственны по тону с «Детскими песенками», «Rimas Infantiles». Эти детские песенки связаны с различными детскими играми, подобными нашим играм в прятки, в жгут, в чет и нечет, в горелки. Привожу некоторые.

1

Кто дает, кто дает,
Прямо в рай пойдет.
Кто дает и вновь отнимет,
Ад его охотно примет.

2

Поцелуйчик, раз.
Поцелуйчик, два.
Поцелуйчик, три.
Поцелуйчик, где?

3

Мотылек, мотылек,
Словно розовый цветок,
Ты на свечке и готов.
Сколько стало мотыльков?

4

Бабочка крылатая,
Быстро-тароватая,

На свечку попала.
Сколько бабочек стало?

5

Мотылечек, мотылек,
Роза с головы до ног,
Был крылат, и был ты смел,
Вот на свечку налетел.
— Мотылечек здесь? — Я здесь.
— Ишь ты, как наряден весь.
— Рубашонок сшил? — А вот.
— Ну, теперь начнем мы счет.
Сколько сшил? — Всего одну.
— Это значит на луну.
— Целых две. — Для солнца. — Три.
— Ну, сочти их — и бери.

6

— Сестрица лягушка!
— Что надо, подружка?
— Где муж твой из вод?
— Явился и ждет.
— Наряден ли он?
— Как свежий лимон.
— К обедне пойдем?
— Не знаю я, в чем.
— Пойдем под конец.
— Замкнулся ларец.
— Так пить! Где вода?
— Жбан скрылся. Беда!

7

Золото.
Серебро.
Медь.
Ничего.

Из колыбельных песен других европейских народов особенной нежностью отличаются финские колыбельные песни (одну из них читатель найдет в моей «Литургии красоты») и польские «Колысанки». Привожу несколько польских баюканий («Pieśni Ludu». Zebrał Zygmunt Gloger. W latach. 1861—1891. W Krakowie. 1892).

1

Люляй, ой люляй,
Спрячь черные очи,
А очи закроешь,
Спи до полночи.

2

Колыбелька, качайся
От стены до стены.
Спи, мой розовый цветик,
Спи, так розовы сны.

3

Не пой, петушок, ты не пой,
Марысю мою не буди,
Малая ночка была,
Мало Марыся спала.

4

Скотинка, далечко
Не отходи,
Ведь я не пастушка,
Я малая детка.

В народных колыбельных песнях особенно трогательна та повторяющаяся у разных народов черта, что, напевая убаюкивающую песенку ребенку, взрослый поющий превращается сам в дитя. И кажется, что это где-то в мировом пространстве затерянная душа, одна-одинокая, бесспомощная, беззащитная, обращающаяся с полусонной мольбой к Неведомой Силе. И словно слышен полувнятный стон: «А слышат ли меня?» Как колыбель похожа на гроб, так в колыбельных песнях есть всегда запредельная смертная грусть. Да ведь и сон похож на смерть, и что же есть смерть как не сон, через который мы пробуждаемся в настоящую действительность?

Из всех колыбельных песен, которые, на каком-либо языке, мне приходилось читать или слышать, мне кажутся наиболее совершенными и бессмертными по своей озаренности две — одна испанская и одна русская.

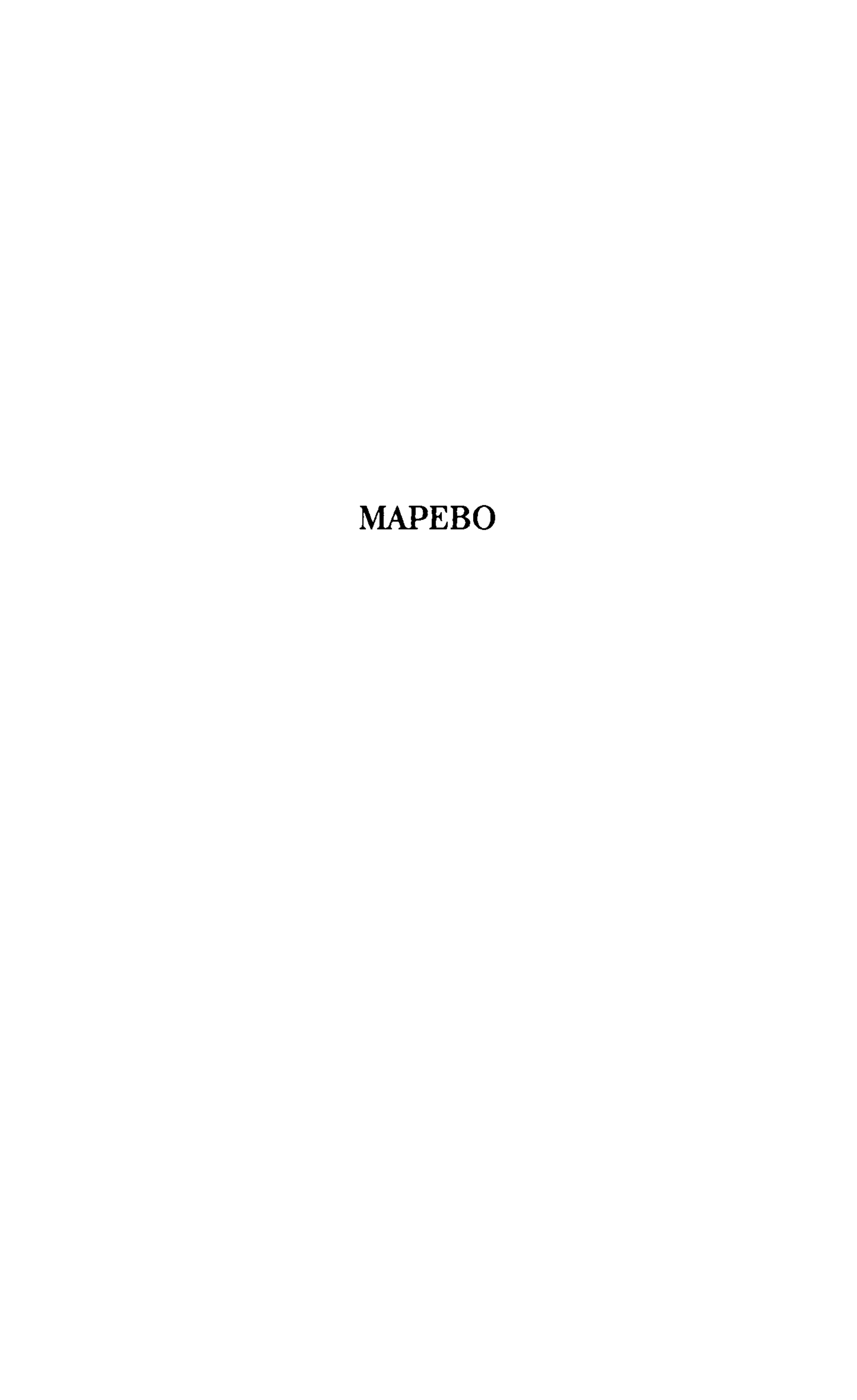
Они обе красивы, как цветок, обрызганный росой. Испанская:

Спи, мое дитятко, спи,
Нет твоей матери дома,

Пречистая Дева Мария
Взяла ее в дом свой служить.

И русская: «Бог тебя дал, Христос даровал».
Воспроизвожу ее из книги *П. В. Шеина «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах». Спб. 1898.*

Бог тебя дал,
Христос даровал,
Пресвятая Похвала
В окошечко подала,
В окошечко подала,
Иваном назвала:
Нате-тко,
Да примите-тко.
Уж вы, нянюшки,
Уж вы, мамушки,
Водитеся,
Не ленитеся.
Старые старушки,
Укачивайте.
Красные девицы,
Убаюкивайте.
Спи-се с Богом,
Со Христом.
Спи со Христом,
Со ангелом.
Спи, дитя, до утра,
До солнышка.
Будет пора,
Мы разбудим тебя.
Сон ходит по лавке,
Дремота по избе.
Сон-то говорит:
«Я спать хочу».
Дремота говорит:
«Я дремати хочу».
По полу, по лавочкам
Похаживают,
Ванюшке в зыбочку
Заглядывают,
Заглядывают —
Спать укладывают.



МАРЕВО

ПРОЩАНИЕ С ДРЕВОМ

Я любил вознесенное сказками древо,
На котором звенели всегда соловьи,
А под древом раскинулось море посева,
И шумели колосья, и плыли ручьи.

Я любил переклички, от ветки до ветки,
Легкокрылых цветистых играющих птиц,
Были древния горы ему однолетки,
И ровесницы степи и пряжа зарниц.

Я любил в этом древе тот говор вершинный,
Что вещает пришествие близкой грозы,
И шуршанье листвы перекатно-лавинной,
И паденье заоблачной первой слезы.

Я любил в этом древе, с ресницами Вия
Между мхами, старинного лешего взор.
Это древо в веках называлось Россия,
И на ствол его — острый наточен топор.

7 сентября 1917
Москва

К ОБЕЗУМЕВШЕЙ

Равномерно уходит дорога
Верстовые мелькают столбы.
Но забывшему правду и Бога
Не добиться красивой судьбы.

Мы отвергли своих побратимов,
Опрокинули совесть и честь.
Ядовитыми хлопьями дымов
Подойдет достоверная месть.

От весеннего Солнца потоком
Золотые излились лучи.
Что ж мы делали в свете широком?
Наряжали мы в плесень мечи.

По путям, городам, и деревням,
Разбросалась двуликая ложь.
С благочестьем порвавшая древним,
Ты куда же, к кому же придешь?

Покачнулась в решеньи неправом,
Опозорилась алость знамен.
И с штыком, от предательства ржавым,
Не достигнешь до славы времен.

Затуманенный лес обесчещен,
В нем от сглаза не видно ни зги.
По стволам выползают из трещин
Только гады, друг другу враги.

К неузнавшему голоса часа
Подойдет ужасающий час.
И какая есть в слове прикраса,
Чтоб зажегся потухший алмаз?

Нам от Севера холод и голод,
Изъязвился угрозами Юг.
Исполинский наш молот расколот,
Приближается бешенство вьюг.

9 сентября

А ТЕПЕРЬ

Ты любил глядеться в Небо голубое,
В зеркале лазурном утопая взглядом,
Ты видал там Бога. В час труда, и в бое,
Ты себя там видел с светлым Богом рядом.

Не принять умел ты роковые цепи,
Смело разбивал их, с злою силой споря.
Уходил далеко, за леса, за степи,
Доходил в стремленьи до живого Моря.

А теперь? Куда же вековая сила
Вся в конец иссякла, мелководьем стала?
Не запляшет звонко молот у горнила,
Пламя разучилось ткать светло и ало.

И когда подходит час грозы и битвы,
И когда на отдых час зовет к усладам,
Нет порыва в сердце, нет в душе молитвы,
И не Бог с остывшим, Кто-то Темный рядом.

9 сентября

МАЯТНИК

Я не сплю, и размеренный маятник, в мрак,
Звуковой посылает мне знак.
И поет, заключая мгновения в счет,
Что минутное все протечет.

Проницая качаньем притихшую тьму,
Он сознанью твердит моему: —
«Ты ошибся во всем. Твой родимый народ,
Он не тот, что мечтал ты. Не тот».

И в глубоком сознаньи я должен молчать,
В этом говоре — суд и печать.

Не одни только сказки и песни и мед,
Сердце полную правду возьмет.

Не принять обвиняющий голос нельзя,
Через совесть проходит стезя.
И правдивую мысль та тропинка пошлет
Через пламя и бурю и лед.

Я любил на заре, я томился весной,
Причастился я песни родной.
Как случилось, что тот, кто так звонко поет,
Так бесчестно свой край предает?

Я от детства любил безрассудный размах
Тех, чье сердце отбросило страх.
Как же отдан врагу укрепленный оплот,
И трусливый лукавит и лжет?

Безконечная ширь. К полосе полоса,
Протянулись поля и леса.
Но окликни всю Русь. Кличь всю ночь напролет,
И на помощь никто не придет.

Там над ямою волчьей ощерился волк,
Человек в человеке умолк.
И петух скоро в третий уж раз пропоет: —
«Твой родной, он не тот. Он не тот».

12 сентября

ХИМЕРА

Облитая кровью жертв самосуда,
Не с млеком, а с ядом взрастившая вымя,
На вече народов пришла ты откуда
И в шайке предателей как тебе имя?

На честных немногих толпой нападая,
Взамен правосудья принесшая ломы,

Комолая, грузно и слепо бодая,
Какие еще ты готовишь погромы?

Петух красноперый над мыслью и кровом,
Смешенье всех ликов в уродстве зверином, —
На зов благочестный ответишь ты ревом,
Ты, с бешенством бычьим и с духом ослиным.

Вспоенная кровью, поящая лжами,
Ты будешь, как только исполнится мера,
В глубокой, тобою же вырытой, яме,
Из чада исшедшая, призрак-химера.

19 сентября

ЗЛАЯ МАСЛЯНИЦА

Западни, наветы, волчьи ямы,
Многогласен лживый, честный нем.
Разве есть еще в России храмы?
Верно скоро сроют их совсем.

Подбоченясь, ходит дух горбатый,
Говорит: «Смотрите, как я прям».
И, забыв сражение, солдаты
По словесным бродят лезвиям.

Ряженый, гуляет темный кто-то,
Вслед за ним идут, оскаля рты,
Все, кому одна теперь забота: —
Сеять злое семя слепоты.

Вырвалось наружу из подполья
Полчища ликующих личин: —
Леность, жадность, свара, своеволье,
Точат нож, и клин вбивают в клин.

Дьяволы, лихим колдуя сглазом,
Напекут блинов нам на сто лет.

Разве есть еще в России разум?
Разве есть в ночи хоть малый свет?

19 сентября

Я ЗНАЛ

Я знал леса, озера, и долины
Как сон великой истовой страны,
В ней были дни, достойные былины,
В ней были чары Солнца и Луны.

Я знал поля, желтеющие рожью,
Высокий труд, правдивые слова,
Я проходил, и видел — к придорожью
Везде склонялась свежая трава.

Я знал людей, их мерные движенья
С теченьем звезд в один слагались лад,
В глазах детей светилось отраженье
Цветов полей, и тех, что красят сад.

В смиренных днях дышала святость духа,
Свобода самородного ума,
И столько песен было чарой слуха,
Как будто это пела жизнь сама.

Я знал любовь к таинственному краю,
Где жертвы были сладостью сердец,
И вот с какой теперь я болью знаю,
Что самой яркой сказке есть конец.

Среди своих как быть мне иноверцем?
Густая ночь, укрой, спаси от дня,
Нельзя дышать, ни жить с пробитым сердцем,
Нет больше в мире братьев у меня.

22 сентября

ПОСЛЕДНЯЯ ТКАНЬ

Последняя ткань золотого ковра,
Последнее зарево осени красной,
Пред жертвой, холодной, жестокой, ненастной,
Пред вражьей минутой, твердящей: «Пора!»

Ты был светлоликим, недавно, вчера.
Весной не расслышав Пасхальное слово,
Что сможешь разведать от дня ледяного,
С кем будешь, и как, проводить вечера!

23 сентября

ОСЕНЬ

Скрыта вся земля туманами,
Наливными, водопьяными,
Будет ливень, будет грязь,
Меж сердец порвется связь.

Листья, бывшие богатыми,
Пали судорожно-смятыми,
В жестком ветре чуть жива
Помутневшая трава.

За истекшими минутами
Глянуть вьюги, станут лютыми,
Все, кто сеял в мире ложь,
Встретят в днях седую дрожь.

24 сентября

СНЯЩИЙСЯ ЦВЕТОК

Я родился в цветущем затишьи деревни,
Над ребенком звездилась лазурью сирень,

На опушке лесной, светлоюной и древней,
        И расцвел и отцвел мой младенческий день.

Не отцвел, — лишь, светясь, перешел в перемену,
        За цветами — цветы, к лепестку — лепесток,
Опьяняющий ландыш влюбляет вервену,
        Васильки словно песнь из лазоревых строк.

На прудах расцветали, белея, купавы,
        В их прохладные чаши запрятался сон,
И качали мечту шелестящие травы,
        Был расцветом мой полдень сполна обрамлен.

Я позднее ушел в отдаленные страны,
        Где как сталь под Луной холодеет магей,
И цветет булава, ест цветы как тимпаны,
        Как змеиные пасти ряды орхидей.

Я узнал, что цветы не всегда благочестны,
        Что в растеньях убийственный помысл глубок.
Но в Змеиных Краях мне не цвел неизвестный,
        Мне приснившийся, снящийся, жуткий цветок.

Лепестковый кошмар, лепестками обильный,
        Окровавленной чашей раскрылся во сне,
А кругом был простор неоглядный и пыльный,
        И чудовищный рев был подобен волне.

На несчетности душ выдыхает он чары,
        Захмелевший, тяжелый, разъятый цветок,
Чуть дохнет, меднокрасные брызнут пожары,
        И пролитая кровь — многодымный поток.

Эта сонная быль, чаша полная гуда,
        Смотрит тысячью глаз и стоит предо мной,
Из садов Сатаны к нам восползшее чудо,
        И как мед там внутри — заразительный гной.

29 сентября

РОССИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Российская Держава,
Где все твое величье?
Корабль твой старый «Слава»
Разбит и утонул.
Твои войска бессильны,
Умы и души пыльны.
Ты в топях безразличья.
Твой блеск — далекий гул.

Российская Держава,
Была ты первой в мире,
Страдая величаво
В своих стесненных днях.
Но вот разъялись хляби,
И лик взяла ты рабий.
Упившись в диком пире,
Проснешься — вновь в цепях.

Российская Держава,
Твой краткий сон — свобода.
Но кто желает права,
Тот должен помнить долг.
А дикость своеволья
Лишь малый миг раздолья.
Нет правды у народа,
И голос воли смолк.

6 октября

ВОРОЖБА МЕСЯЦА

Месяц бледный ворожил рядами теней,
Тень за тенью, призрак призраком гоним.
И какой-то бледный голос давних дней
Говорил: «Убита птица дней, Стратим».
Тень за тенью проходила без конца.
Всем родимая покоилась в гробу.

Возникали в миге — страх и зыбь лица,
И творил холодный Месяц ворожбу.
Безглагольная раскинулась страна.
Над безгласной, — злой и властный Чародей.
Но невольница смеялась, как весна,
Что во сне провидит волю близких дней.
Безглагольная проснулась вдруг вся даль.
Но невольница в весне не знала слов.
Праздник воли быстро вырастил печаль.
От души к душе глубокий рухнул ров.
Звон возник, и обнял благовест всю ширь,
Но мгновенно оборвалось пенье птиц.
И кривым крылом шарахнул нетопырь.
И пошли гулять разбеги огневиц.
Обезумленная пьяная раба
С головы шальной отбросила венец.
Не согрелась на пожарище изба,
Из разбоя не скуешь златых колец.
Тень за тенью. — Что ты сделал? — Я бежал.
И чтоб совесть успокоить, я убил. —
Пред лицом врага он смирно-тих и мал,
С беззащитной у него довольно сил.
Кровь за кровью. — Что ты сделал? — Я поджег.
И под стоны я плясал, плясал, плясал. —
Разум всей страны глубоко занемог.
Будет черным цвет, что был чрезмерно ал.
Птица вольности великая, Стратим.
У нее от моря к морю два крыла.
Дни сожженные — слепой и едкий дым.
Птица радости убита. Жизнь прошла.

6 октября

СЕДАЯ НОЧЬ

Охватной ощупью ползет седая ночь,
Гася, то тут, то там, ликующие пятна
Последних пламеней, и тает безвозвратно
Древесных яхонтов живая узорочь.

Под утро встанет вихрь, и все их сбросит прочь.
Не верится, что май дышал здесь ароматно,
Что зацветал июнь, что август благодатно
Всем самоцветам дал играющую мочь.

Узорный дом молчит. Покой его могилен.
Воспоминания попрятались в углах.
Но крайней алости еще придет размах.

Синь-пламень дьявольский в сердцах незрячих силен
И красный ждет петух, чтоб вдруг завихрить страх.
Глазами круглыми уж с ним стакнулся филин.

8 октября

УПРЕКАЮЩЕМУ МЕНЯ

Может быть, судить я вовсе недостоин,
Может быть, что гнев совсем не мой удел,
Сладкопевец я, создатель дум, не воин,
Штык не поднимал, в окопах не сидел.

Может быть, ты прав: Красивее величье,
Помнить высоту, и все прощать в других.
Быть как Океан, в пустыне безразличья
Накоплять волну, роняя в Вечность стих.

Нет, я не могу, в зеркало покоя,
Не смотрясь в него, роняю — вот — разбил.
Миллионы душ в тисках огня и зноя,
Петь, как раньше пел, сейчас нельзя, нет сил.

Не судить хочу, но только всею болью
Раненой души я должен восстонать,
Что постыден тот, кто к своему раздолью
Допустил врага, не защищая Мать.

Каждому из нас таинственная Пряха
Выпрядет удел. Но знаю лишь одно: —

В Море я тонул, не ощущая страха,
Океан решил — не взял меня на дно.

Смерти пожелав, измерил высоту я,
Ясный, падал вниз, бросая мир людской.
Рок так пожелал, что здесь напевы тку я,
Но пишу стихи я сломанной рукой.

Рок пошлет в огонь, — и ринусь я с размаха,
Ибо не пойму, как можно трусом быть.
Знаю острие единого лишь страха: —
Страшно низким стать, и сердце ослепить.

Так пойми же ты, что сердце в них слепое,
В тех, кто не хотел за свой вступиться Дом.
И они себя слепят еще и вдвое,
Отрекаясь быть с им посланным крестом.

12 октября

КРОВЬ И ОГОНЬ

И покажу чудеса на небе вверху,
И знамения на земле внизу...

Деяния Апостолов, гл. 2; 19

Кровь и огонь и курение дыма
Вам предвещали святые апостолы.
Вы оставались тупыми и черствыми,
Все предвещанья вменяя лишь в дым.
Чаша блаженства мелькнула — и мимо.
Ваша гортань от поджога палима.
Предали Мать. Над заветом седым
Пляшете, в дикие бьете тимпаны.
Бубните в бубны. Вы сыты и пьяны.
Мчится комета. За ней! Улетим!
Мы торжествуем. Смотрите: — Румяны.
Наши румяна нам бес приготовь.
Здесь мы румянимся в братскую кровь!

Или Луна не бывает кровавой
В час как из рощи выходит со славой?
Самое Солнце в своем терему
Разве не спит, все укутавшись в тьму?
Темны вы? Душу сильнее темните,
Красны вы? Тките кровавые нити.
Петлями белые шеи стяните.
Бубните в бубны, средь стынущих стран,
Миг торжества всем отступникам дан.

Только запомни, — ты стар или молод, —
Плата измены — презренье в веках.
В снежных равнинах крадется к вам голод,
Плахи взрастают в дремучих лесах.
С неба низвергнется огненный молот,
В пляшущем пляшет не песня, а страх.

Бездна разъятая ненасытима,
Прежде чем месть не восстанет на месть.
В хворост затоптана древняя честь,
В хворосте искра глубоко хранима.
Брызнет. Уж брызнула. Мертвые, мимо
Мнимо-живых, — посмотри, их не счесть, —
Вырвались. Мчатся. Их мощь нерушима.
Знаменье всем вам, вас сколько ни есть: —
Кровь и огонь и курение дыма.

28 декабря

В СИНЕМ ХРАМЕ

И снова осень с чарой листьев ржавых,
Румяных, алых, желтых, золотых,
Немая синь озер, их вод густых,
Проворный свист и взлет синиц в дубравах.

Верблюжьи груды облак величавых,
Увядшая лазурь небес литых,

Весь кругоем, размерность черт крутых,
Взнесенный свод, ночами в звездных славах.

Кто грезой изумрудно-голубой
Упился в летний час, тоскует ночью.
Все прошлое встает пред ним воочью.

В потоке Млечном тихий бьет прибой.
И стыну я, припавши к средоточью,
Чрез мглу разлук, любимая, с тобой.

1 октября, 1920
Париж

ОТТОГО

Отчего ты среди ликованья печален?
На полях, как и прежде, голубеет лен,
И качаются светы лесных прогалин.
— Оттого, что я с милой моей разлучен.

Отчего ты как осень томительно-скучен?
За разлукой свиданье — достоверный закон.
Много в мире есть рек, уводящих излучин.
— Оттого, что я слышу задавленный стон.

Отчего ж ты не веришь в творящие грозы?
За раскатами грома — зеленая новь.
— Оттого, что мне сердце обрызгали слезы,
Оттого, что мне в душу добрызнула кровь.

8 октября

ИЗ НОЧИ

Я от детства жил всегда напевом,
Шелестом деревьев, цветом трав,

Знал, какая радость, над посевом,
Слышать гул громов и шум дубрав.

Видеть честность лиц, когда упруго
Жмет рука надежную соху.
Слышать, сколько звуков в сердце друга,
Волю мчать по звонкому стиху.

В поле ячменей светловолосых
Видеть знак достойного труда.
Путь иной — ходить в кровавых росах,
Знак иной — багряная звезда.

Час иной — когда все люди звери,
И от сердца к сердцу нет дорог.
Я не знал, какой дождусь потери,
Этого предвидеть я не мог.

Я не знал, что все дожди не смоют
Ржавчины, упавшей на поля,
Люди строят, духи тоже строят,
В мареве родимая земля.

Я смотрю на ночь из кельи тесной,
Без конца проходят облака.
Где мой день святыни благочестной?
Где моя прозрачная река?

Я смотрю на мир в окно чужое,
И чужое небо надо мной.
Я хочу страдать еще хоть вдвое,
Только б видеть светлым край родной.

Слышу, в сердце лед разбился звонко,
Волны бьются, всплески жадоб для.
Мать моя, прими любовь ребенка,
Мир тебе, родимая земля.

8 октября

УЗНИК

В соседнем доме
Такой же узник,
Как я, утративший
Родимый край,
Крылатый в клетке,
Сердитый, громкий,
Весь изумрудный,
Попугай.

Он был далеко,
В просторном царстве
Лесов тропических,
Среди лиан,
Любил, качался,
Летал, резвился,
Зеленый житель
Зеленых стран.

Он был уловлен,
Свершил дорогу,
От мест сияющих
К чужой стране.
В Париже дымном
Свой клюв острит он
В железной клетке
На окне.

И о себе ли,
И обо мне ли,
Он в размышлении,
Зеленый знак.
Но только резко
От дома к дому
Доходит возглас: —
«Дурак! Дурак!»

9 октября

ЗВУК

Тончайший звук, откуда ты со мной?
Ты создан птицей? Женщиной? Струной?
Быть может, Солнцем? Или тишиной?

От сердца ли до сердца свеян луч?
Поэт ли спал, и был тот сон певуч?
Иль нежный с нежной заперся на ключ?

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

Быть может, за преградою морей,
Промчался ветер вдоль родных полей,
И прошептал: «Вернись. Приди скорей».

Быть может, там в родимой стороне
Желанная томится обо мне,
И я пою, в ее душе, на дне?

И тот берущий кажущийся звук
Ручается, как призрак милых рук,
Что верен я за мглою всех разлук.

9 октября

ЗАВТРА

Как тот, кто спит под низкой крышкой гроба,
Но слышит все, чем полон мир земной,
Я знаю все, сполна передо мной
Земная разверзается утроба.

В веках должны вскипать вражда и злоба,
В твореньи — мед, в твореньи также гной,
И им черед обоим быть волной,
Есть Бог, есмь я, мы существуем оба.

Главенствует какая из примет?
Ормузд лучистый? Полночь Аримана?
Я строю город около вулкана.

Строительству иного места нет.
Я сброшу саван завтра утром рано,
И вьюги заметут старинный след.

14 октября

ТОЛЬКО

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэззин, —
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира, —

Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин, —
Ни все места, где пела счастью лира, —

Ни Рим, где слава дней еще жива, —
Ни имена, чей самый звук услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, —

Мне не поют заветные слова, —
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

15 октября

ПО ВСХОДАМ

Я не верю в черное начало,
Пусть праматерь нашей жизни Ночь,
Только Солнцу сердце отвечало,
И всегда бежит от тени прочь.

Я не верю. Нет закона веры.
Если верю, знает вся душа,
Что бессильны всякие примеры,
И что жизнь в основе хороша.

И сегодня будет час заката,
И сегодня ночь меня скует,
Но красивы волны аромата,
И цветок в ночи готовит мед.

Если камень вижу я случайно,
И его окраска холодна,
Знаю я, что волшебствует тайна,
Лишь ударь, и искра в нем красна.

Если скажут: Солнцу быть не вечно,
Есть конец и солнечной игры,
Я взгляну, полнеба светит млечно,
Там миры баюкают миры.

Нам даны ступени темных лестниц,
Чтоб всходить к горнилу всех лучей,
Все минуты мчатся с ликом вестниц,
В новом всходе будешь петь звончей.

Снова будем в ласковом тумане,
В радости узнать начальный час,
И нашепчет голос старой няни
Вечно-торжествующий рассказ.

16 октября

РАНЕНЫЙ

Свет избавляющий, белый Христос,
С красною розой в груди.
Вспомни меня в колдовании гроз,
Вспомни меня и приди.

Левую руку прибили гвоздем,
        Правую руку другим.
Ранили сердце, и пламени в нем,
        Не к кому крикнуть: «Горим!»

Все мои братья убийства хотят,
        Братья на братьев с ножом.
Каждое слово — сочащийся яд,
        Что мы ни скажем, солжем.

Красное зарево зыбится там,
        Белое марево тут.
Как же найти мне дорогу к цветам?
        Бешенством дни не цветут.

В рваных лохмотьях, в дыму без конца,
        Бьется ослепшая Мать.
Страшны личины родного лица,
        Жутко забыть благодать.

Вызови влагу, ударив утес,
        Верный расцвет возроди.
Сын к тебе тянется, белый Христос,
        С красною раной в груди.

6 ноября

ВСТРЕЧА

Ты подстерег меня в минуту крайней пытки,
Когда один, душой, я с небом говорил,
А листья падали, и золотые свитки
Ложились на земле пред усыпленьем сил.

Ты подстерег меня, как добрый брат, который
Увидел издали тоскующую тень.
А осень зыбила предзимние уборы,
И был нам братский миг — души к душе ступень.

Зиме судьба дала красивого предтечу: —
Мгновенье тишины, пришедшей в должный срок.
Я светлою росой обрызгал нашу встречу,
И отдаю тебе осенний мой цветок.

6 ноября

С КЕМ?

С кем мне говорить? С неверным иноверцем?
С ним, кто сеет смерть, пожар по городам?
Нет, с одним моим пустынно-нежным сердцем,
Сердца моего врагу я не отдам.

С кем же говорить? С слепцом? С единоверцем?
С ним ли, кто Судьбой уловлен в западню?
Нет, с одним моим, тоской сожженным, сердцем,
Сердцу моему вовек не изменю.

7 ноября

МЕЖ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Бесконечны снежные поляны,
Горы, степи, хмурые леса.
Ах, я знаю солнечные страны,
Видел голубые небеса.

Индия, Ниппон, Самоа, Ява,
Знавший Фараонов, мощный Нил,
Обо всем, что в мире величаво,
Я любовно память сохранил.

Есть повсюду праздники живые,
Вольный путь свершает красота.
Но страна, где я любил впервые,
Более не прежняя, не та.

Разломилась гордая твердыня,
Разорвалась радостная связь,
Где цвели просторы, там пустыня,
Где был труд, там брызжет кровь и грязь.

Умерли. Замучены. Убиты.
Или смотрят в мерзлое окно.
И Луна струит им хризолиты,
Но смотрящий стынет, пал на дно.

Где моя любимая? Жива ли?
Все ли в мыслях ласковых со мной?
Я в соленых брызгах, в диком вале,
Он напрасно встал над глубиной.

Я был каплей между капель водных,
Строивших приливную волну.
Праздник душ среди пространств раздольных,
Он ушел в какую же страну?

Совершилось древнее заклятье: —
К четырем ушедшие ветрам,
Косо друг на друга смотрят братья,
Горе тем, кто свой оставил храм.

Мне нигде нет в мире больше места,
В каждом миге новый звон оков.
Приходи же Белая Невеста,
У которой много женихов.

Но доходит голос издалека: —
«Подожди, не твой еще черед,
Путь свершай, не упреждая рока.
Белая Невеста всюду ждет».

Хватит ли последнего усилья
Подойти к заветному ключу?
Из тоски скую себе я крылья,
И к желанным в бездну улечу.

14 ноября

ЖУТЬ

Снежный сон от края и до края
Безоглядно стынущей страны.
Кто-то ходит, кровью окропляя
Бесконечность белой пелены.

Чья-то тень, огромна и безлика,
Сеет в снеге красные цветы.
Вырастут они, и смотрят дико
В холоде взметенной темноты.

Отцветут, и лепестков багряных
Много на запятнанном снегу.
Пляшет вьюга. Свищет в плясках пьяных.
Я смотрю. Я жду. Я стерегу.

Знаю. Это час для привидений.
Но Луна, узнавшая ущерб,
Ждет своих назначенных мгновений,
Выточит для оборотня серп.

Голову у оборотня срежет,
Выпустит еще свою метель,
Хлопья снега нового разнежит,
Всюду будет белая постель.

Вся земля задремлет в сне заклятом,
Чтоб весной, взглянувши в небосклон,
Прошептать, упившись ароматом: —
«Я спала. Мне снился страшный сон».

14 ноября

ДВУМ

Ты золотая хризантема,
И черный ирис — милый твой.
Мое живое сердце немо
От тяжкой скорби мировой.

Вы оба к нежному расцвету
Раскрылись ласковой душой.
Но я устал бродить по свету,
Мне грустно в радости чужой.

Ты золотая хризантема,
И дружны в цвете два цветка.
Но мыслям тяжело от шлема,
В усталом воине тоска.

Прошли веселые ловитвы,
Умолк мой звучный гордый рог.
Я лишь обломок долгой битвы,
В которой победить не мог.

19 декабря

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Нарядный город, бывший торжеством,
Стал рамою исчезнувшей картины,
Где был поток, ленивый глянец тины,
И смерть везде, где был огонь в живом.

Гроза пришла. Такой был гул и гром,
Что все упали наземь властелины.
И руки убивали. Гнулись спины.
Хребты ломались. Разум пал ничком.

Взыграла ярость пламени и дыма,
И все свое народ мой сжег в огне.
Сто миллионов — в пропасти, на дне.

Но кликнут к Богу, как пойдет Он мимо.
В моей стране беда неисчислима,
К твоей стране беда идет вдвойне.

19 декабря

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

Где больше жертвы и беды,
    Там ближе к правде дух.
Огонь единственной звезды
    Узнал с земли — пастух.

Где беспредельна нищета,
    Там слышит песню слух.
И в мире выросла чета,
    Встает второй пастух.

Где свет в душе, там кроток вздох,
    Мечтает сердце вслух.
С звезды глядит на землю Бог,
    И третий встал пастух.

Дрожит глубокий небосклон
    От лучевой игры.
И в скудных яслях дышет Он,
    Кто поведет миры.

В предельной бездне взвеян страх,
    Мрак, смотрит из норы.
Но в них, в притихших пастухах,
    Грядущие миры.

С звезды к душе хрустальной звон,
    Так ключ бежит с горы.
Кто верит, с теми вечно Он,
    В Ком жизнь и все миры.

22 декабря

В МЕТЕЛИ

Я шел и шел, один, в снегу.
Еще живу — с какой же целью?
На чуждом диком берегу,

Свистящей схваченный метелью,
Иду, и больше не могу
Вверяться цепкому морозу.

Но вдруг, на взвеянных снегах,
Я алую увидел розу.
Чья кровь на этих лепестках?
Чья мысль? Чья жизнь? И сон? И страх?
Какой души долготерпенье
Дождалось вьюжного цветенья?
Не знаю. Но в чужом краю
Всем тем, кто сердцем любит пенье,
Я эту розу отдаю.

22 декабря

ЧАСЫ

1

Мне говорила мать моя,
Что в том едином первочасьи
Не закричал родившись я,
А был в таинственном безгласьи.

Мой первый час — не первый крик,
А первый долгий миг молчанья,
Как будто слушал я родник,
Напев нездешняго звучанья.

И мать сказала: «Он умрет».
Она заплакала невольно.
Но жив, живет певучим тот,
Кто тайну слушал безглагольно.

2

В саду многоцветном, в смиренной деревне,
Я рос без особых затей.

Не видел я снов о волшебной царевне,
И чужд был я играм детей.
Я помню, любил я под Солнцем палящим
Один приютиться саду.
Один по лесным пробирался я чащам,
Один я смотрел на звезду.
За ласточкой быстрой, воробушком, славкой,
Следил я, прищурив глаза.
Был каждой утешен зеленою травкой,
И близкой была стрекоза.
И счастье большое — смотреть у забора,
Как ящериц серых семья
Купается в солнце, не видя дозора,
Любил и не трогал их я.
И радость большая — увидеть, как утки
Ныряют в пруду пред грозой.
Услышать, что вот в грозовом первопутке
Громовый разносится вой.
Под первые брызги дождя золотого
Подставить, так жадно, лицо.
Искать под березой неверного крова,
Хоть вон оно, близко крыльцо.
Часы голубые в лазоревой шири
Скопили минуты гурьбой.
Им молния — стрелки, и тучи им — гири,
И гром был им — радостный бой.

3

Лежать в траве, когда цветет гвоздика,
И липкая качается дрема.
Смотреть, как в небе сумрачно и дико
Растут из шаткой дымки терема.

Узнать, что в юном сердце есть хотенье,
Истома, быстрой крови бьется жгут.
Она. Она. С ней праздник, полный рденья,
Безумный танец бешеных минут.

Жестокость золотого циферблата.
О, Солнце! Заходи. Придет она.

Весь разум взят, все сердце жаждой взято.
Секунды бьются в пропасти без дна.

Они поют, и в каждой — боль пронзенья.
Хочу. Люблю. Где Солнце? Ночь уж тут.
Луна горит. В ней правда вознесенья.
Я сжат кольцом томительных минут.

Он острый, край серебряного круга.
И мгла кругом. В цвету небесный куст.
Я царь всего от Севера до Юга.
Огонь в огонь. Уста до алых уст.

4

Тик-так. Тик-так. Часов карманных
Проворен лепет близ постели.
Красива сказка снов желанных,
Красив и вой слепой метели.

Не так, не так правдивы струи,
И все цветные ткани жизни,
И все немые поцелуи,
Как всплеск рыдания на тризне.

Тик-так. Тик-так. Храни ребенка,
Который в сердце помнит детство.
Но Хаос жив, и кличет звонко,
Что вечно темное наследство.

Не так, не так тебя ласкало
Твое мечтанье и желанье,
Как жалит, в полночь жизни, жало.
Тик-так. Тик-так. Люби изгнанье.

5

Полночь бьет. Один я в целом мире.
Некому тоску мою жалеть.

Все грозней, протяжнее и шире,
Бой часов, решающая медь.

Безвозвратно кончен день вчерашний.
Воплотился в яви жуткий сон.
С вечевой высокой грозной башни
Бьет набат, в пожаре небосклон.

Полночь ли, набат ли, я не знаю.
Прозвучал двенадцатый удар,
Бьют часы. И я к родному краю
Рвусь, но не порвать враждебных чар.

Кровь моя — секунда в этом бое.
Кровь моя, пролейся в свет зари.
Мать моя, открой лицо родное.
Мать моя, молю, заговори.

29 декабря

ОСТЫВШИЙ ГОРОД

Красивый город с тысячью затей,
В свой час узнавший ночь Варфоломея,
Не с Богом ты, но весь в извивах Змея,
И любишь игры чувств, как чародей.

В марионетки превратив людей,
За громом битв ослепнув и немея,
Изящная холодная камея,
Ты только призрак жизни и страстей.

Уж много бурь средь этих улиц стройных
Промчалось в протяжении веков,
И больше не создашь ты новых слов.

Лишь много новых служб заупокойных
Узнаешь ты, когда, разъявши ров,
К тебе придет скрещенье двух ветров.

30 декабря

НЕИСТРЕБИМОЕ

Золотая разливная спелая рожь,
Перекличка зарниц в захмелевшем июле,
Пересветы серпов, — это правда, не ложь,
Эта правда жива и в безумном разгуле.

Не однажды пропетый зеркальный затон,
Под ракитами речка в сквозистом тумане,
На опушке цветы, — это явь, а не сон,
Это клад, что горит и во мгле испытаний.

Шелестящий овес, бородатый ячмень,
И протяжная песня вон там за холмами,
И живой поцелуй, — это будущий день,
Это вольные птицы над нами и с нами.

И о чем ни вздохнешь, и куда ни пойдешь,
И в какие бы страны ни кинут Судьбою,
Только то, что твое, только это не ложь,
Если грустно, приди, только я успокою.

30 декабря

ПРОСВЕТЫ

Блеснув мгновенным серебром,
В реке плотица, в миг опаски,
Сплетет серебряные сказки.

Телега грянет за холмом,
Домчится песня, улетая,
И в сердце радость молодая.

И грусть. И отчий манит дом.
В душе растает много снега,
Ручьем заплачет в сердце нега.

И луч пройдет душевным дном,
И будешь грезить об одном,
О несравненном, о родном.

30 декабря

КРАСНОЕ МОРЕ

Через Красное море летят перелетные птицы,
Удаляясь от смутной страны,
От родимых болот, от лесов, от села, от станицы,
От родной тишины.

Сколько серых и белых и черных тех крыльев усталых,
Точно в страхе жестоких погон.
А закат им бросает сияние отсветов алых,
Распалив свой огонь.

И замучены долгим усильем, измяты ветрами,
И пути не предвидя конца,
Эти птицы становятся красными в облачной яме,
От игры багрянца.

Долетят ли? Одни долетят. А другие в просторе
Упадут, утомясь вышиной.
И в подвижном костре неоглядное Красное море
Захлестнет их волной.

30 декабря

СОН

На лбу холодном был мертвый венчик,
И хор церковный гудел, как гром.
Но вдруг далеко запел бубенчик.
Я встал из гроба. Смотрю кругом.

Пустырь. Пустыня. Равнины. Степи.
Горят деревни и города.

Но я не мертвый. И я не в склепе.
Я звук. Я песня. Я жуть. Беда.

Я мчусь на тройке, той самой, буйной,
Что вещий Гоголь пропел векам.
И ветер веет. Он многоструйный.
Коням дорогу. Все в мире нам.

По ровной глади, по косогорам,
Куда ни мчаться, мне все равно.
И колокольчик напевом спорым
Меня уводит. На высь? На дно?

30 декабря

СНЫ

Закрыв глаза, я вижу сон,
Там все не так, там все другое,
Иным исполнен небосклон,
Иное, глубже дно морское.

Я прохожу по тем местам,
Где никогда я не бываю,
Но сонно помню — был уж там,
Иду по туче прямо к краю.

Рожденье молний вижу я,
Преображенье молний в звуки,
И вновь любимая моя
Ко мне протягивает руки.

Я понимаю, почему
В ее глазах такая мука,
Мне видно, только одному,
Что значит самый всклик — разлука.

В желанном платье, что на ней,
В одной, едва заметной, складке,

Вся тайна мира, сказка дней,
Невыразимые загадки.

Я в ярком свете подхожу,
Сейчас исчезнет вся забота.
Но бесконечную межу
Передо мной раскинул кто-то.

Желанной нет. Безбрежность нив.
Лишь василек один, мерцая,
Поет чрез золотой разлив
Там, где была моя родная.

31 декабря

ПЕРЕСВЕТЫ

Душиста нежная мимоза
В своем цветеньи золотом.
Но где-то срывный хруст мороза
И желтый Месяц надо льдом.

Я пью вино, и все мне мало.
Но вдруг шепнет моя душа,
Что в жилах кровь мерцает ало
И жертва Богу хороша.

Я тайно взят растущим сглазом,
Мне бич — пьянящая струя.
Но в ужаснувшийся мой разум
Не в силах заглянуть друзья.

И в миг, когда они как птицы,
Но с птицей дикой и чужой,
Ликует пламя огневицы
Перед разъятою душой.

Недуг владеет слабым телом.
Но дух — в своем. И видно мне,

Как я с лицом спокойно-белым
Безгласно прислонен к стене.

И внятно кличут где-то льдины,
Что все вмещу я в мысль мою,
Но лишь не призраки чужбины,
А жизнь и смерть — в моем краю.

8 января. 1921
Париж

КАПЛИ

По водосточной трубе стекая,
Уходит капля, за ней другая,
С высот сорвавшись, перебегая,
        Стекают вниз.

Они блистали росой алмазной,
Они блуждали дорогой связной,
И вот с землею, намокшей, грязной,
        Упав, слились.

Их шелестенью я весь внимаю,
Осенним сердцем прикован к маю,
Я их считаю, по ним гадаю,
        Я сплю не сплю.

Пути блужданий мне все известны,
И эти капли, они телесны,
Но не жестоки, но не бесчестны,
        Я их люблю.

Я с ними в черном полночном храме,
Забыт друзьями, убит врагами,
Но не добитый, не в смертной яме,
        Где буйству — тишь.

И мне лишь пряжа мечты с тоскою,
И шорох капель один со мною,
Часы чужие там за стеною,
И где-то мышь.

7 мая

В ПУСТЫНЕ

Бедой не покроешь беду.
В холодном лучистом бреду
Звезда окликает звезду.
Один я в пустыне иду.

Застыли в душе жемчуга.
Смешались в снегу берега.
Меж сосен, одетых в снега,
Дорога к врагу от врага.

Безбрежна бесчинная ложь.
Готовь мой отточенный нож.
Но, если он даже хорош,
Обман лезвием не убьешь.

Беда не покроет беду,
И я во вселенском бреду
Душою увидев звезду,
Всегда благовестия жду.

Несчетно разбрызгана кровь.
Но спит нерожденная новь.
И, если ты веришь в любовь,
Костер для себя приготовь.

Гори, расцвечайся, и верь.
Ты выжжешь к грядущему дверь.
Из бездны является зверь.
Он в бездну уходит теперь.

14 мая

ЧАС БАРХАТА

Шелк золотой и багряный развеялся с песней вечерней.
Голос молитвы восходит к дрожанью затепленных звезд.
Топот коней при возврате в пространстве звучит равномерней.
Около темного замка подъемный окончился мост.

Ночь передумает много пред часом седым зачинаний.
Снова поднимутся копья, ударят щиты о щиты.
Черный смиряющий бархат, сгустись в догоревшем тумане.
Благо душе человека, что есть и часы темноты.

21 мая

ЗЛАЯ СКАЗКА

Слева тянется кровавая рука.
Приходи ко мне и будет жизнь легка.
Слева тянется проклятой сказки ложь.
Приходи, от Сатаны ты не уйдешь.

Справа светятся обманно огоньки.
Справа нет тебе ни зова, ни руки.
Лишь один завет: Налево ни чуть-чуть.
И кладут тебе булыжники на грудь.

О, предтечи светлоокие мои,
Было легче вам в стесненном житии.
Раньше было все во всем начистоту.
А теперь из пыли платье я плету.

У меня в моих протянутых руках
Лишь крутящийся дорожный серый прах.
И не Солнцем зажигаются зрачки,
А одним недоумением тоски.

Я ни вправо, я ни влево не пойду.
Я лишь веха для блуждающих в бреду.
Мир звериный захватил всю землю вплоть.
Только птица пропоет, что жив Господь.

21 мая

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Ложится белый свет на крыши
От круглой мертвенной Луны.
Ночной полет летучей мыши,
Кривясь, меня уводит в сны
Невозвратимой старины.

Я был. Любил. Я жил. Когда-то.
Но майской ветке — час один.
Я знаю волны аромата.
Я также знаю скрепу льдин,
Когда в безбрежном ты один.

Но вот глухие льды пробиты.
Прошел вспененный ледоход.
Седые нежатся ракиты.
В своей норе проснулся крот.
Во всех страстях водоворот.

Лишь я один, любя безгранно,
Как чарой, скован тишиной.
И мне не странно, а желанно
Быть отделенной, в час ночной,
Летучей мышью под Луной.

21 мая

БЕЗЧАСЬЕ

Каждый день умножает ужас,
Каждый час умирает колос.
И беда, в полноте обнаружась,
В целый мир устремляет свой голос.

Но напрасны воззванья сердца,
И бесплодны призывы к чести.
Нет дороги к душе иноверца,
Мы родились, молились не вместе.

С миллионами душ злосчастье,
Миллионы в безумной тревоге.
От людей до людей безучастье,
И Земля позабыла о Боге.

24 июля, 1921
Бретань

ЗАПУСТЕНИЕ

Тридцатилетняя война
Была не более ужасна,
Чем власть, которая дана
Судьбой слепцам блуждать напрасно.
Вот за слепым поводырем
Спешит незрячая охота,
Как за невидящим царем
Тупые варвары без счета.
Кровавых нужно им добыч,
В соседстве с ними жизнь не дышет,
И кинь какой ты хочешь клич,
Слов разума их слух не слышит.
И не с рогатиной они,
Не на медведя, не на волка,
На тех, кто, мысля искони,
Не одного с лжецами толка.
Сто миллионов оплели
Кроваво-грязной паутиной,
Тысячелетний храм в пыли,
Века свершений взяты тиной.
Где от могучего Петра
Сверкало яркое наследство,
Теперь барсучья там нора
И с насекомыми соседство.
Где златоглавая Москва
Являла творческие силы,
Там стали все дома — хлева,
И каждый час растут могилы.
Где были желтые моря

Многозернистой пышной нивы,
Там смерть, с болезнью говоря,
Лишь эти две многоречивы.
Слепой паук все тянет нить,
Сплетает лживое витийство.
О, кто придет — убийц убить,
Чтоб, их убив, убить убийство!

27 июля

БЕСНОВАТЫЕ

На мысль есть мысль, на слово — слово,
На пламень — пламень, гнев — на гнев.
Но в человеке есть основа
Сдержать себя, перекипеть.

И с тем, кто мыслит вовсе розно,
И с тем, чье слово не мое,
Могу я слиться многозвездно
И, жизнь приняв, любить ее.

Но с тем, чье красноречье — пули,
Кто нож берет на довод мой,
Мне будет холодно в июле,
И душно будет мне зимой.

Но с тем, кто хочет лишь насилий,
Кто лжет в бездонность темноты,
Любая лошадь будет в мыле,
Не пробежав и две версты.

Но кто во всем лишь соглядатай,
И только чтит свой узкий лоб,
С тем бедный также, как богатый,
Найдет лишь нищенство и гроб.

И тех, кто знает лишь расстрелы,
С кем гнет и ржавчина цепей,

В людские не включай пределы: —
Кто Смерть призвал, тот будет с ней.

28 июля

ЗАБЫТАЯ ПРИТЧА

И был их легион, вошедших в одного.
Бесами мучимый, свиреп был бесноватый.
О камни бился он. Не слушал никого.
Тысячеглавый дух крутился в нем, рогатый.

Никто не в силах был безумца укротить.
В горах, в гробах кричал он с мощью исполинской.
Оковы разбивал, и цепи рвал как нить.
Но Некто был сильней над влагой Гадаринской.

Увидев же Его, он кланялся Ему.
«Что до меня Тебе?», — воскликнул издалека.
Но Некто был сильней, и сеющего тьму
Заклял Он выйти вон. Слепым грозило Око.

«Как звать тебя?», — спросил. — «Мне имя легион.
Мы бешенствуем здесь. Нам в том одна дорога.
Не мучай. Не гляди. Не высылай нас вон.
Сын Бога, дай нам быть. Дозволь во имя Бога».

И Он дозволил им, бесам, войти с свиней.
Свиные голоса слились в зверином хоре.
По взморью пробежал мгновенный пляс огней.
И стадо с крутизны всем грузом сверглось в море.

А тот, кто был свиреп и в душных жил гробах,
Сидел одет, умыт, и был в уме он здравом.
Сквозь тьму двух тысяч лет прорвался новый страх.
Но Некто, кто сильней, ведет нас к новым славам.

29 июля

НЕИЗБЕЖНОЕ

Кто не со Мною, тот против Меня.
Не собирая со Мной, расточает.
Вышняго слушайтесь сердцем огня.
Дух наш предельную пытку встречает.

Древо познаешь всегда по плоду.
Тайности в час свой становятся видны.
Злыми как можете видеть звезду,
Если вы здесь порожденья ехидны.

Доброе, добрый выносит вовне.
Злой же выносит сокровище злое.
Зримы все ваши блуждания Мне.
Дух ваш как дно обнажился морское.

Где красовалась вся бездна морей,
В солнце песчаные мертвы пустыни.
Не исполняющий воли Моей
Волей Отца осуждается ныне.

Как был Иона во чреве кита
Меру трехночья и меру трехдневья,
Меру и ваша пройдет темнота,
Прежде, чем Бог снизойдет к вам в кочевья.

29 июля

АКТЕРЫ САТАНЫ

Растоптавшие Христа,
Умножающие гной,
Люди лающего рта,
Люди совести двойной.

В понедельник скажут «Да»,
И во вторник скажут «Нет»,
И повсюду и всегда
Превращают жизнь в скелет.

Лгут, что им желанен труд,
Пулей всем велят: «Молчи».
Как разбойники берут
И живут как палачи.

Сотни тысяч строят в ряд
Лишь затем, чтоб их убить,
Песьим лаем говорят,
Тянут дьявольскую нить.

Паутина Сатаны,
Волчьи ямы на пути,
Годы долгие должны
Будут этот сор мести.

И разгневалась Земля,
Распалился лютый зной,
Потому что из Кремля
В целый мир струится гной.

И разгневалась Судьба,
Потому что громоздить
Бесконечные гроба
Это дьявольская нить.

Это праздник Сатаны,
Коготь зверского ума,
Для растерзанной страны
Голод, казни, и чума.

Край, что был для стольких стран
Пышной житницей зерна,
В извержении вулкан,
Сквозь жерло не видно дна.

А незрячий мир кругом
Не поймет еще никак,
Что предельный грянул гром
И для всех ниспослан знак.

Апокалипсис раскрыл
Ту страницу, где в огне
Саранча со звоном крыл,
Бледный всадник на коне.

И великая страна,
Что узнала Божий бич,
Есть угрозный вопль со дна,
Есть последний к миру клич.

31 июля

Я РАД

Под камнем могильным давно мой отец,
Я рад, что он крепко заснул.
Его миновал остролистный венец,
Звериный не слышал он гул.

Под камнем могильным родимая мать,
Уснула и дремлет давно.
Я счастлив, что ей не пришлось увидать,
Как грязно душевное дно.

Я рад, что они до последнего дня
На творческом были пути.
И к ним, из родимого дома гоня,
Слепец не успел подойти.

Я счастлив, что им не пришлось увидать
Паучью удавную нить.
Скоту приказали их сад растоптать,
Велели их дом распилить.

И также за брата я рад моего,
Давно он в нездешней стране.
И если живу я, так лишь оттого,
Что смерть не приходит ко мне.

1 августа

БЛУЖДАЮЩАЯ ДУША

Ряды погасших солнц в безжизненных глазах.
Взамен веселия ликующей гордыни,
Сереют чахлые бестравные пустыни.
Колодезный зрачок, но в нем лишь мертвый страх.

Комки сухой земли в безумных волосах.
Вчера надменная и пышная, отныне
Она пугливо ждет прихода благостыни.
Но скуп стал человек, и в сердце мира прах.

Она склоняется. Молчат земные глыбы.
Погасла трав живых цветная узорочь.
Не явит ласку день. Не скажет тайну ночь.

Она идет вдоль рек. Все перемерли рыбы.
Я в пропасти иной. Но та же боль точь-в-точь.
И той родной душе я не могу помочь.

2 августа

СУМАСШЕСТВИЕ

Земля сошла с ума. Она упилась кровью,
Пролитой бочками. Нет, даже винный склад,
Где втулки вырваны, и вин багряных яд
Пролился на сто верст, и ввергнул в долю вдовью

Два миллиона жен, и черно-красной кровью
Явил поля кругом бурлящий водопад,
Не в силах намекнуть на тот безмерный ад,
Что дух творит людской, предавшись прекословью.

Слова все сказаны. Они бродячий труп.
Где вынута душа, там только привиденье.
И лишь змеиный глаз. И только ведьмин зуб.

Дух благостный засох. Сгорели все растенья.
И если есть еще движенье жестких губ,
Молись, чтоб колос встал из бездны запустенья.

4 августа

ХЛЕБА НЕТ

Есть хочется. А хлеба нет.
Я это знал в Москве забытой,
В Москве когда-то именитой,
Где саранча бесовской свитой,
Засев, сидит уж много лет.
Я голоден. И хлеба нет.

Работаю. Чуть брезжит свет.
Работаю. Изнемогаю.
Терпенью пленника нет краю.
Надеюсь. Жду. Томлюсь. Сгораю.
Метелью занесен мой след.
Я есть хочу. Но хлеба нет.

Последний дорогой предмет
Давно уж продан лиходеям.
Опутаны бесовским змеем,
Мы стынем. Низимся. Немеем.
Ничей к нам не дойдет привет.
И голодно. И хлеба нет.

А тут же рядом тот же бред.
Жена. Сестра. И мать. И дети.
В одной холодной жалкой клети.
В тисках единой цепкой сети.
Я в теле чувствую скелет.
Хоть корку хлеба. Хлеба нет.

4 августа

К БРАТЬЯМ

Я Христа в мучениях не видел.
Я устал бродить по всем векам.
Но пойму прощение к врагам.
Помогите тем, кто вас обидел,
Этим серым темным мужикам.

Сколькие из них грабеж свершили.
Сколькие убили. Или все?
Час был враг и правде и красе.
В них века метнули вихрем пыли.
Не взошел посев на полосе.

И они ли были нам врагами?
Не они, а те, чья мысль — вертеп,
Кто для Бога всей душой ослеп.
Размягчим наш дух в родимом храме,
Жизнь да будет там, где ныне склеп.

4 августа

ВОЗМЕЗДИЕ

Когда глашатай грабежа и казни
Сказал толпе: «Награбленное грабь!»,
Он плыл в ладье, едва качала рябь,
И с бурею играл он без боязни.

Но слишком много было в том соблазне.
Раскрылась глубже дьявольская хлябь.
И он напрасно говорил: «Ослабь!» —
Тем духам, с кем он в темной был приязни.

Из самой Преисподней Сатана
К нему пришел. Крепка была подмога.
И разлилась кровавая дорога.

И тянется. Еще не свершена,
Но он сполна узнает силу Бога.
В свой час он выпьет кубок свой до дна.

4 августа

В НЕСОСЧИТАННОМ

Мы в Несосчитанном. В немом Неисчислимых.
В Непредусмотренном. Лань не предвидит льва.
Его предчувствует чуть-чуть, пока жива.
Но когти, пасть, прыжок, все это где-то в дымах.

А дым восходит вверх из жерл всегда палимых.
Есть где-то там внизу такая голова,
Полмира — мера ей, и клык — ее слова,
И путь ее — пробег в полях необозримых.

Кто хочет распознать сполна ее судьбу,
Тот должен развернуть такой папирус старый,
Где каждая строка есть кровь и злые чары.

Он должен много раз живой побыть в гробу.
Мы схвачены врасплох. Мы втянуты в пожары,
Не вняв, что Ангел Бездн дохнул в свою трубу.

7 августа

НАБАТ

Лишенный Родины, меж призраков бездушных,
Непонимающих, что мерный мудрый стих
Всемирный благовест средь сумраков густых,
Один любуюсь я на звенья строк послушных.

Они журчащий ключ во днях пустынно-душных.
В них сговор солнц и лун для праздников святых,
Веселый хоровод из всплесков золотых,
В них грозный колокол для духов двоедушных.

От звуковой волны порвется злая сеть.
Качнувшись, побегут в пространство привиденья.
Все дальше, дальше, прочь от грозового рденья.

А бронза гулкая и стонущая медь,
Возникши в воздухе глаголом осужденья,
Продлят свой долгий гуд, веля Судьбе — греметь.

12 августа

ЛАВИНА

Храня молчание, гигантская лавина
Проходит местности, где смерть и нищета.
Сто тысяч ртов сухих. Во взорах темнота.
Сгоревшие поля. Сожженная равнина.

Ни одного снопа для темного овина.
Нет больше колоса. Бесплодье. Нагота.
Забыть закон людей. Забыть закон Христа.
Один закон: Бежать. Что дальше, — все едино.

Идут, идут, идут. Они должны идти.
Кто пал под тяжестью, добыча он канавам.
И будет там лежать на дне зловеще-ржавом.

А если встретят что живое на пути,
Нахлынув, разгромят в своем хотеньи правом: —
В необходимости хоть что-нибудь найти.

12 августа

КТО?

Кто качнет завесу гробовую,
Подойдя, раскроет мне глаза?
Я не умер. Нет. Я жив. Тоскую.
Слушаю, как носится гроза.

Закрутилась, дикая, пожаром,
Завертелась огненным дождем.
Кто велит порваться темным чарам?
Кто мне скажет: «Встань. Проснись. Пойдем»?

И поняв, что выгорела злоба,
Вновь я буду миру не чужой.
И, дивясь, привстану я из гроба,
Чтоб идти родимою межой.

26 августа

ТРИ ЗАКЛЯТИЯ

Я пошел за свежею водой.
Я дошел до двери запертой.
Оковала дом глухая ночь.
Не могу я жаждущим помочь.

Я пошел, чтоб хлеба принести.
Но собака злая на пути.
Говорит мне громким лаем: «Прочь!»
Не могу голодным я помочь.

Я пошел искать во тьме свечи.
Но в замках ломались все ключи.
И, хоть вижу, как сова, сквозь ночь,
Не могу невидящим помочь.

30 августа

МАРЕВО

Мутное марево, чертово варево,
Кухня бесовская в топи болот.
Эта земля, говорят, государева?
Царский ли здесь, не исподний ли плод.

Дымное яблоко шаром багрянится,
Ткнешь в него, — вымахнет душный огонь.
Яблоко пухнет, до неба дотянется.
Небо уж близко. Но неба не тронь.

Тронешь, — уходит. Шатнулось провалами.
Адское яблоко стало как гриб.
Низится, пляшет порывами шалыми.
Вправо и влево захват и загиб.

Вот покатилось полями, равниною, —
Выжжено поле, равнина суха.
Малые дети питаются тиною,
Взрослым достались объедки греха.

Только в болотах похлебка есть мутная.
Голод с большими глазами идет.
Скачет бессонница, ведьма беспутная,
Ищет на ужин куриный помет.

Снова раскрасясь густыми румянами,
Яблоко пухнет пышней и грузней.
Мечется шаром над мертвыми странами.
Мутное пламя на тысячу дней.

6 сентября

ПОЕДИНОК

Долго я лежу на льду зеркальном,
Меряю терпением своим,
Что сильнее, в сне многострадальном,
Мой ли жар иль холод-нелюдим.

Льдяный холод ночи предполярной,
Острый ветер, бьющий снежной мглой.
Но, как душный дух избы угарной,
Я упрям и весь в мечте былой.

Думаю на льду о том гореньи,
Что зажгло меня в веках костром,
Выявилось в страсти, в звонком пеньи,
Сделало напев мой серебром.

Велика пустыня ледяная,
Никого со мною в зорком сне.
Только там, средь звезд, одна, родная,
Говорит со мною в вышине.

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит,
И велит мне: «Сердце сбереги».

И, внимая тайным алым пляскам,
Что во мне свершаются внутри,
К синим льдам, как в царстве топей вязком,
Пригвожден, хоть стыну, жду зари.

Ходит ветер. Холит вьюгу,
Льды хрустят. Но вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты,
И звезде слагаю мерный стих.

10 сентября

НИТЬ

Закрой глаза, и будет ночь,
Раскрой глаза, и будет день.
Гони мечтой все тени прочь,
И в пурпур жизнь свою одень.

Не подчиняйся ни векам,
Ни черным дням, случайно-злым.
Мы вечно к светлым берегам
Плывем, и горе наше — дым.

На ткацком бешеном станке,
Издревле, в пряже грязь и кровь.
Но светлой ткани вдалеке
Ты нить из света приготовь.

Когда кипит лесной пожар,
Густой пожар в сто дней пути,
Как нам искать цветочных чар,
Как красных ягод нам найти.

Но вот, хоть силен был поджог,
Хоть с четырех, со всех сторон,
Он все же леса сжечь не мог,
И снова сосен нежен звон.

И все пожарища веков
Кончались шелестеньем нив.
Заря придет, лишь будь готов,
И в грозной бездне будь красив.

10 сентября

В ПРЕИСПОДНЕЙ

Сорвавшись в горную ложбину,
Лежу на каменистом дне.
Молчу. Гляжу на небо. Стыну.
И синий выем виден мне.

Я сознаю, что невозможно
Опять взойти на высоту
И без надежд, но бестревожно,
Я нити грез в узор плету.

Пока в моем разбитом теле
Размерно кровь свершает ток,
Я буду думать, пусть без цели,
Я буду звук — каких-то строк.

О, дайте мне топор чудесный —
Я в камне вырублю ступень,

И по стене скалы отвесной
Взойду туда, где светит день.

О, бросьте с горного мне края
Веревку длинную сюда,
И, к камню телом припадая,
Взнесусь я к выси без труда.

О, дайте мне хоть знак оттуда,
Где есть улыбки и цветы,
Я в преисподней жажду чуда,
Я верю в благость высоты.

Но кто поймет? И кто услышит?
Я в темной пропасти забыт.
Там где-то конь мой тяжко дышет,
Там где-то звонок стук копыт.

Но это враг мой, враг веселый,
Несется на моем коне.
И мед ему готовят пчелы,
И хлеб ему в моем зерне.

А я, как сдавленный тисками,
Прикован к каменному дну.
И с перебитыми руками
В оцепенении тону.

12 сентября

РЕКА

Я шел в ночи пространствами чужими,
Полями, виноградниками, вдаль.
Моя душа была как в едком дыме,
Меня вела незрячая печаль.

Я потерял, давно и безвозвратно,
Желанных снов раскидистый узор.

Чужая ночь дышала ароматно,
Не с ней вступал я в детстве в договор.

Не этих звезд мне ворожили звенья,
Я потерял в путях свою страну.
Прилив ушел, и я, как привиденье,
Средь раковин морских иду по дну.

Я проходил уснувшие деревни,
Я слышал полусонный лай собак.
И тайный голос, точно тени древней,
Меня манил, давая мысли знак.

Я шел как раб магического слова,
Перекликались в воздухе века.
И вот пришел к черте пути ночного,
Пресекла шаг широкая река.

И вдруг в душе, на берегу высоком,
Забилось что-то ласково-светло.
Каким необозримо-долгим сроком,
Слагалось это емкое русло?

Какие числа скольких здесь усилий
Сплетали пляску капель в звездный счет?
Но ход ключей, сочась в земной могиле,
Пробился вверх, в веках река течет.

Я шел домой. И после пытки знойной
Вернулся, не жалея ничего.
И, наклоняясь над дремлющим, спокойный,
Поцеловал ребенка моего.

16 сентября

НОЧЬЮ

Ночью, к утру, мне не спится,
Думы темные томят.
То не может измениться,
Что в душе скопляет яд.

Нет, не Божье дуновенье
Над планетою Земля,
А исподних духов рвенье,
Кровью залиты поля.

Не Господнее влиянье,
Брат для брата лютый зверь.
Темной чары обаянье
Было встарь, и есть теперь.

Я лежу испепеленный,
Догорая как смола,
Но не тихий, но не сонный,
А взметенный в бездне зла.

Я прикован к мертвой глыбе,
В сердце взявший семь мечей,
Я раскинутый на дыбе
Под рукою палачей.

Я горю в бореньи трудном,
Напрягаю жадный слух.
И пронзенно, гласом судным,
В темноте поет петух.

К новой боли неуемной
Вмиг уводит этот звук.
Вот он, крест из бездны темной,
Гвоздь готов для ног и рук.

Мрак духовный — злой кудесник,
Жутки тайны бытия.
Самый добрый благовестник
Был лукавая змея.

Петр, чье имя — крепкий камень,
В час, когда пришла черта,
Погасил свой лучший пламень,
И отрекся от Христа.

Так скорблю, изнемогая.
Но внезапно, в тишине,
Бледный призрак, мать родная,
Наклоняется ко мне.

Из пределов отдаленных,
Путь свершив, пришла опять.
Принесла цветов мне сонных,
В каждом звездная печать.

И немедля, как ребенок,
Всхлипнув раз и два, я сплю.
Луч прядется, бел и тонок.
Как я этот свет люблю.

Только Мать нам не изменит,
Уведет бессонных к сну.
Буря в Море горы пенит,
Я плыву и не тону.

17 сентября

НОЧНАЯ ПЛЯСКА

Их было триста, привидений,
И шестьдесят еще, и пять.
И я, ночной дождавшись тени,
Вмешался в раут их опять.

Чтоб не нарушить этикета,
Надел я саван из холста.
И в зыби факельного света
Кругом плясала темнота.

Спина к спине, лицом в пространство,
Плясали духи, семь и семь.
И выявляла их убранство
Огнем пронизанная темь.

Как будто диво-дровосеки,
Что рубят лес без топора,
Те женщины, те человеки,
Что были живы лишь вчера.

Как бы ткачи незримой ткани,
И отощавшие жнецы
В кроваво-пляшущем тумане
В невольной пляске мертвецы.

Плясать им не было отрады,
И все ж плясал их бледный круг,
И вились волосы как гады,
И закривились крючья рук.

И дух один, дугою руки,
На коже грузного быка,
На барабане сеял звуки,
Диктуя скоки трепака.

И дух другой — на тени
Вел наступательной войной,
И для плясавших привидений
Вливались в чан и кровь и гной.

И третий дух — по черствой корке
Бросал теням из темноты,
И, как у раковины створки,
У них приоткрывались рты.

И тени с ужасом кружили
Непрерывающийся пляс.
Не подчиняясь звездной силе,
Не двигался тот жуткий час.

Та сатанинская затея
Все длила ход свой в диком сне.
Вдруг ощутил я, холодея,
Что саван мой прилип ко мне.

И, бросив ту, с кем был я в пляске,
В полях, где не видать ни зги,
Я убегал из страшной сказки,
И слышал сзади бег Яги.

Я в жизни вновь, в часах, в их смене,
Я на цветущем берегу.
Но, отойдя от привидений,
Сорвать свой саван не могу.

21 сентября

НАВОЖДЕНИЕ

Каждый день напрасно трачу силы,
И, едва пробьет полночный час,
Из меня вытягивают жилы
Дьяволы с пожаром в глуби глаз.

Окружат и смотрят молчаливо,
Пусть я вижу, как в глазах у них
То горит, чем мысль была счастлива,
Весь восторг надежд и снов моих.

Так стоят до самого рассвета,
И в пожаре глаз их вижу я,
Что во власти их зима и лето,
И что правит душами Змея.

22 сентября

ТРИ УПРУГА

Три стройных мачты, три упруга,
Над палубой как три ствола.
Они в ветрах крепят друг друга,
В затишье смотрят в зеркала.

И в вихрях Севера и Юга
Их манит молнийная мгла.

Перешепнулись парусами: —
«Войдем в морские чудеса».
Проплыли даль под небесами,
И сохранилась их краса.
От трех упругов над волнами
Упругой воли голоса.

27 сентября

РОССИЙСКОЕ ДЕЙСТВО

Переклюкал хитрый Бесище
Благомысленных людей,
Заманил на перевесище,
Там, где место для сетей.

И, глазами лупоглазыми
Легковерных осмотрев,
Бил их лютыми проказами,
Изрыгнул свой ярый гнев.

С парусами и упругами
Разлучив, припрет к земле,
Да вовек пребудут слугами
Утопающих во зле.

27 сентября

ПРОКЛЯТАЯ СВАДЬБА

Я устал молиться детски Богу.
Как могу прочесть я «Отче Наш»?
На большую выгнан я дорогу,
В час, как гости пьют из брачных чаш.

А моя желанная, Невеста,
В шутовской одетая наряд,
Рядом с палачом имеет место.
И молчит. И мысли в ней болят.

Ворожбой затянутая злою,
Помнит ли еще она меня,
В час когда играет буря мною,
В миг когда я падаю, стеня?

Пред гостями нечестивой свадьбы
Соловьями женщины поют,
Чтобы им светить, горят усадьбы,
Города, деревни пламень льют.

И пока в чертоге, в красках алых,
Песни, смех, и пляс, и пьют вино,
Убивают пленных там в подвалах,
В красном доме черное есть дно.

А Невеста мутными глазами
Смотрит, как меняется черед,
Как ряды танцуют за рядами,
И сама себя не узнает.

Вкус узнав истоптанного праха,
Зрением двойным я с ней в бреду.
Ветер пыльный бьет в меня с размаха.
Я иду. Я падаю. Иду.

27 сентября

КРАСНЫЕ КАПЛИ

Красные капли, ушедшие в Русскую землю,
Красные капли, до времени павшие в прах,
Ночью беззвездной я голосу вашему внемлю,
Как вы бежите, поете о злых временах.

Каждая капля слилась с безграничным потоком,
Каждая капля блюдет в переплеске черед,
Каждая капля глядит упрекающим оком,
Каждая капля о порванной жизни поет.

Ночью безлунной я красные капли считаю,
Ночью беззвездной мне странная песня слышна,
Тенью глядящей хожу по далекому краю,
Слышу, как капли звенят, упадая до дна.

Красные капли, упавшие в Русскую долю,
Если б хоть знать, что когда-нибудь вспыхнете вы
Свежим расцветом по Русскому лугу и полю,
Жертвенным цветом, глядящим в простор синевы.

1 октября

ЗАСНУВШИЙ СТРАХ

Он задремал. Раскинулась широко
Страна, где много обмелевших рек.
И правое закрыто плотно око,
А левое белеет между век.

Зрачки не видят. Слух тупой не слышит.
В кровавом сердце черно-красный пляс.
Как волк во сне, прерывисто он дышет,
И новых жутких сказок зреет час.

Под серым прахом много смертных впадин.
Там в каждой труп червям закабален.
Заснувший страх жесток и плотояден.
Он ест тела. Он ест и тень имен.

Лишь за одно название, за имя,
За мысль, за призрак мысли, будь в земле.
Сгорело много тысяч в едком дыме,
Упало много тысяч в красной мгле.

Есть области, где волей злого страха
Людьми кормили рты холодных рыб.
Другими — псов, дав трупам мало праха,
Средь взрытых изнасилованных глыб.

И в час, когда я мертвенные звоны
Влагаю в этот мерный ток стиха,
В аду голодном меркнут миллионы,
К ним смерть идет, хоть нет на них греха.

А страх, заснув, боится лишь минуты,
Когда, по воле Солнца, дрогнет тьма.
И, новых лжей, во сне, свивая путы,
Чужие исчисляет закрома.

Благая Воля, ужас был в избытке.
Терзаемых от гибели избавь,
И прекрати невыносимость пытки,
Где явь есть сон, и страшный сон есть явь.

7 октября

ЗАБЫТЫЙ

Я в старой, я в седой, в глухой Бретани,
Меж рыбаков, что скудны, как и я.
Но им дается рыба в Океане,
Лишь горечь брызг — морская часть моя.

Отъединен пространствами чужими
Ото всего, что дорого мечте,
Я провожу все дни как в сером дыме.
Один. Один. В бесчасьи. На черте.

Мелькают паруса в далеком Море.
Их много, желтых, красных, голубых.
Здесь краска с краской в вечном разговоре,
Я в слитьи красок темных и слепых.

Мой траур не на месяцы означен,
Он будет длиться много странных лет.
Последний пламень будет мной растрачен
И вовсе буду пеплом я одет.

И может быть, когда туда, где ныне
Бесчинствует пожар бесовских сил,
Смогу дойти, лишь встречу прах в пустыне,
Что вьется в ветре около могил.

И может быть, мне не дождаться мига,
Когда бы мог хоть так дойти туда,
Приди же, Ночь, и звезд раскройся книга,
Побудь со мной, Вечерняя Звезда.

9 октября

В ЧЕРНОМ

На деревне, далеко, прерывный напев петухов.
Скоро будет к заутрени благовест литься тягучий.
Я устал размышлять о сплетеньи лучей и грехов,
Как ни есть, я таков. Я в не слышащем мраке певучий.

Помолиться хотел. Я не знаю молитв никаких.
Отче Наш. Богородица. Детская. Светы лампадки.
А откуда же посвисты вражьи набегов лихих?
Будет детям в беде только Мачиха строить загадки.

Загадает, как можно волков накормить, сохранив
Серебристых ягнят. Как построить твердыню из праха.
Как поднять золотые колосья растоптанных нив.
Как убийство убить, не коснувшись всеокого страха.

Я горю и не сплю. Неоглядна бездонная ночь.
Колокольная медь задрожала растущею силой.
Всескорбящая Мать, или ты мне не можешь помочь?
Дай увидеть твой взгляд, и в мгновениях черных помилуй.

9 октября

ЗАКОЛДОВАННАЯ ОБЛАСТЬ

В жерле, где лгущие куют терзанья честным,
В берлоге ужасов, застенков, и химер,
В вертепе огненном тысячеверстных мер,
Просторном — для беды, и для благого — тесном,

Я зрением двойным, я чувством бестелесным,
Брожу среди людей различных дум и вер,
Но всюду — край тоски, который тускло-сер,
Он унижением окован повсеместным.

Как в сказке детских дней, там всюду волчий глаз.
Там волчьи ямы есть, но для людей ходящих.
Там ходит дух людской кругами в темных чащах.

Там мера времени — облитый кровью час.
И волей демонов, личиной ворожащих,
Там смертью пишется неконченный рассказ.

15 октября

ДВОЙНОЕ ЗРЕНИЕ

Двойное зрение рождается лишеньем,
Тюрьмой, терзанием, умением молчать,
Решеньем наложить на много чувств печать,
Сознаний вековых внедряемым внушеньем.

Созвездных сил ночных законченным круженьем,
Сознаньем явственным, что можно топь и гать
Творящей волею в пути пересоздать,
Не дав своей мечте идти слепым броженьем.

Но более всего, о, более всего,
Двойное зрение дает душе разлука,
О милых брошенных забота, мысль и мука.

Вот, я закрыл глаза. Не властно вещество.
Чрез десять тысяч верст я слышу зыби звука.
И там, где в пытке брат, я около него.

17 октября

БЕЗДНА

От бездны к бездне клич. Но где ж другая бездна?
Я вижу лишь одну. В ней грязно-красный цвет.
Крутясь, вскипает, муть, не год, а много лет.
Какой угодно клич стремить к ней бесполезно.

Она безжизненна, свинцова и железна.
Ей презрен целый мир. Возненавиден свет.
Клеймо звериных чувств и воровских примет.
Лишь «Грабь» и «Убивай» — в ней эти два — созвездно.

Пятирогатая кровавая звезда.
Все, что не я, сотри. Всем, кто не я, возмездье,
И гибнут области, деревни, города.

Земля не хочет цвесть. В реках гниет вода.
Когда ж иных огней зажжется семизвездье,
И муть бесплодная сотрется навсегда?

17 октября

МЫСЛЬ

Я брошен был врагами в львиный ров,
Но львы, придя, меня не растерзали,
Они, ласкаясь, ноги мне лизали,
И синий свет, прекрасен и суров,

С небес, из распахнувшихся шатров,
Сошел ко мне, я был в высоком зале,

И звезды ожерелье мне низали,
Чтоб мир души был мерой всех миров.

И снова, за грядой тысячелетий,
Низвергнут я в берлогу, чтоб скорей
Погибла мысль от челюсти зверей.

Но в паруса я обращаю сети.
И в красный цвет играющие дети
Моих не остановят кораблей.

18 октября

ТАМ

Ты говоришь мне, почему
Я не в напеве предвещанья
О том, что вечных зорь венчанье,
Пронзить сцепляющую тьму?
Я знаю высшее звучанье,
И этот дар, как никому,
Мне дан, быть может, одному.
Но леденит меня молчанье.

В краю, где длится пир врагов,
Где ткут из сгустков крови ткани,
Нет, в долгом звяканьи оков,
Не изнасилованных слов,
Не изуродованных зданий,
И не растленных обещаний.

18 октября

СЛЕДОПЫТ

В глухую загнанный трущобу,
В незрячей темно-серой мгле,
Как труп в гробу, припавший к гробу,
Я, следопыт, припал к земле.

И ясно слышу отдаленный
Неисчислимый ход людей,
Толпой идущих, разъяренной
От бешенства слепых страстей.

Страстей, пожаром трепетавших,
И долго ждавших, вековых,
Но в силе взрывчатой упавших,
Как сонмы глыб, на них самих.

И, от лавины убегая,
Забыв, что значит благодать,
Она бежит, толпа слепая,
Но больше некуда бежать.

А тот, кто загнан был в трущобу,
Он должен медлить в мертвой мгле,
К своей тоске прильнув как к гробу,
Бесплодно жалуясь земле.

21 октября

ТОПОР

Светлый, меткий, и тяжелый,
Заходил топор сам-друг.
Щепки носятся как пчелы,
Сосчитать их недосуг.

Много зим, и много весен,
Был схоронен мой топор.
И стволы дубов и сосен
Расширяли свой убор.

Не в могиле был он, сильный,
А в запрете, в тишине.
Так, в углу, валялся, пыльный,
И косился он ко мне.

Но запреты — где запреты?
Но законы — где закон?
Эти песни все пропеты,
И в лесах и гул и стон.

Только бешеный он, верно,
Этот пьяный мой топор.
Раньше он рубил примерно,
А теперь лишь сеет сор.

Остудился дальний город,
И в деревне не теплей.
Лишь, подняв свой волчий ворот,
Ходит холод-лиходей.

30 октября

НАВОРОЖЕННЫЙ СОН

В лазури, бледной как вода,
Тринадцать дисков, череда,
Зеленоватая слюда
Дала зеркальные блюда.

Замерзлый в каждом блюде свет,
В них воздух сказок и примет,
Остудевающий расцвет,
Какой-то знак, чего-то след.

На каждом блюде голова,
Отрублена, полужива,
Полужива, полумертва,
Глаза белеются едва.

У тех скользящих в небосводе,
У всех голов замкнутый рот,
Зловеще-круглый хоровод
В полярном холоде плывет.

Тринадцать пыток, череда,
В лазури, тусклой как вода,
Зеленоватая слюда.
На дне зеркальном кровь-руда.

30 октября

ЗЛОЙ СОН

Мы — мысль страны, которая несчастна,
Мы — мозг ума, сошедшего с ума.
В злых чарах, там, где черны терема,
Костер последний, тлеющий безгласно.

Вот брызнет ночь пригоршню мрака властно,
Дохнет, от вех злосчастия, чума,
Войдет мороз в пустые закрома,
И хор безумий грянет полногласно.

«Летим по обездоленной стране!»
«Скользнем по свежим хлопьям первопутка!»
«Убьем! Возьмем! Там все в глубоком сне!»

Мы слышим хор видений в тишине.
Мы, мозг умалишенного рассудка,
Скорбящий светоч, в пропасти, на дне.

15 ноября

ВИДЕНИЕ

Серый волк из угрюмой, давно прозвучавшей нам, сказки.
Ты по-прежнему воешь в промерзлых пустынных лесах.
На деревню зайдешь. Но не так. Без бывалой опаски.
Сатанинские свечи пылают в звериных глазах.

Ты добычу найдешь. Все деревни баранами скупы.
И угнали коней. И корова, — где встретишь ее?

Но желанны для волка людские, хоть тощие, трупы.
То, что он не доел, — налетит, доклюет воронье.

Пожимаясь в лохмотьях, уходит седая Забота.
Побелевшие щеки. Исканье во впалых глазах.
И с клюкою вослед пробирается призрачный кто-то.
Это Смерть? Или Совесть? Убийство? Отчаянье? Страх?

Перекинулись тени в глаза, где расплескано горе,
Не из глаз подоспевших, безглазых назойливых ям.
Обнялись. Зашагали вдвоем в оскудевшем просторе,
По немым косогорам, по брошенным мертвым полям.

Вот усадьбу прошли, где в разбитые окна метели
Набросали снегов. Настелили постели. Поспи.
И уходят вперед по крутящейся снежной кудели.
От сугроба к сугробу. В лесах. В пустырях. На степи.

Миновали деревню. Другую. Село миновали.
Нет людей. Нарастанье отверженных брошенных мест.
И на каждую дверь подышали в безмолвной печали.
Где дохнут, там означится, белой проказою, крест.

Утомило безлюдье. Прискучило мертвое дело.
Завертелись в снегах две метели беды мировой.
А Луна в высоте — словно лик из застывшего мела,
Словно глаз мертвеца, — приоткрыт, но давно неживой.

17 ноября

КАМНЕГРАД

В размеренном четком Камнеграде,
Где ждет чеканный лик Петра,
Когда же кончится игра
Безумных, захмелевших в чаде,
Людей ничтожных, без Вчера,
Без Завтра, — ком, где гад на гаде, —

В гранитном строгом Камнеграде
Зимой суровы вечера,
Еще суровей ночь без света,
В домах, где позабыта печь,
Как вольная забыта речь,
Все холодом седым одето,
И голод спит в капканах тьмы,
А лунный луч, как саван белый,
Нисходит в Град оцепенелый,
Сжимая в кандалы зимы
Давно застывшие умы.
Я мыслью прохожу по строгим
Знакомым улицам. Но Зверь,
Его же имя: «Лгущим верь»,
Все сделал мертвым и убогим.
Убийство правит там теперь.
Лазутчик всюду наготове,
Чтоб, заскрипев, раскрылась дверь
И снова пала тяжесть крови.
И снова Сатанинский меч,
Всегда несытый и кровавый,
Все будет жертв алкать, стеречь,
И похваляться той забавой,
Где правым тешится неправый,
Злодей к продажным держит речь,
А проходя от дома к дому,
В домах, где позабыта печь,
Немой идет как тень к немому,
Живые люди мертвых встреч.

В душе, в том внутрезорком взгляде,
Что досягает до светил,
Всегда живет в созвенном ладе,
Что сердцем зорко полюбил
За красоту творящих сил.
В душе я мысль о Камнеграде,
Тоску о нем не погасил.
В душе набат. В ней вопль об Аде.
И звук псалмов. И звон кадил.

Твердыня с мощностью стропил,
С устоем скреп. Созданье воли.
Рисунок гения в веках,
Где каждый шаг — исход из боли,
Умом преображенный прах,
Где каждый дом — крылатый взмах.
Не город, а напев гранитный,
Всей нашей гордости кудель,
Всей нашей славы колыбель,
Узор, с которым в дружбе слитной
Золотоглавая Москва.
Столица, глянувшая в Море,
Где внепредельна синева,
Где, с духом смелым в договоре,
Даль уводящая жива.
Столица — мысль, где стержень — Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа, Достоевский.

Пришел неотвратимый час,
Скрещение, во вражьей встрече.
Тысячелетних семиречий,
Чьи розны русла, чей рассказ
Еще не кончен и сейчас.
Но вы, зловещие предтечи,
Вы, чей бесовский спутник — страх,
У подходящего предела
Творите мертвое вы дело,
Вы злая воля на весах.
Бесам возбранено зачатье.
И в перекатных голосах,
В грядущем, в видящих глазах,
Один вам приговор: Проклятье.
В беду наворожив свой сглаз,
Начав преступную дорогу,
Вы пропасть кликнули в подмогу,
И пропасть всех поглотит вас.

Вселенная живет не ради
Пролитья крови, как потоп.
Знак духа — побежденный гроб.
И в возрожденном Камнеграде
Не коршун, расширяя зоб,
Кичиться будет над пустыней,
Всю землю превращая в склеп.
Я вижу вновь его твердыней
С двойным устоем прочных скреп.
Обильной будет вновь природа,
Узнав, что труд опять творец.
На вече мыслей и сердец,
В бреду зачатая, свобода
Возникнет вольной наконец.
И, камень взяв рукою верной,
Лелея замысел размерный,
Ваятель поведет резец.
И корабли в лазурном поле,
В сафире, полном серебра,
Вскрылят напев: «Давно пора!»
Во исполненье вещей воли,
В веках чеканного, Петра.

6 декабря

ЧЕРТОВ ЦВЕТ

На избушке петушок
        Скрип заводит бесполезный.
Красный вздыбя гребешок,
Внемля свисту долгий срок,
        Песней тешится железной,
        Перевертыш, лжет над бездной.

Под избенкой косогор,
        А в избенке зоркий вор,
Плуг-мужик, детина ражий.
Лыки драл он с давних пор,

Лапти делал для продажи,
А еще гадал на саже.

Год гадает, а петух
Зря скрипит и дразнит слух,
Ничего не выходило.
Все же силен вражий дух,
Все же вору вражья сила
«Будешь барин!» говорила.

И прошло немало лет,
Распалился чертов цвет,
В саже — кровь и уголь ярый.
Черный красным разодет.
Все разгромлены амбары,
Взорван жар, горят пожары.

Кровь потоком пролилась,
Льется каждый день и час.
Черный красным размалеван.
Глаз бесовский — лютый сглаз.
Скачет вор, как заколдован,
К пляске дьявольской подкован.

Только видит — толку нет.
Много хвастал чертов цвет,
Посулился уголь ярый
Дать богатство и совет,
И на кляче сухопарой
Гонит к барщине он старой.

Всюду слышен волчий рык,
Темный — к тьме прикован лик.
И поет петух железный,
Что бесовский цвет поник,
И в торговле — бесполезной
Тот, кто торг затеял с бездной.

11 декабря

ЖЕЛЕЗНЫЙ АРКАН

Злорадный круг был крепко спаян,
И звенья новые ковал.
Непримиримость — прочный вал.
В тысячелетьях силен Каин
Лишь тем, что в мерном — чрезвычаен,
Разбрызгав цвет, который ал,
Желал, истинно желал.

Что царству скрепа — в сгустках крови,
Открылось мысли не вчера.
Сильна бесовская нора.
Есть зов для сердца в диком лове.
И, нож имея наготове
Для всех, чья греза — путь добра,
Все знают злые: Их — игра.

Тьма не забыла Тамерлана.
Его бесовский выслал ров
Для красно-огненных пиров.
Но тот, в ком сердце ныне пьяно
От красноцветного обмана,
Забыл, что скипетр злой не нов
Над пирамидой черепов.

Отбрось мечту к Средневековью.
Там строила другая тьма
На крови прочные дома,
«Молчи», сказавши прекословью,
Обрызгать новый замок кровью, —
На свежем трупе терема, —
Вот мысль, где пляшет Смерть сама.

Но эти скрепы — нет, не скрепы,
И однозвучный Тамерлан
Лишь краткий в сне времен туман.
И замки, чья основа — склепы,

Для тех, кто строит их, — вертепы,
        Где косоликий истукан
        Хранит лишь час бесовский сан.

Мертвящий круг, аркан железный,
        Где каждый вольный разум нем,
        Где выкован ошейник всем,
Распаян волей вечной Бездны,
Где против тьмы есть витязь звездный,
        Что, давши духу светлый шлем,
        Велит, чтоб стала тьма — ничем.

11 декабря

СОДЕРЖАНИЕ

В РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ
Поэма о России

ГИМНЫ, ПЕСНИ И ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХ

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

МАРЕВО

Константин Дмитриевич Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Редактор *А. Полбенникова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Корректор *М. Шацкая*
Компьютерная верстка *А. Павлов*

Подписано в печать 12.01.10 г.
Формат 84 ×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 22,4.
Заказ № 0925300.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Литературное
приложение

ОГОНЁК

www.terra.su

ISBN 978-5-904656-86-7

9 785904 656867